

СЕМЬЯ ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА

Г.Т.Хоментausкас

Семья глазами ребенка

Москва, Педагогика, 1989г.

OCR: Юлия Дмитренко

РЕБЕНОК ВОСПИТАТЕЛЬ СЕБЯ

Каждый из нас время от времени бывает слушателем монолога одного из взрослых членов семьи. Основная его тема звучит приблизительно так: Почему именно в нашей семье растет такой (далее следует перечень преимущественно отрицательных черт характера) ребенок? Ведь никто из нас - ни я, ни отец (мать), ни дедушка (бабушка) не были такими. Наоборот! Мы всегда были (далее следует перечень преимущественно положительных качеств личности) людьми. И любили мы его (ее), и воспитывали как надо... Кто его (ее) этому научил?

Оставим на время в стороне наших воображаемых персонажей, столь эмоционально переживающих свою

родительскую беспомощность. Попробуем рационально разобраться в ее причинах. Возмущение наших воображаемых, так же как зачастую и реальных, родителей черпает энергию из определенных, осознаваемых или неосознаваемых, субъективных установок, которые формулируются следующим образом: 1) дети должны быть такими, как мы; 2) родители полностью ответственны за воспитание детей. Если вдуматься, в обоих этих мнениях присутствует распространенное и существенное искажение реальности.

Разберемся по порядку. Что касается первой родительской позиции, то надо прежде всего понимать, что даже очень отличающиеся друг от друга люди ценны и полезны для общества. И непоседа - путешественник, и общительный рубаха-парень, и задумчивый, замкнутый ученый - все они чем-то привлекательны, чем-то хороши. По крайней мере, сами они наверняка не поменялись бы местами. Аналогично отличие ребенка от вас вовсе не означает его плохости, так же как отличие других людей от вас не говорит об их никчемности. Часто оказывается, что те особенности личности детей, которые волновали родителей (скажем, независимость, настырность), позднее становятся главными их достоинствами.

Родители, заботясь о будущем своих детей, хотят, чтобы они были носителями всего наилучшего, видят их имеющими все то, что в них самих есть хорошего, и без их недостатков. Такое желание понятно и естественно. Однако оно часто приводит к нереальным, завышенным требованиям по отношению к нашим детям и к себе самим как воспитателям.

Представьте, что вам надо собираться в пожизненное плавание на судне. Если вы загрузите судно всем, что есть в мире хорошего, начиная с картин Леонардо до Винчи и кончая золотыми слитками Госбанка, оно просто не останется на плаву. И никто так и не поступит. Каждый человек возьмет с собой необходимое. Уверен, что часть груза составят приятные безделушки. При этом вы бы просто пренебрегли мнением тех людей, которым такое ваше поведение показалось бы глупым. Если позволить себе сравнить личность ребенка с судном, а ее содержание - с грузом, то ребенок, как и вы, вкладывает в нее разное. Он грузит туда то, что ему кажется необходимым, дорогим. Как невозможно для каждого из нас идеально укомплектовать судно, так невозможно говорить об идеально укомплектованной личности. Каждый имеет свой собственный идеал. Главное, чтобы каждый был доволен тем, что взял с

собой, и умел бы этим пользоваться. Иначе говоря, не всегда стоит беспокоиться о том, что дети отличаются от нас (они – это не мы!).

Теперь о второй позиции. То, что дети не имеют тех качеств, которые родители пытались у них воспитать, вовсе не значит, что родители за это в полном ответе. Кроме усилий родителей, их воспитательных воздействий действует громадное количество других факторов – общение ребенка с воспитательницей детского сада и учительницей школы, сверстниками и другими взрослыми и т.д. и т.д. Кроме того, нельзя уповать на то, что только от нас, взрослых, зависит, какой личностью станет наш ребенок. Да, влияние мира взрослых громадное, но ведь существует и сам ребенок, с характерными ему возрастными особенностями, специфическим восприятием и творческой интерпретацией окружающего мира. Ребенок не кусок глины, из которого можно вылепить все, что захочешь и сможешь. Он человек, способный ощущать, чувствовать, воспринимать, рассуждать, хотеть, и, опираясь на свой уникальный опыт, вырабатывать собственную точку зрения, и выбирать, как ему вести себя.

Педагогическое и психологическое образование современного общества высоко. Родители знают, что хорошо и плохо с научной точки зрения, их разговоры о воспитании детей наполнены научными терминами и аргументами. Это прекрасно. Но они, как, впрочем, и некоторые педагоги, в подобных беседах часто забывают, что разговор идет о живом, мыслящем и чувствующем ребенке, а не о дрессировке персидского кота... Однако этот существенный недостаток в оценке происходящего не мешает возникновению потока советов по воспитанию детей знатоков родителям. Эти советы варьируют от научно обосновываемых рекомендаций до стопроцентных воспитательных средств, которые вы слышите, проходя с ребенком от бабушки, сидящей на скамейке.

К сожалению, не существует универсальной технологии воспитания детей и вы не можете получить совета на все случаи жизни даже от человека, обладающего полными научными знаниями о семье. Например, известно, что для эффективного воспитания родители должны придерживаться в семье демократического стиля или что недостаточное внимание является причиной множества психологических проблем ребенка. Да, это так. Но значит ли это, что, если по ночам ребенку снятся разные кошмары, надо уменьшить авторитарность отца в семье или побольше играть, быть вместе с ребенком? Если вы последуете этим советам, может быть, они вам помогут, а может, и наоборот. Почему? Причина проста: ваш советчик говорит о воображаемой семье и ребенке, думает об идеальной системе воспитания (которой, кстати, нет). Если вы, по его мнению, отступили от нее, надо всего лишь исправить ошибку. Его не интересует, почему ваш ребенок поступает так или иначе, как он видит происходящее вокруг. Но хватит рассуждений. Реальная жизнь говорит сама за себя.

Первая ситуация. День рождения трехлетнего Пятраса. Один из подарков, который он с явным удовольствием держит в руках, – пакетик с конфетами, шоколадками и другими сладостями. Вокруг – не менее довольные тети, дядя, бабушки, дедушки и гордые своим сыном родители. Одна тетя вдруг любезно обращается к мальчику: Ты ведь любишь меня, Пятрюкас, не правда ли? Угости меня конфетой. После тети настает очередь и других родственников, стремящихся проверить любовь мальчика к себе посредством конфетной гарантии. Сперва Пятрас, не понимая, что творится вокруг, прижимает к груди пакетик со сладостями, но, подбодренный матерью (Покажи, как ты их всех любишь), с угасающей улыбкой раздает только что полученные конфетки, получая при этом стандартную похвалу – какой хороший мальчик!

Если бы мы спросили присутствовавших, для чего они так поступали, то мы услышали бы ответ примерно такого содержания: Чтобы с ранних лет воспитать в ребенке доброту, щедрость, коллективизм и т. п. Не знаю, может, такой метод действительно оправдывает себя, но я лично уверен в обратном. Но об этом позже. В описанном случае мне просто посчастливилось наблюдать последствия этой воспитательной ситуации через год. Знаете, как поступил мальчик в аналогичной ситуации в свой четвертый день рождения? Взяв свой подарок, он мгновенно исчез, а через некоторое время вернулся весь вымазанный в шоколаде, но с сияющим лицом!

Почему воспитательное воздействие оказало противоположное влияние? Ведь, кажется, все правильно – надо воспитывать у детей дружелюбие, стремление делиться хорошим. Ответ на этот вопрос достаточно прост: на

ребенка воздействуют не наши мысли и устремления и даже не сама ситуация, а то, как он сам ее понимает. В описанной ситуации ребенок осмыслил свой опыт таким образом: Пока у тебя не отобрали конфеты – быстрее их съешь пли спрячь.

Вторая ситуация. Первоклассник начал хуже учиться. По рекомендации учителя отец стал помогать сыну при выполнении домашних заданий, дополнительно читать детские книжки. Две недели спустя появились первые пятёрки, и отец, подбадривающе похлопав по плечу сына, произнес: Ты настоящий мужчина. Теперь ты сам сможешь делать уроки! Однако через день в дневнике появилась одна двойка, потом вторая. На это отец, сморщив брови, сказал: Я думал, что ты уже серьезный мужчина, а ты... Придется мне опять контролировать твои домашние задания. Мальчик, к удивлению отца, на такое унижение ответил с нескрываемой радостью: Да, папа!

Если посмотреть на ситуацию со стороны отца, то ребенок не сумел оправдать его доверие, выдержать испытание на взрослость, мужественность. Однако мальчик совсем иначе осмыслил происходящее: Чем хуже я буду учиться, тем больше папа будет со мной общаться, уделять мне внимания.

Эти два примера открывают нам очень важную и в то же время элементарную истину: ребенок – не чистый лист бумаги, на котором искусный мастер может нарисовать все, что он захочет. Дело не только в том, что ребенок имеет свои специфические потребности и собственный опыт общения с другими людьми. Каждый ребенок не просто уникален: имеет неповторимый опыт, иерерхью мотивов. Он прежде всего активен. Его поведение в окружающей среде определяется его собственным отношением к ней, зависит от того, как он воспринимает происходящее и какой путь поведения он выбирает. И в этом он ничем не отличается от нас.

Когда вы идете по улице и ветер срывает у вас с головы шляпу, катит ее по мостовой и опускает в реку, а вы не успеваете ее схватить, что творится у вас в душе? Сердце стучит сильнее, в груди что-то сжимается: как жаль! Шляпа еще совсем хорошая. Черт бы побрал этот ветер! Однако вы улыбнетесь и зашагаете веселее, если в голове прозвучит: Как хорошо! Ветер решительнее меня. Наконец я смогу купить новую шляпу!

Очевидно, что ваше дальнейшее настроение и поведение зависит от вашей интерпретации происшедшего. Ваше настроение и реакции изменяются в зависимости от осмысления ситуации. Как только восприятие утраты и возникшее с ним сожаление вы сможете заменить другими мыслями, то сразу почувствуете перемену в собственной душе, улыбку на устах. А ведь улетевшая шляпа все там же!

Аналогичным образом, то, что обычно называют воспитанием, по сути дела, является созданием ситуации (если продолжать аналогию с вышеприведенным примером – создание условий, в которых ветер сдувает с головы шляпу). В то же время никогда нельзя с полной определенностью сказать, какой опыт ребенок приобретает в этих ситуациях.

Вы имеете право возразить: ведь существуют громадный опыт воспитания детей, научно обоснованные закономерности, как влияют одни воздействия, а как другие! Согласен с вами, – конечно, дело обстоит именно так, как вы говорите. Но давайте пойдем дальше. Ошибочно принимать тенденции влияния воспитательных воздействий на личность ребенка за психологический механизм формирования личности. Это было бы методологической ошибкой, которую можно увидеть и на других примерах. Растение растет в земле. К тому же в хорошей почве лучше. Но из этого не следует во первых, что идеальная почва для гвоздики позволит ей вы расти до размеров дерева; во-вторых, что именно хорошая почва вынуждает гвоздику хорошо расти. Растение за счет своих генетических, морфологических механизмов и т. д. само определяет, каким оно будет и что надо взять из хорошей почвы. От вас зависит вовремя поливать и рыхлить землю. Это поможет растению но прямо не определит, каким именно оно вырастет.

С растением все просто и понятно. Ребенок в миллиарды раз сложнее, и не только в генетическом отношении. Он мыслящий, чувствующий, выбирающий. Это тоже всем ясно. Но, когда речь заходит о воспитании, живой ребенок зачастую превращается в объект педагогических, воспитательных и других воздействий: ...дети из хороших семей при условии правильно поставленной воспитательной работы в школе и здоровой психологической атмосферы в группе сверстников

вырастают порядочными людьми... Извините, но при выслушивании подобных утверждений у меня возникает яркая ассоциация грядки огурцов и огородника, обильно их поливающего в надежде на хороший урожай.

Формирование личности ребенка в семье - обоюдный процесс, в котором родители, воспитывая своих детей, и сами воспитываются, а дети скромней - не воспитывают родителей (по крайней мере, не делают этого сознательно вплоть до подросткового возраста). Дети выбирают свой путь в потоке воспитательных воздействий, другими словами, с вашей помощью воспитывают себя.

Семейная ситуация, которую вы оцениваете как положительную или отрицательную, может совершенно противоположно восприниматься детьми. Иногда в ходе психологической консультации с просто парадоксальными с обыденной точки зрения данными. Например, в одной семье, в которой выделялся в качестве негативного фактора выпивающий отец, пришлось констатировать, что как раз он и поддерживает психологическое равновесие ребенка. Он видится шестилетним мальчиком как символ силы и бескомпромиссности, как человек, дающий ему возможность спрятаться от постоянного контроля и назойливого вмешательства матери. На самом деле эта мать, которая для постороннего наблюдателя и в ее собственном мнении выглядит заботливой, высокоморальной, любящей, для ребенка является психотравмирующим фактором, так как воспринимается им как человек, подавляющий, не позволяющий ребенку быть самостоятельным. Обобщая, следует еще раз подчеркнуть, что иногда важнее установить, как ребенок воспринимает отношение окружающих к себе и какое поведение выбирает, чем дотошно пытаться оценить реальные родительские отношения.

Если вам, родителям, действительно хочется помочь ребенку в сложном пути становления, необходимо поставить перед собой непростую задачу - узнать, каким он видит окружающий мир, семью, вас, себя. Думаю, что в таком случае многие из нерешенных проблем вашего ребенка станут более понятными и прозрачными и вы избавитесь от необходимости на практике изучать эффективность многочисленных советов по воспитанию.

Другими словами, я хочу сказать: чаще смотрите на происходящее глазами ребенка. Это не то же самое, что поставить себя на место ребенка (это, конечно, также неплохо), и не то, что вы должны во что бы то ни стало выспросить у ребенка, что он думает, чувствует. Посмотреть на семью глазами ребенка - это значит реконструировать, воссоздать субъективное видение и чувство ребенка. Способность понять другого человека (а не себя на его месте) у разных людей выражена неодинаково, как в количественном, так и в качественном отношении. Одни родители просто чувствуют своего ребенка и интуитивно принимают правильное решение, как им вести себя по отношению к дочери или сыну. Я удивляюсь и восхищаюсь ими, и им не нужна эта книга. Другие пытаются рационально разобраться в том, что происходит. Как раз им для более глубокого понимания собственных детей могут быть полезными изложенные в книге данные психологических исследований детей, наблюдения, конкретные ситуации жизни семьи и их анализ.

Ребенок - не просто объект воспитания, но и человек - мыслящий, чувствующий, своеобразно обобщающий свой жизненный опыт, выбирающий как вести себя, каким быть. Поэтому, для того чтобы понять, почему ребенок именно такой, какой он есть, поступает так, а не иначе, вам просто необходимо знать, как он видит семью и вас, как интерпретирует происходящее. Его хорошее или плохое поведение не навык, который надо поощрять или пресечь, а личностное отношение. Оно является результатом внутренней активности ребенка и имеет для него определенный смысл, который не всегда может быть очевиден со стороны, но именно отношения, а не внешние обстоятельства определяют его поведение, формируют его личность. Ребенок во многом сам определяет, каким ему быть, воспитывает себя.

ВИДИМ ЛИ МЫ ТО ЖЕ ТАК ЖЕ!

Посмотрите внимательно на пятно, которое нарисовано ниже. Что вы видите в нем? Теперь покажите его своей супруге (супругу) или другу (подруге), детям. Ответы различаются? Это вас удивляет?

Мир не одинаков для каждого из нас. Тем более, для взрослых и детей и особенно, когда мы наблюдаем сложные и многогранные отношения между людьми, обстоятельства жизни семьи. Ваши дети и вы далеко не одинаково воспринимаете их. Но обращаете ли вы на это внимание?

Часто мы просто не замечаем или со снисходительной улыбкой| относимся к своеобразным высказываниям детей, видя в них милые глупости или случайные сочетания несочитаемого. Тем не менее за этими высказываниями скрывается уникальное, другое, детское понимание мира. Разобраться в ребенке, в причинах его поведения можно, только поняв, как он воспринимает происходящее вокруг. Давайте вспомним прекрасную книгу А. Линдгрена Три повести о Мальше и Карлсоне:

Вдруг Мальшу пришла в голову мысль, которая его встревожила:

- Послушай, мама, - сказал он, - а когда Боссе вырастет большой и умрет, мне нужно будет жениться на его жене?

Мама подвинула чашку и с удивлением взглянула на Мальшу

- Почему ты так думаешь? - спросила она, сдерживая смех. Мальш, испугавшись, что сморозил глупость, решил не продолжать. Но мама настаивала:

- Скажи, почему ты это подумал?

- Ведь когда Боссе вырос, я получил его старый велосипед и его старые лыжи... И коньки, на которых он катался, когда был таким, как я... Я донашиваю его старые пижамы, его ботинки и все остальное...

- Ну, а от его старой жены я тебя избавлю, это я тебе обещаю, - сказала мама серьезно.

- А нельзя ли мне будет жениться на тебе? - спросил Мальш.

- Пожалуй, это невозможно, - ответила мама. - Ведь я уже замужем за папой.

Да, это было так.

-- Какое неудачное совпадение, что я и папа любим тебя - недовольно произнес Мальш.

Дети наблюдательны, любознательны, им до всего есть дело - будь то конструкция швейной машины (в интересах матери ограничить такой интерес малыша, иначе она рискует в один день найти вместо машины кучку разобранных деталей), вопросы крепления луны к небу, процесс деторождения. Но далеко не всегда дети, воспринимая окружающий мир, приходят к тем выводам, которых мы ожидаем. Причиной этого является не только ограниченный жизненный опыт детей, но и своеобразная структура их мышления. Большая часть дошкольного возраста (от 2 до 7 лет) - период интенсивного становления личности - происходит под знаком дооперационной стадии, если пользоваться терминологией известного швейцарского психолога Жана Пиаже. В первой ее половине (с 2 до 4 лет) ребенок начинает употреблять и совершенствовать речь, мыслит образами и обобщает нелогично. Проблемы чаще решаются не в уме, а действием. На следующем этапе (с 4 до 7 лет) ребенок делает выводы, опираясь на основания, которые зачастую имеют смысл только для него одного. Поэтому он и называется этапом интуитивной мысли. Для него характерен ряд особенностей, которые объясняют закономерности детского мышления. Вы можете и сами вслед за Пиаже провести некоторые эксперименты с детьми дошкольного возраста или шестилетками.

Разложите перед ребенком два ряда пуговиц или других одинаковых предметов

Спросите: равны ли ряды предметов? Наверняка ребенок скажет, что они равны. Раздвиньте пуговицы в одном ряду:

Чаще всего ребенок дошкольного возраста отвечает, что в верхнем ряду пуговиц стало больше. Такую же ошибку делают дети, которые умеют считать: Тут пять и тут пять. Но в этом больше. А теперь?

Теперь в верхнем меньше....

Ребенок дошкольного возраста ошибается. Почему? Ведь очевидно, что число пуговиц в рядах не изменилось, он их сосчитал, почему же ребенок не понимает, что происходит? Потому, что он не обладает такими мыслительными операциями, как мы, и строит свои суждения, основываясь только на внешнем впечатлении, а не на том, что представляет собой явление на самом деле. В другом похожем эксперименте Пиаже в первый день дал детям восемь конфет с

условием, что четыре должны быть съедены утром и четыре после – обеда. В другой раз он тоже дал детям восемь конфет с условием, что семь из них должны быть съедены утром и одна – после обеда. Как и ожидалось. Дети считали, что конфет во второй день им досталось больше. Ведь когда дают семь конфет – это кое-что, а четыре...

Ребенок дошкольного возраста склонен объединять явления, не обращая внимания на наличие или отсутствие реальной связи между ними. Делает он это на основе внешнего сходства, присутствия аналогичной детали, совпадения во времени. Он, например, думает, что два одновременно появляющихся события находятся в причинно-следственных отношениях. Помните детскую игру с улиткой: Улика, улитка, высуну рога, дам тебе конфетку и пирога... Дети ни сколько не сомневаются, что именно их песенка заставляет улитку вылезти из своего домика, а не просто улитка сама вылезает через определенный промежуток времени. Точно так же трехлетний ребенок убежден, что именно его плач заставил маму вернуться домой, а не она сама, сделав покупки в магазине, поспешила домой... Дети делают умозаключения на основе отдельных, иногда случайным и даже не существующих признаков. Эта особенность хорошо видна в следующем диалоге:

- Папа, мама старше тебя? – спрашивает четырехлетняя девочка.
- Почему ты так считаешь? – удивился отец.
- Мама больше ругает меня, чем ты...

- Скажи, папа, когда я вырасту, я смогу стать мужчиной? – интересуется та же девочка.

- Нет, ты будешь женщиной, – уверяет отец.
- А если я выращу себе усы?

Ребенок мыслит конкретными представлениями, и это особенно ярко выступает в причудливых, на наш взгляд, суждениях о том, чего ребенок не может непосредственно увидеть, ощутить. А таких абстрактных понятий не так уж мало адресуется детям, к тому же с надеждой на точное их понимание.

Мама обращается к четырехлетней дочке, которая только что впервые сумела полностью одеться сама, к тому же застегнула верхнюю пуговицу зимнего пальто, завязала шнурки ботинок: Какой большой ты уже стала, доченька! Все умеешь делать сама!

Девочка подходит к зеркалу, пытливо смотрит на свое отражение и после непродолжительного времени недовольно говорит: По-моему, я ничуть не подросла со вчерашнего дня...

Конкретность детского мышления проявляется в восприятии таких моральных категорий, как хороший, плохой, которые часто имеют у каждого ребенка индивидуальное значение. Например, для одного хороший – это тот, кто не плачет, кто моет руки и чистит зубы перед сном, для другого – кто слушается маму. Свои индивидуальные, конкретизированные категории ребенок распространяет и на других, что можно проследить в рассказе шестилетнего мальчика.

Отец входит в комнату, оставляя за собой открытой дверь. Мальчик спрашивает: Почему ты не закрыл дверь? Отец говорит: Если ты хороший мальчик, то закрой. Мальчик не закрывает. Он думает, что если отец сам был бы хорошим, то сам закрыл бы. Отец не закрыл, потому что хотел посмотреть, хороший ли мальчик – Мальчик не закрыл, потому что хотел, чтобы это сделал отец, так как он вошел последним. Они поссорились. Так дверь и осталась не закрытой.

Другая особенность ребенка – центрированность его мышления. Центрированность мышления не моральная категория и не означает, что ребенок ставит собственные интересы выше других, действует ради собственной выгоды и во вред другим. Эта особенность мышления просто указывает на то, что ребенок данного возраста не способен посмотреть на мир с другой точки отсчета, кроме своей собственной. Подобно астрономам до Галилея, считавшим, что все звезды вращаются вокруг Земли (геоцентризм), ребенок ощущает себя центром происходящего, не может взглянуть на себя со стороны. Простой пример: спросите пятилетнего ребенка, где у него правая, а где левая рука. Наверняка он знает. Но когда вы станете напротив него и спросите, показывая на свою

правую руку, какая это рука, очень вероятно, что вы услышите неправильный ответ. Ребенок просто не смог посмотреть на ситуацию с вашей точки зрения, и в этом нет ничего удивительного.

Подобные явления можем наблюдать и в речи ребенка. Вот как пятилетний мальчик рассказывает маме, как он ободрал себе нос где-то во дворе.

Ну, мы прыгали сперва с крыши. Потом этот меня толкнул и я упал, - неохотно рассказывает мальчик.

Т- Ты упал с крыши?! Какой ужас! Хорошо, что ты вообще не разбился, - встревоженно говорит мама.

- Да нет. Я упал не с крыши, а на улице.

- Ты же говорил - с крыши! - не понимает мама. - Что-то скрываешь... Ладно, разберемся. А кто же все-таки толкнул тебя?

Мальчику не нравится появившаяся решительность матери, и он неохотно отвечает: Я же уже говорил... Ролаидас.

Мама идет во двор и быстро находит группу мальчишек того же возраста, что и ее сын. Но ее желанию узнать, что же случилось, не сразу суждено сбыться: рассказываемые ими истории еще больше все запутывали, а главный участник Роландас, увидев маму потерпевшего, испугался и заплакал. В его хныканье выделялось разве что я ненарочно. К счастью, во дворе находился подросток, который уже полностью растерявшейся матери объяснил все толком: малыши прыгали с невысокой отвесной крыши сарая - во-о-он того. Потом им это занятие надоело, и они начали играть в догонялки. Тогда-то бежавшего полным ходом ее сына догнал Роландас, дотронулся до его плеча. Этого было достаточно, чтобы он свалился носом в землю.

Когда мать дома упрекала малыша за то, что он ей неправдиво рассказывал - ведь дело было так и так, - малыш с недоумением посмотрел на нее: Я же так и говорил!

И это на самом деле так. Мальчик рассказывал все как было, но таким текстом, который понятен только ему одному. Он, как и большинство детей его возраста, не смог посмотреть на свою речь со стороны слушателя, не посвященного в то, что на самом деле произошло.

Центрированность детей проявляется и в том, что происходящее вокруг они воспринимают как относящееся к ним самим. Ребенок в этом возрасте считает когда он идет по улице, луна следует за ним или же что папа ездит в командировки, чтобы купить ему подарки... Иногда эта особенность может стать причиной серьезных эмоциональных проблем ребенка, связанных с семьей. В ситуации развода, когда взрослые прямо или косвенно поддерживают искаженную искаженному интерпретацию ребенка, он может прийти к выводу, что отец ушел из семьи из-за его плохого поведения. Возникшее чувство вины впоследствии может привести к самым разнообразным отклонениям в развитии личности

Пытаясь понять причины поведения других людей, дети чаще всего опираются на собственный опыт и придают поведению других такой же смысл, как собственному.

Опять обратимся к Малышу и Карлсону

Малыш потрогал голову Карлсона и усомнился, есть ли у него жар.

- Нет, по-моему, ты не болен.

- Ух, какой ты гадкий! - закричал Карлсон и топнул ногой, - Что, я уже и захворать не могу, как все люди?

- Ты хочешь заболеть?! - изумился Малыш.

- Конечно. Все люди этого хотят! Я хочу лежать с высокой-превысокой температурой. Ты придешь узнать, как я себя чувствую, и я тебе скажу, что я самый тяжелый больной в мире и ты меня спросишь, не хочу ли я чего-нибудь, и я тебе отвечу, что мне ничего не нужно, ничего, кроме огромного торта, нескольких коробок печенья. горы шоколада и большого-пребольшого куля конфет!

Так же, как Карлсону видятся прелести больного, часто ребенку представляется божественным положение новорожденного - все только и бегает вокруг, несая на руках, кормят молочком, только крикни - и все к тебе подбегают. Неосознанное искажение реальности вызывает у ребенка зависть.

Дети не только познают окружающий мир доступными им интеллектуальными средствами, но и в своем восприятии изменяют мир так, как им больше хочется. Принятие желаемого за действительное мы встречаем сплошь и рядом.

Чей папа самый сильный? Чья мама самая нежная? Конечно же, собственная... Сколько бы раз дошкольник, да и младший школьник ни встречался с фактами, что Дед Мороз – это переодетый взрослый, он не склонен этому верить. Дети замечают, что из под пышной шубы выглядывают штаны и ботинки Деда Мороза, такие же, как у дяди, с которым мать разговаривала после торжественного утренника, и голос такой же. То чаще всего не делают на этой основе напрашивающегося вывода. Еще бы! Кому же тогда писать письмо в Лапландию?, Чьих подарков ждать в Новый год?. Мне пришлось слышать, как третьеклассник приводил самые различные доводы в пользу отсутствия Деда Мороза пятилетней девочке. Когда она исчерпала все свои аргументы – Кто же к нам приходил с бородой? (Переодетый взрослый), Откуда он тогда взял подарки? (Папа купил в магазине и дал ему), – то кинула последний, железный аргумент: Что ты все объясняешь? Ты маленький мальчик и ничего не знаешь! Взрослые знают все, и они говорят, что Дед Мороз есть... Ведь правда, мама?.

Принятие желаемого за действительное проявляется буквально во всей жизни дошкольника. Используя свое яркое воображение, ребенок вмиг превращает себя в принцессу, комнату – в дворец, диван – в роскошный лимузин. В играх дети не только воспроизводят мир взрослых, но и создают себе то, чего им не хватает, то, чего они желают. И не так то просто убедить девочку, что ее ребеночек – это кукла, пластмассовое изделие такой-то фабрики... Они просто не слышат информации, которая противоречит тому миру, в котором они чувствуют себя уютно, который считают красивым. И в этом их сила...

Описанные возможности детского мышления – это не просто интересные страницы психологии. Знание о них необходимо для уяснения того, почему дети и родители часто не понимают друг друга., почему дети своеобразно оценивают происходящее, почему реагируют не так, как мы ожидали. На последующих страницах книги мы постараемся рассказать о проявлении детского мышления в различных ситуациях жизни семьи и, надеюсь, поможем вам в этом трудном деле – посмотреть на происходящее с точки зрения ваших детей

Дети по-своему воспринимают и интерпретируют поведение родителей, их отношение к себе себя тоже. Детские представления, осмысление мира семьи вызывают своеобразные эмоциональные реакции, странности. Их можно понять, но для этого надо знать особенности детского мышления.

Не так уж редко мы думаем, что ребенок, живущий вместе с нами и видящий то же, что и мы, воспринимает происходящее так же, как и мы, делает выводы, аналогичные нашим. Эта иллюзия так сильна, что закрывает нам доступ к реальному, сложному и привлекательному внутреннему миру детей. В их представлениях сплетается казалось бы, несовместимое, случайное, создаются невероятные конструкции, фантастические образы, теории о различных явлениях. Основываясь на них, дети своеобразно реагируют, поступают не так, как мы ожидаем: то желают того, что нам со стороны кажется глупой затеей, то боятся обыденных вещей. Понять причину этого возможно, лишь разобравшись, как видит окружающую его среду сам ребенок.

ПОЧЕМУ В ОДНОЙ СЕМЬЕ – РАЗНЫЕ ДЕТИ!

Почему в нашей семье оба ребенка такие разные? Ведь растут они в той же семье, да и воспитывали мы их одинаково. Первый – серьезный, добросовестный, учится хорошо, а у второго только озорство на уме. На этот вопрос, нередко звучащий на встречах с родителями, приходится отвечать другим вопросом: Да, вы живете в той же семье. Но правда ли, что вы все живете в одинаковой семье? Я, например, уверен в обратном.

Советуете не спешить со слишком категоричными выводами? Вы правы. Давайте-ка разберемся по порядку. Начнем с вас.

Вы живете с женой (если вы мужчина), а ваша жена живет с мужем. Это первое. Второе, вы смотрите на семью с разных позиций, поэтому ваше отношение к происходящему также часто различно. Хотите проверить это предположение? Давайте попробуем. Возьмите каждый по листочку бумаги и по карандашу, найдите укромное место и нарисуйте свою семью, как вы ее себе представляете. Изобразите, чем каждый из членов семьи занимается. Сравните теперь ваши рисунки. Я уверен, что сличаются друг от друга... Теперь о детях.

Ваш первый ребенок, придя в этот мир, встретился с мамой и папой и определенное время был единственным ребенком.

Ваш второй ребенок никогда не был единственным и всегда жил в семье, где кроме него и родителей был еще один ребенок.

Если мне удалось убедить вас, что каждый в вашей семье имеет свой уникальный опыт и несколько иначе смотрит на происходящее вокруг, то можно подробнее проанализировать развитие ваших детей. Если же вы по-прежнему настроены скептически, надеюсь, что далее, при более детальном обсуждении ваше категорическое утверждение не ведь мы живем в одно и той же семье заменится на более вдумчивое: Живем-то мы в одной семье... но все ли одинаково видим ее?.

ПЕРВЫЙ РЕБЕНОК

Первый ребенок – это нечто новое, непознанное интересное для родителей. Рождение ребенка – это чудо природы, никогда не перестающее удивлять. Родители чувствуют себя создателями, людьми, переступившими расширившими собственное бытие. Поэтому первый ребенок часто воспринимает со стороны родителей трепетную любовь и восхищение. Первое дитя, в отличие от других, получает с самого начала своего существования громадную заботу и внимание со стороны взрослых, его самочувствие и поведение постоянно волнуют окружающих. В некоторых семьях первенец становится как бы осью карусели, и при каждом его достижении, будь то первое слово или первый самостоятельный шаг, вокруг раздается ура или ох-ах! Немудрено, что первые дети часто подсознательно занимают позицию: Я счастлив только тогда, когда другие обращают внимание на меня и заботятся обо мне, которая делает их зависимыми от других людей, нуждающимися во внимании, требующими гарантий любви и уважения.

Кроме того, первый ребенок появляется в семье, еще недостаточно готовой к детям. Как и все, с чем мы встречаемся в первый раз, появление ребенка и уход за ним в первые месяцы сопряжены с определенной долей неуверенности, тревожности. Часто молодая мать то и дело звонит подругам или доктору, чтобы узнать, нормально ли, что ее ребенок ночью не просыпается и не хочет есть, что, покушав немного, засыпает, а потом сразу же просыпается и снова просит есть, что двухмесячное дитя улыбается не только маме, но и постороннему, – мало ли вопросов возникает в голове матери малыша! Постепенно родители начинают понимать реакции ребенка на их поведение, начинают верить в мудрость развивающегося человека и не боятся собственных ошибок. В результате родители несколько успокаиваются и ведут себя более уверенно.

И все же воспитание первого ребенка семьях и позже происходит под знаком неуверенности и переживания риска. Хотя число консультаций со знатоками уменьшается, неуверенность сопровождает отношения родителей и ребенка: как приучить к порядку? Как воспитать вежливость? Из-за неуверенности тревожности требования родителей то бывают слишком жесткими, категоричными, то вдруг исчезают или даже меняются на противоположные. Непоследовательность родителей – одна из причин того, что в дальнейшем дети воспринимают родителей как людей непостоянных, чье поведение трудно предвидеть, и поэтому менее склонны раскрывать свои чувства – неизвестно, как в очередной раз на них отреагируют мать или отец!

Громадное влияние на развитие личности первого ребенка имеет рождение второго. Остановимся на этом подробнее. Для большинства первенцев рождение второго ребенка не полная неожиданность. Дети любопытны, и их внимание привлекают изменившиеся очертания фигуры матери; они слышат разговоры взрослых о намечающейся покупке, наблюдают за приготовлениями к появлению малыша, удивляются приобретению, по их мнению, слишком маленьких ползунков, новой и уже не нужной коляски и т. д. Раньше или позже их вопросы принуждают родителей раскрыть суть происходящего, и правильно поступают те родители, которые уделяют объяснению того, что в семье появится еще один маленький человечек, большое внимание. Дети, как правило, хотят, чтобы в их семье был малыш. Часто первенцы прямо просят купить братика или сестричку. Их желание понятно – в семье им нужен не только авторитет, покровительствующий, заботящийся, руководящий человек, но и равноправный друг для игр, спутник, компаньон. Более того, дети мечтают быть такими же, как их родители, поэтому рождение малыша сулит приятную перспективу попробовать себя в роли отца или матери, в роли опекуна и учителя. Эти две внутренние позиции создают эмоционально положительное отношение первенца к будущему новорожденному, и родителям следовало бы стремиться их поддержать.

Однако тут очень важно не переборщить, разукрашивая прелести появления

нового члена семьи, а стараться до конца быть искренним с ребенком. Надо обязательно обсудить с первенцем то, что новорожденный будет сначала беспомощным, требующим много внимания и заботы всех членов семьи, и только постепенно они подружатся и смогут играть вместе. Максимально всесторонне родители должны обсудить и желание старшего занять по отношению к новорожденному роль отца или матери. Хотя нам часто кажется, что все и так ясно, первенцу тактично надо объяснить, что малыш с самого начала очень хрупок, нежен, что ему в первую очередь нужна забота матери. Внимание и забота старшего ему тоже необходимы, однако с маленькими детьми надо научиться определенным образом вести себя (хорошо, если ребенок имеет опыт общения с животными, тогда ему очень просто на примерах пояснить необходимость деликатного поведения с живыми существами, которые требуют осторожного обращения). Такой разговор в первую очередь нужен для того, чтобы поддержать положительное эмоциональное отношение к новорожденному, но не к тому вымышленному, который возник в голове ребенка, а к реальному, каким он будет на самом деле.

Может показаться, что подобное объяснение способно значительно снизить желание первенца видеть своего будущего родственника. Если в разговоре вам удастся избежать поучений, наставнического тона и вы просто расскажете, как бывает с маленькими детьми, можете не бояться – реальный малыш окажется ничуть не хуже, а может, еще и привлекательнее вымышленного. Поступая иначе, вы рискуете тем, что, когда ребенок увидит новорожденного не таким, как он его себе представлял, он будет чувствовать себя обманутым. Это сразу почувствуется в реакциях первенца. Один трехлетний мальчик, встретив мать с новорожденным, после непродолжительного знакомства с ним заявил: Что же вам такое дали в магазине? Ведь он ничего не умеет делать! Другой мальчик попытался поиграть с новорожденным или хотя бы взять его на руки. Мать не разрешила. Старший опустил обиженно голову и, уходя, пробормотал как бы сам себе: Говорили, что мне привезут мальчика в подарок, а теперь даже подойти к нему не дают!.

Иногда, уже в предродовой период, отношение родителей к первенцу отчетливо меняются. Посмотрит рисунок семьи 6-летнего мальчика (рис.1) Он прокомментировал его так: Тут я прыгаю на своем маленьком братишке. Он кричит. Маленький братик только, как говорится, в пути, мать его только вынашивает, но мальчик, не включенный в радостное ожидание и приготовления к приходу малыша, сразу же почувствовал себя в стороне. Результат – ревность и агрессивное отношение к воображаемому конкуренту, которые наверняка станут реальностью, если в семье ничего не изменится.

(Изображение семьи – это не просто тематический рисунок, но и психологическая методика исследования отношений ребенка. Группируя членов семьи, раскашивая и декорируя одних и небрежно рисуя других, пропуская отдельных членов семьи и другими средствами, ребенок невольно выражает свое отношение к ним. В рисунке часто проявляются и те чувства, которых ребенок сознательно не признает или не может выразить другими средствами. Поэтому рисунок семьи в отдельных случаях может дать глубокую и содержательную информацию об отношениях ребенка.)

Когда в семье появляется новорожденный, даже у тех детей, которые с нетерпением ждали его в душе часто начинают играть совсем другие струны – они могут чувствовать себя забытыми, отверженными, появляется зависть. Эти чувства более или менее знакомы всем первенцам, но не у всех одинаково интенсивны. И более того, не всегда полностью негативны, так как имеют определенный психологический смысл – поощряют ребенка к поиску новых форм поведения в семье. Дети пытаются больше придерживаться требований взрослых (ведь это путь к дополнительному вниманию родителей: как хорошо, что можешь сам оставаться и помогать малышу – ты настоящий помощник!), приобщиться всем своим поведением к миру взрослых. Изменения в семье при благоприятных условиях становятся стимулом, толчком в развитии личности первого ребенка. Они могут способствовать преодолению эгоизма, направлять энергию ребенка на утверждение себя в более зрелых способах общения с родителями, в помощи другим, в творчестве и т.д. Однако, когда негативные чувства слишком интенсивны, они могут стать причиной глубоких психологических проблем. Попробуем проанализировать несколько ситуаций в семье и найти те причины, которые способствуют возникновению мучительных переживаний в сердце первенца.

Лина, девочка двух с половиной лет, была веселой, озорной. Несмотря на небольшой возраст, она уже хорошо разговаривала, любила подвижные игры, принимала участие в ролевых играх и сама играла. Лина любила, когда взрослые обращали на нее внимание, она старалась всегда быть в центре, придумывая разные небылицы, выступая в роли актрисы или клоуна. Тем временем в семье появился братик, которому родители очень радовались. Отец часто в присутствии девочки хвастался друзьям, что наконец у них родился не кто-нибудь, а сын; мать тоже постоянно была занята новорожденным. Лина на первых порах дружелюбно встретила братика, но постепенно ее чувства стали охладевать, появились первые агрессивные выпады против мальчика. Однажды мать наблюдала за тем, как Лина отняла у братика соску, кинула ее на пол. За это мать ее наказала. Через две недели Лина начала мочиться во время сна, стала плаксивой и раздражительной.

Разберемся в том, что произошло. Лина, как и большинство первенцев, почувствовала после рождения малыша большие изменения в семье, особенно по отношению к ней самой. Постоянным объектом внимания, восхищения и забот стал ее маленький братишка. Немудрено такое резкое изменение отношения (свержение с престола!) воспринять как отвержение, потерю любви родителей. Положение укрепилось и ухудшилось тем, что отец открыто выразил свое удовольствие тем, что родился мальчик, а не девочка, и этим занял, смотря глазами Лины, определенную позицию по отношению к обоим детям. Борясь против неудовлетворяющей ситуации и воспринимая новорожденного как ее первопричину, Лина начала открыто выражать враждебность к брату. Это был серьезный сигнал для матери, что в стороне остался старший ребенок, что ему необходимо уделять больше внимания и теплоты, однако она не придавала реакциям Лины должного значения.

Тем временем Лина активно искала средство, как восстановить эмоциональный контакт с родителями, как добиться их внимания и утвердить собственную значимость в семье. Видя, что открытой враждебностью она ничего не выиграет, девочка выбрала другой путь к удовлетворению своих потребностей: Мама заботится о беспомощном неряшливом крикуне. И я могу быть такой же! Ее поведение стало походить на поведение младенца: она стала плаксивой, капризной, перестала пользоваться горшком.

Подсознательно девочка пришла к выводу, что неряшливость и беспомощность есть верное средство завоевать любовь и заботу матери, удержать ее около себя. Конкурируя таким образом с братом, она добилась внимания и заботы матери и в то же время повернула в своем психическом развитии назад (психологи называют это явление регрессией). Если в семье складывается обстановка, что только такими примитивными способами поведения можно добиться любви и внимания родителей, то возвращение к прошлому ребенка может закрепиться и стать серьезной проблемой.

Все первенцы чутко реагируют на изменения эмоционального баланса в семье, но не всегда последствия бывают такими яркими, различаются они и по продолжительности. Как же должны вести себя в этот период родители? Прежде всего нужно стремиться к тому, чтобы их отношения со старшими детьми внешне не изменились. Необходимо, чтобы в общении с ребенком остались те ритуалы любви, к которым ребенок привык и которые ему нравятся (вечерние игры или чтение сказки, телесный контакт матери с ребенком, беседы и т.д.). Старайтесь как можно больше, особенно в первые недели, уделять внимания старшему и избегайте экзальтированного восхищения малышом в присутствии старшего. Пройдет всего несколько месяцев, и первенец привыкнет к необходимости делиться мамой и папой с новым членом семьи, найдет адекватные средства привлечения внимания родителей к себе – то есть найдет свое место в структуре семьи. А это залог дальнейшего успешного развития ребенка, фундамент для формирования положительных связей с новорожденным.

Когда в семье появился малыш, родители пытались как можно меньше задеть сердце Ритаса – четырехлетнего сына. Как и прежде, они уделяли определенное время для игр только с ним, не афишировали свою любовь к новорожденному. Однако теперь большую часть времени с ним проводил отец, а не мать, так как она не всегда могла оторваться от малыша, бывала усталой и раздраженной. Некоторое время спустя Ритис начал играть в странные игры: взяв соску, он заворачивался в простыню и кричал, хныкал, просил пить из бутылочки, требовал, чтобы его носили на руках. Такое поведение сына очень раздражало отца – он перестал играть с Ритисом, стыдил его. Совсем иначе реагировала

мать. Она стала потакать Ритису, приносила новорожденному, закутавшемуся в пеленки, соску, однако тут же уходила, занималась домашними делами. С другой стороны, мать пыталась как можно больше вовлечь старшего ребенка в общие заботы, позволяла ему ухаживать, заботиться о малыше, при этом хвалили его как помощника, радовалась тому, что он взрослеет. Две недели спустя странные игры Ритиса закончились так же неожиданно, как и начались.

Почему поведение Ритиса так неожиданно и резко изменилось? С одной стороны, родители поступили правильно, пытаясь уделить максимум внимания старшему сыну, стараясь, чтобы его обычная жизнь осталась прежней. Все же отношения между ним и родителями изменились – с сыном теперь проводил время отец, а не постоянная прежде участница игр – мать. С другой стороны, нет ничего особенного в том, что Ритис попытался вжиться в роль малыша. Наверняка ему пришла в голову та же мысль, что и Лине: Если мать заботится о беспомощном малыше, может, и я, поступая, как он, смогу вернуть себе мать?

Ритис начал вести себя как новорожденный, и посмотрим-ка, каких результатов он этим достиг. Начав играть в эти странные игры, он потерял расположение отца, прекратились игры с ним. Однако это не слишком огорчило Ритиса, так как его игры были направлены на восстановление общения с матерью. Мать интуитивно поняла это и постаралась больше общаться с мальчиком. Может показаться, что Ритис достиг цели своим нелепым поведением и что внимание матери только закрепит его. На самом деле игры Ритиса послужили для его матери сигналом эмоционального неблагополучия у старшего сына, и она сумела выбрать привлекательную линию поведения: она уделяла минимальное внимание Ритису тогда, когда он играл в младенца, и выбирала такие моменты, при которых они могли полноценно общаться, поощряла такие формы поведения, которые больше соответствуют возрасту первенца. Она продемонстрировала доверие к силам ребенка и его стремлению к более совершенному, а это всегда святое помазание души ребенка. Если же мать поступила бы иначе, то есть обращала внимание на Ритиса только тогда, когда он играл в младенца, то возникла бы угроза, что ребенок признает справедливость своего умозаключения, будто мать обращает внимание только на маленьких беспомощных детей, и тем самым зафиксировать нежелательные формы поведения. Теперь же Ритис почувствовал, воспринял обратное – мать нуждается в нем таком, каков он есть.

Поведение старшего ребенка в рассказанной ситуации достаточно распространено: большое число детей после появления в доме младенца пытаются закутываться в пеленку и т.д. Некоторых родителей такое поведение детей пугает, настораживает. Однако в этом нет ни болезни, ни ненормальности; не обязательно это означает и то, что ребенок таким способом хочет восполнить возникший дефицит любви и внимания матери. Такое поведение часто бывает простым проявлением общей психологической особенности детей дошкольного возраста – стремлением осмыслить происходящее вокруг путем ролевой игры. Нас ведь не волнует, когда ребенок играет в папу или маму, милиционера или доктора.

Аналогично этим играм, дитя хочет почувствовать, что значит быть на месте младенца – что бы он не делал, будучи им, как бы с ним обращались окружающие и т.д. Насчет положения младенца у многих детей бывают различные иллюзии, например думают, что пить через соску из бутылочки большое удовольствие. Реально попробовав, ребенок испытывает разочарование, даже недоумение, почему малыши едят именно таким способом.

Проигрывая различные формы поведения малыша, имитируя его отношения с окружающими, старший ребенок постепенно разочаровывается в такой игре и выбирает занятие, более соответствующее своему возрасту. Лежание в пеленке, хныканье, сосание бутылочки с водой не дают такого удовольствия четырехлетнему, как подвижная игра или работ с интересным конструктором. Нежелательное, инфантильное поведение фиксируется в тех случаях, когда при помощи его ребенок получает нечто, что обычным поведением не может достичь, или же вследствие неправильных воспитательных воздействий.

В описанной ситуации не следует прибегать к строгим запретам, наказаниям, стыдить ребенка. Таким поведением мы можем только помешать ребенку пережить новую для него роль. Применяя различные санкции или старательно пытаясь прекратить такие игры родители уделяют слишком много внимания ребенку, а привлечение внимания к себе как раз может быть целью такого поведения. Если родителей сильно раздражает такое поведение, они

могут предложить ребенку другую, более занятную игру или просто уйти из комнаты. Настоятельные запреты играть в младенца могут косвенно внушить ребенку, что родители хотят отнять у него что-то, по-настоящему приятное, или же ребенок может сделать вывод, что он не так значим для родителей, как малыш, – поэтому ему и не разрешается вести себя так, как ведет маленький его брат (или сестра).

Хорошо помогает осмыслить сложный период становления новых отношений в семье и в особенности места в ней младенца совместная игра со старшим ребенком. Мать предлагает ребенку играть то роль одного из родителей, то роль младенца. Выполняя различные функции, ребенок в итоге поймет и, главное, почувствует различные стороны жизни опекуна и опекаемого, найдет в них и привлекательное, и неприятное. Как правило, в такой игре очень быстро развенчивается привилегированное положение младенца.

Джюгас, четырех лет, часто говорил родителям, что хочет братика. Отцу он рассказывал, что он будет вместе с ним делать, во что играть и т. д. Отец поддерживал и поощрял фантазирование сына, думая, что они помогут старшему-полюбить малыша. Однажды отец сказал сыну, что они с матерью выполнили его просьбу и вскоре в семье будет малыш. Когда новорожденного привезли. Джюгас подбежал к нему, пытался разговорить его, хотел взять на руки. Малыш начал плакать, и старший брат тут же был отогнан прочь. Стоя в стороне, он угрюмо сказал матери: Я просил братика, а ты кого тут привезла?

В последующие дни Джюгас пытался помочь матери присмотреть за новорожденным, однако мать побоялась подпустить его к малышу, опасаясь, чтобы тот нечаянно чего-нибудь не сделал.

Она говорила первенцу: Видишь, какой он еще маленький, слабенький и нечего не умеет. Лучше теперь не приходи к малышу. Вот он вырастет, и тогда ты с ним сможешь играть в разные игры. Мальчик со временем стал меньше требовать общения с малышом, однако мать заметила, что в результате изменился характер Джюгаса. Прежде покладистый, нежный и послушный после рождения брата стал упрямым, противоречил родителям, часто грубил.

В отношении Джюгаса родители сделали несколько ошибок. Во-первых, им не следовало говорить Джюгасу, что братика купили только для него хотя бы потому, что это неправда. Уже в самое первое мгновение ребенок понял обман – ничего себе подарочек, к которому даже подойти и прикоснуться нельзя! Во-вторых, отец зря поощрял нереалистичный образ малыша. Дети, как правило, неадекватно представляют себе братика или сестричку, которых просят у родителей. Наблюдая во дворе или на улице за маленьким и смешным годовалым или двухлетним карапузом, они загораются желанием приобрести похожего, чтобы можно было бы играть, дружить с ним, руководить им и заботиться о нем. В детском воображении малыш значительно более развит, чем на самом деле. Часто дети представляют его как умеющего говорить, ходить или, по крайней мере, ползать. В ожидании, пока приедет мать с младенцем, старший ребенок строит разные планы, что он с ним будет делать. Задумки бывают самые фантастичные, начиная от будем играть в кубики, кончая поедем купаться к морю.

Представьте себе удивление и разочарование так настроенного ребенка, когда он видит лежащий в коляске кокон, который смотрит блуждающим, бессмысленным взглядом вокруг и вдруг ни с того ни с сего плачет. Понятен разочарованный вздох Джюгаса в такой ситуации...кого ты тут привезла? Желая сформировать как можно более положительное отношение ребенка к новорожденному, родители рассказывали о разных удовольствиях при общении с ним, поощряли фантазии Джюгаса. Хорошо, когда старший ждет малыша, хочет с ним играть, дружить. Однако не следует подкреплять нереалистичное представление – ведь цель подготовки старшего к появлению нового члена семьи заключается в создании не столько первичного хорошего отношения к нему, сколько внутренней готовности воспринять малыша таким, какой он есть, полюбить уже существующего, а не воображаемого. Иногда родители способствуют созданию нереалистических представлений, так как считают, что образ маленького и беспомощного малыша будет неприятен старшему ребенку. Такое мнение несправедливо – детям приятно опекать, присматривать за малышами (конечно же, когда это не становится их принудительной обязанностью). В таких ситуациях, они чувствуют себя взрослее, умеющими и много знающими или воображают себя в роли родителей – это приносит им большое удовольствие.

Почему после рождения малыша изменился характер Джюгаса? До появления в

семье нового члена ему были свойственны близкие и нежные отношения с отцом и матерью. Когда семья увеличилась, положение первенца в семье существенно изменилось. Новорожденный стал объектом постоянного внимания и заботы, на него были обращены все теплые чувства отца и матери. Из-за этого Джюгас очутился в такой ситуации, в которой, для того чтобы ощущать внимание родителей и свою значимость в семье, ему непременно надо было менять свое поведение. Мать Джюгаса упустила возможность поддержать стремление старшего принять роль опекуна, учителя. Она отказалась от его услуг, говоря: ...Лучше теперь не подходи к малышу. Вот он вырастет, и тогда ты сможешь играть с ним в разные игры.

Таким образом, мать, в сущности, отвергла старшего от себя, получая при этом сомнительную выгоду, что тот не будет путаться под ногами. Тем самым она отняла у первенца возможность занять новую позицию в семье – старшего сына, опекуна, учителя младшего; потеряла помощника (уже 2,5-3-летний ребенок может эффективно помочь матери в уходе за малышом). Прежде покладистый и нежный ребенок стал грубым и упрямым. Конечно, таким поведением тяжело заслужить благосклонность и любовь родителей, однако в таких ситуациях дети часто руководствуются частной логикой: лучше упреки и наказания, чем быть забытым. Если родители не помогут Джюгасу иначе осмыслить отношение к семье, в недалеком будущем могут возникнуть существенные воспитательные проблемы.

Приведенные примеры показывают, насколько значимо для первенца появление нового члена семьи. Единственный ребенок становится одним из детей, ему приходится делиться любовью и вниманием родителей; часто старший вообще теряет былые привилегии, происходящие изменения в семье для первенца сопоставимы со свержением с престола. Ребенок, ранее бывший в центре внимания, вдруг ощущает себя в стороне от жизни семьи. Так, шестилетний Томас нарисовал семью (рис. 2), в которой изобразил отца, мать и малыша. Когда его спросили, почему на рисунке нет его, он со слезами на глазах четко ответил: Не осталось места.

Не менее значим период рождения ребенка в тех семьях, где есть два или более детей, и особенно чувствителен к нему самый маленький. Ведь именно для него вдруг настала теперь очередь расставаться с ролью малютки, привилегированной позицией самого маленького. Часто ребенок начинает испытывать недостаток внимания родителей и вынужден искать новые формы и средства, чтобы добиться внимания, любви родителей, ощутить свою значимость в семье. Как вы убедились, этот сложный период не всегда протекает гладко и без проблем. Можно утверждать, что этот период будет проходить легче, если родители обратят внимание на следующие обстоятельства: 1. После появления в доме новорожденного надо избегать существенных изменений в жизни семьи, в отношениях родителей со старшим и, если есть, другими детьми. 2. Как и прежде старшему необходимо уделять столько же внимания, демонстрировать ему свои нежные чувства.

Вспомните Лину и Джюгаса – они потеряли близкие эмоциональные отношения с родителями, оказались в стороне от забот семьи. Поэтому они начали вести себя таким образом, чтобы вернуть былое внимание родителей, почувствовать свою значимость с семье. Резко изменившееся поведение, появление таких нежелательных его черт, как капризность, агрессивность, упрямство, как правило, свидетельствуют о том, что не удовлетворяются основные потребности ребенка (в любви и уважении родителей, безопасности, включенности в жизнь семьи) и ребенок находит своего места в системе семейных взаимоотношений. 3. Надо помочь старшему найти адекватный путь, чтобы включиться в жизнь изменившейся семьи.

Это интуитивно поняла мать Ритиса и деликатно направила ребенка. В определенной мере ребенку безразлично, какими средствами достигать своих целей, удовлетворять потребности – "младенческим" поведением, упрямством или путем сотрудничества добиваться полноценного включения в жизнь семьи. Важно, чтобы родители поощряли поиск таких форм участия в жизни семьи, которые совпадают с логикой развития ребенка, соответствуют социально желательным формам поведения. Поощрение – это не конфеты, подарки, слова похвалы, точнее – не только они. Главное, чтобы ребенок постоянно чувствовал, что его любят, уважают его индивидуальность, что воспринимают его как неотъемлемую часть семьи. Поощрение – это доверие, общая радость в общении с ребенком и желание вместе с ребенком пройти путь его развития.

Присутствие младшего ребенка в семье и дальше продолжает влиять на развитие личности старшего. Интересны в этом аспекте исследования психолога Г. Джонса. Им было поделано обширное изучение биографий знаменитых деятелей науки и искусства в Англии и США. Больше всего среди них оказалось первенцев. Исходя из теории вероятности в семьях с двумя детьми среди знаменитых людей должно быть по 50% первых и вторых детей, но оказалось, что первенцев среди знаменитостей 64%. Такие и похожие результаты получены и в других исследованиях. Одна из гипотез объясняет этот факт существующей в капиталистических странах традицией дать лучшее образование старшему, так как для обучения других детей часто не хватает материальных средств. Однако почему тогда различия в старшим и младшим по обучаемости, по устремлению к знаниям наблюдаются в довольно раннем возрасте? Наверняка существуют какие-то психологические факторы, обуславливающие такое развитие первенца. Попробуем в них разобраться.

Когда малыш немножко подрастает, становится более самостоятельным, не таким беспомощным, ажиотаж вокруг него начинает снижаться, он больше не центр семейной карусели. Наступают более солнечные дни для старшего, который в это время обычно достигает школьного возраста, на него чаще начинают обращать внимание и родители, и малыш. В семье звучат такие фразы, адресованные малышу: Посмотри, как аккуратно ест твой старший брат, - ты тоже постарайся так или учись у старшей сестры, как надо чистить зубы и т. д. Первенец начинает реально воспринимать свое превосходство над малышом, и, главное, родители придают большое значение его достижениям - навыкам опрятности, контролю над своим поведением, а также его умениям, знаниям.

Часто такое отношение родителей старший ребенок осмысляет следующим образом: Я буду любим и значим в семье, если достигну еще больших успехов в учебе, спорте и т.п. И тогда старший ребенок ставит перед собой различные социально значимые цели, так как достижение дает ему (хотя часто кратковременно и иллюзорно) психологические выгоды - ощущение значимости, любви. Особенно ярко такая тенденция наблюдается в семьях, где разница в возрасте между первым и вторым ребенком небольшая. Первенец все время чувствует, что малых постоянно наступает ему на пятки, - старший начинает учиться, и малыш, видя, как он трудится, также распознает буквы; старший увлекся изготовлением игрушечных лодок - малыш тоже пытается сделать что-нибудь подобное. В таких случаях стремление старшего к достижениям особенно интенсивно, к тому же часто сопровождается и стремлением унижить, ущемить младшего. Тем не менее старшие дети достигают в избранных или сферах деятельности очень многого.

В некоторых случаях бывает и так, что младший обгоняет старшего в определенной, для обоих значимой сфере. Такие ситуации особенно тягостны для старшего, и в результате у него почти всегда возникают нарушения поведения, ощущение собственной неполноценности. Похожая ситуация создалась в семье семилетнего Ромаса. В момент обращения родителей в консультацию для него были характерны вспыльчивость, агрессивность, особенно по отношению к сверстникам, недисциплинированность, большие перепады в настроении, плохая учеба в школе. Семья Ромаса состоит из четырех человек: отца, матери, младшего брата (пяти лет) и его самого. Нарушения поведения особенно ярко проявились через полгода после начала учебного года. Родители связывают это с переутомлением, насыщенной школьной программой. При более детальном изучении семейной ситуации проявилась своеобразная душевная травма этого ребенка.

Ромас начал посещать школу явно с большим желанием, приходя домой, гордо показывал тетради родителям и младшему брату, всеми средствами подчеркивал серьезность учебной деятельности. Некоторое время спустя по настоянию музыкального руководителя детского сада младший сын начал дополнительно учиться пению. Такое занятие сына оказалось удачей - малыш охотно пел и дома восхищал всех выученными новыми песнями. Как раз это обстоятельство оказалось наиболее травмирующим для Ромаса, усилило его чувство неполноценности, ненужности - он воспринял эту ситуацию как доказательство того, что и в сфере достижения чего-то ему не удастся быть лучшим в глазах родителей.

Такое отношение к себе деструктивно - ведет к стремлению отгородиться,

вызывает злость к окружающим или реализацию себя асоциальным путем. Поступая каким-то окружным и порицаемым путем, ребенок как бы руководствовался следующей логикой: И все же я заставляю вас признать мою значимость и обращать на мои достижения внимание, пусть вам это не нравится! Это трагедия ненайденного пути к ощущению собственного достоинства, самореализации.

ВТОРОЙ РЕБЕНОК.

Появление на свет второго ребенка вызывает гораздо меньше тревоги родителей. Матери часто говорят, что вторая беременность была чем-то качественно иным – рост ребенка в утробе, его движения принесли чувство удовлетворения и в то же время мать больше могла жить своей привычной жизнью. Вторые роды воспринимаются матерями как более приятный опыт. Таким образом, второй ребенок еще до рождения растет к более спокойной атмосфере. Имеют ли эти обстоятельства до рождения ребенка хоть какое-нибудь отношение к его развитию в дальнейшем? Обратимся к исследованиям. При обследовании детей двух групп матерей – одной, которой в период беременности были характерны тревожность, отрицательные эмоции, конфликтные отношения, и группы с уравновешенным эмоциональным состоянием, преобладающими положительными – выяснилось, что после рождения детям первой группы более свойственны беспокойство, тревожность.

После рождения второго ребенка родители меньше создают атмосферу эмоционального напряжения, неуверенности. Родители не так его опекают, суеются вокруг его самочувствия, правильности развития, нормальности и т. д. Мать по отношению ко второму, как правило, последовательнее, нежнее, ласковее. изначально различное отношение родителей ко второму ребенку понятно. В памяти еще живы воспоминания о первых днях старшего. о том, как он развивался, как из-за разных мелочей тревожились впустую. Часто мать за время между родами становится настоящим экспертом по уходу за детьми – скольким подругам – дебютанткам в материнстве даны советы. произнесены слова утешения, оказана помощь в первом купании ребенка и т. д.

Поэтому второй и следующие дети, сами будучи более уравновешенными, к тому же оказываются в более спокойной, стабильной атмосфере семьи. Можно сказать, что они имеют лучшую стартовую площадку, для развития, чем первенец, но... Каждая позиция ребенка в семье имеет свои положительные и отрицательные стороны. Второй ребенок сталкивается с иными, но не менее сложными обстоятельствами отношений, чем старший.

Второй ребенок в семье никогда не переживает ситуации единственного ребенка, которому отданы все внимание, любовь, безоговорочное восхищение. Исследования, показывают, что со вторым ребенком мать меньше разговаривает, меньше им занимается. Частично это восполняет старший ребенок – по собственной инициативе или по настоянию родителей.

Годовалый Римас учится ходить, его придерживает за руку четырехлетняя сестра: Иди, маленький, смелей. Смотри –как я. Образование старшего не только частично заменяет родительское обучение, но и существенно его расширяет. В него входят и те небольшие от. крытия или ситуации, которые важны для старшего и будоражат его воображение: например, как сделать рогатку, дискуссия насчет жизни на Луне и т.д. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и в отношениях старшего с младшим часты и непредвиденные "воспитательные" воздействия. При этом хотелось бы обратить внимание на одну часто появляющуюся особенность, а именно – тенденцию старшего возвысить себя над младшим. Примером может быть хотя бы этот случай. Семилетний браг сидит на заборе и говорит трехлетнему: Держись руками, ноги поднимай выше. Это так просто! Когда малыш, не удержавшись, шлепается обратно на землю, говорит: Эх, ты! Слюнтяй! Ну ладно, я сам тебя переправлю. Малыш при такой учебе часто чувствует, что не может равняться со старшим, воспринимает его безоговорочно.

Так как старший (или старшие), как правило показывает свое превосходство во всех сферах жизнедеятельности, в этом отношении он (они) часто превосходит по своему авторитету и родителей. Иллюстрацией тому может служить рисунок семьи семилетнего мальчика, на котором двенадцатилетний брат изображен значительно выше своих родителей. В этом рисунке, как древний египтянин в пиктографических рисунках, ребенок использует размеры фигуры для передачи значимости, статуса старшего брата.

В большинстве семей старший раньше или позже становится вожаком младшего, сильно направляющим развитие, интересы младшего. Это становится существенным стимулом развития младшего. Однако за этим скрывается и менее привлекательная сторона их взаимодействия. Младший часто чувствует, что никогда не сможет сравниться со старшим. Чувство собственной неполноценности у малыша иногда просто провоцируется старшим, который, сперва поощряя малыша не различного рода состязания, впоследствии высмеивает его, наглядно демонстрирует собственную силу и превосходство. Такое поведение первенца, в одной стороны, своего рода месть за отобранные у него малышом любовь и внимание родителей, с другой – недоумение, адресованное родителям: Как вы можете любить такого беспомощного и никчемного, тогда как у вас есть такой сильный и смелый. Такое отношение старшего ребенка провоцирует достаточно типичные реакции младшего. Их мы увидим на двух последующих примерах.

В семье второй мальчик появился через три года после первого. Вначале старший бурно реагировал на появление нового члена семьи, днями не подходил к нему даже тогда, когда этого требовали родители, ревновал, если родители слишком много времени уделяли малышу. Однако, когда маленькому мальчику исполнилось 2.5 года, их отношения резко изменились. Старший стал возиться с братом, брал его на прогулку вблизи дома, играл с ним в разные игры. В это время родителей начало озадачивать уже поведение младшего, его проделки, явно нежелательные в доме и наказуемые: вытаскивал крупу и высыпал ее на землю, мял рабочие бумаги отца, к которым раньше не прикасался, и т.д., причем делал это с явным удовольствием. Кроме того, родители волновало то, что игры старшего с малышом почти всегда кончались плачем и жалобами последнего. В то же время родители стали отмечать повышенную требовательность и капризность малыша – он временами отказывался самостоятельно есть, подниматься вверх по лестнице, просился на руки и т.д.

Как зафиксировались нежелательные формы поведения малыша? Почему он проявляет инфантильные способы общения (плач, требовательность)? Причин этому несколько. В этой семье старший, начав заниматься малышом, провоцировал его на разного рода состязания, в которых тот неизбежно проигрывал. Более того, старший, подсознательно стремясь доказать родителям свою хорошесть, а иногда стремясь просто подшутить над малышом, подталкивал его на совершение явно наказуемых поступков. Малыш, стремясь сравняться со старшим, проявлял браваду, высыпая крупу, мял рабочие бумаги отца и т.д. За такое поведение родители наказывали его, и малыш оказывался в противоречивой ситуации: с одной стороны им владеет стремление заслужить уважение брата, сравняться с ним, и поэтому он получает истинное удовольствие и ощущение значимости, когда непослушен, когда делает такие вещи, на которые и старший не отважится; с другой – ему хочется вести себя таким образом, какой позволит ощущать внимание и любовь родителей. По отношению к родителям ребенок выбирает испытанный способ поведения – Когда я беспомощен, слаб, я могу требовать всего, чего хочу, родители обязательно будут заботиться обо мне. Так в сложном переплетении отношений со старшим братом и родителями образуются внешне противоречивые формы поведения второго ребенка. Для самого ребенка они не являются таковыми, они – субъективно оправданные средства удовлетворения потребностей.

Как изменить такое тревожащее родителей положение дел?

Уместно обратить внимание на то, что изменение поведения малыша в этом случае практически малоосуществимо без коррекции поведения старшего. Когда первенец ощутит собственную значимость в семье, реальное превосходство из-за того, что он старше, ему не надо будет провоцировать младшего на нежелательное поведение, получать псевдоощущение собственной значимости, прямо или косвенно унижая малыша. Решение этой задачи мне представляется основной в коррекции поведения младшего.

Соперничество, конкуренция старшего и младшего ребенка – явление настолько распространенное, что некоторыми психологами, психиатрами считается неизбежным. Как бы там ни было, можно наблюдать в отношениях двух детей определенную закономерность: чем больше разрыв в годах, тем меньше проявляются конкурентные отношения и наоборот чем меньше различается возраст детей, тем ярче их соперничество. Это можно объяснить достаточно просто: если второй ребенок младше первого на четыре и более лет, первенец для него представляется недостижимым идеалом, малыш даже представить себе не может,

как можно стать сильнее его, знать, уметь больше, чем старший, и т. д. Вследствие этого он и не стремится прямо конкурировать со старшим.

Однако, когда различие в возрасте один-два года, между детьми иногда разыгрывается острая конкурентная борьба. Психологический ее сценарий, как правило, таков. Старший стремится показать родителям, малышу и самому себе превосходство в одной из значимых для него сфер – в силе, в опрятности, в знаниях, в творчестве и т. п. Такие его устремления часто обуславливают чувство неполноценности второго ребенка и вместе с тем определяют и интенсивное его стремление превзойти старшего. Конкурентное отношение младшего не остается незамеченным первенцем, и тот еще больше старается показать свое превосходство. Так создается замкнутый круг все нарастающих конкурентных отношений между старшим и младшим ребенком.

Дети очень гибки, имеют громадное число скрытых способностей. Нас не перестают удивлять темпы их развития, особенно когда у ребенка появляется какое-нибудь искреннее устремление. Приходилось ли вам наблюдать, как учится ездить на двухколесном велосипеде четырехлетний коротышка? Несколько десятков драматических падений, ободранные колени и нос, добрый литр пролитых слез и наконец счастливая улыбка победителя, когда он небрежно проезжает мимо других детей... Что-то подобное иногда наблюдаем в поведении младшего относительно старшего ребенка. Всеми силами, во что бы то ни стало он старается достичь уровня старшего, суметь сделать так, как он, и превзойти его. Если обстоятельства складываются благополучно, случается и так, что четырехлетний способен физически перебороть шестилетнего брата, пятилетняя девочка лучше читает чем ее сестра-первоклассница.

Но такие ситуации, хотя и прекрасно иллюстрируют рвение младшего сравняться со старшим, все же относятся к исключениям. Они возникают, как правило, из-за каких-то внутренних или внешних причин, тормозящих развитие старшего, будь то физические недостатки, нарушения функций центральной нервной системы, яркие различия в отношении родителей к обоим детям и т.п. Чаще бывает так, что старший, почувствовав нарастающую конкуренцию со стороны младшего сам устремляется к новым достижениям. Иначе говоря, начинается гонка с преследованием, в которой оба ее участника хотят быть первыми и недостижимыми и которая изнуряет до предела обоих – ведь эта гонка не имеет финиша.

Такое поведение обоих детей изнутри поощряется определенным жизненным сценарием, сформировавшимся самоотношением: Я ценен соответственно тому, насколько больше я достигаю, чем другие окружающие меня люди. Подобное спортивное осмысление себя среди других людей ведет, с одной стороны, к интенсивному стремлению достичь все больше и больше; с другой, к тому, что обесценивается сам процесс творчества, учебы (или другой сферы, на почве которой сложились конкурентные отношения), ценностью же становится сам факт победы. Сложившийся сценарий может проходить красной нитью через всю жизнь человека и вызывать постоянное напряжение, недовольство собой (ведь всегда остается кто-то, достигший большего!), потерю вкуса к происходящему (ведь то, что я делаю, – всегда не из-за того, что это мне приятно, а для определенной цели). К тому же данное отношение часто становится жизненной философией, оправдывающей бесцеремонное обращение с другими людьми, моральными нормами: все средства хороши ради достижения цели.

Конкурентные отношения между детьми с семьи, как правило, имеют прямое или косвенное поощрение со стороны родителей. Один из механизмов такой поддержки – повышенное внимание и любовь к ребенку преимущественно в качестве награды за какие-то достижения. Конкуренция особенно взвинчивается, если при этом родители сравнивают обоих детей: какой ты молодец, Юра! Собрал игрушки вдвое быстрее, чем Степан!; Маша умница! Опять получила пятерку, а у Наташи в дневнике опять четверка – как заяц с ушами, в этих невинных с первого взгляда высказываниях – одна подоплека, глубинное отношение родителей: Неважно, каковы обстоятельства деятельности, нравятся тебе они или нет, ты всегда должен быть впереди, на высоте!. Завышенные требования родителей обуславливают конкурентные отношения детей друг к другу, а позже – и восприятие мира как арены борьбы.

Конкурентные отношения двух детей в таком виде, как мы их описали, представляют лишь один вариант возможного взаимодействия. Описать все варианты вряд ли вообще возможно – мир человеческих отношений никоим образом не менее разнообразен, чем сами люди. Все-таки нам бы хотелось дать

читателям такую образную схему, которая могла бы им помочь сориентироваться в сложных взаимоотношениях детей в семье. Мы бы назвали эту схему экологической, подчеркивая тесную связь взаимоотношений детей и отношения родителей к детям. Это небольшое отступление от анализа развития личности второго ребенка позволит нам в последующем глубже взглянуть на динамику развития его личности.

ЭКОЛОГИЯ СЕМЬИ

Семья для всех ее членов является определенным жизненным пространством, в котором протекает большая часть жизни каждого из них. Это не просто маленькая группа людей, но такая, в которой каждый стремится удовлетворить свои потребности, реализовать, развивать себя и в то же время находиться в теснейшей связи со всеми членами семьи. Для этой экологической системы характерно то, что несогласованность психологических потребностей и взаимоисключаемость способов их удовлетворения ведут к распаду семьи или процветанию одного из ее членов за счет другого (до определенного времени, конечно).

Образно говоря, каждый член семьи занимает определенную экологическую нишу, т. е. выполняет определенные, необходимые для поддержания баланса системы функции. Как пример опишем один тип семьи, в которой ребенок становится козлом отпущения. Когда встречаешься с такой семьей, кажется, что все беды происходит из-за никчемного ребенка – и то он не так, и это... Сколько ни ругай, ни наказывай, ничто не помогает... Да и на ребенка когда помотришь, кажется что он и вправду все делает как бы не своими руками, все невпопад.

Если взглянуть на семью поближе, то выясняется, что такой ребенок в семье выполняет совершенно необходимые функции, без которых она просто бы развалилась. Недовольство супругов друг другом, неудовлетворенность их психологических потребностей, жизненные проблемы – частые особенности этой семейной пары. Интенсивная тревога, агрессивность при нарастании неудовлетворенности пробиваются наружу, и тогда супруги сталкиваются в конфликте, сыплются взаимные обвинения. Однако по мере роста супружеского стажа муж и жена начинают подсознательно избегать таких ссор: вместо того чтобы выплеснуть свое раздражение на супруга и успокоиться, от него получаешь столько же, да еще с придачей. Вместо успокоения вплетаешься в яростный обоюдный конфликт, из которого выходишь еще более раздраженным. Уж лучше помолчать... Однако напряжение остается, как и стремление его разрядить.

И оба родителя находят подходящий для этого объект – своего ребенка, который не может дать отпора. К тому же себе и другим можно объяснить такое собственное поведение: ведь наставления – на благо ребенку, все для его будущего и т. п. Убрать из этой системы отношений ребенка, и супруги сразу же почувствовали бы чрезмерно напряженные отношения между собой, нерешенные собственные проблемы. Большая вероятность, что такая семья без козла отпущения не смогла бы дальше существовать.

На этом примере хорошо видно, какие сложные взаимосвязи возникают между членами одной семьи. Однако было бы ошибочно считать, что только отношения, описанные выше, вынуждают ребенка принять роль козла отпущения. Это может показаться невероятным, но ребенок, неосознанно воспринимая семейную ситуацию, в определенной мере сам принимает такую позицию. Дело в том, что данный ребенок появился такой семье, в такой экологической ситуации, в которой для ее выживания потребовалось связующее родителей звено, что-то помогающее разрядить или уменьшить напряжение в семье.

Однако ребенок может выполнить функции связующего звена не только занимая позицию козла отпущения, но и другими способами. Скажем, агрессивный, непослушный мальчик, причиняющий массу неприятностей родителям, также будет соединять их посредством включения в работу по его перевоспитанию, или же ребенок может подсознательно выбрать полезную, стремиться быть беспомощным для того, чтобы объединить родителей в заботе о нем. Таким образом, развитие личности ребенка в конкретной семье зависти от системы межличностных отношений в ней, с одной стороны, а с другой – он сам делает собственный неосознанный выбор, какие и как ему выполнять функции, необходимые для существования данной семьи.

Ребенок в семье появляется полностью беспомощным, и его жизнь прямо зависит от родителей. Именно они обеспечивают основные его потребности. Это в равной степени относится к физиологическим потребностям (пища, тепло и т.п.) и потребностям психологическим (любовь, внимание, безопасность). С самых первых дней их удовлетворение зависит от родителей, но уже после непродолжительного периода младенчества, когда связь матери с ребенком особенно тесна, наступает период ослабления непосредственной связи матери и ребенка. Ребенок теперь уже в большей степени должен заботиться о себе сам.

Если родители показывают способы и средства для удовлетворения потребностей физиологических (то есть ему показывают, как он должен питаться или как просить пищу, как утолить жажду, оградить себя от холода), то по отношению к потребностям психологическим такое воспитание практически отсутствует. Да и не каждый родитель догадывается о наличии таковых. Маленький человек сам должен найти способы поведения, которые вызывают одобрение родителей, которые дают ему ощущение собственной значимости. Используя свой изо дня в день накапливающийся опыт, развивающийся ум и чувства, ребенок все чаще начинает делать то, что больше всего нравится отцу и маме, или то, что привлекает их внимание (не обязательно позитивное в своей эмоциональной окраске!).

Уже в конце первого и начале второго года ребенок становится настоящим экспертом своих родителей, он по-разному ведет себя с матерью и отцом, вырабатывает с себе различные стратегии влияния на поведение родителей. Примером может служить поведение девочки Расы (2года 10 мес.)

Когда девочка не находила, чем заняться, и испытывала потребность в непосредственном контакте с родителями она поступала двояким образом. Если поблизости была мать, Раса внешне беспричинно становилось плаксивой, хныкала, жаловалась на различные несчастья и таким образом достигала своей цели - мать брала ее на руки и успокаивала. Когда поблизости был отец, девочка действовала совершенно иначе - тихо и незаметно подходила к отцу, стояла некоторое время рядом, потом еле заметно прикасалась к нему, и тот уже брал ее на руки.

Результат тот же, но какими разными средствами он достигнут! Обратите внимание на то, как тонко девочка ориентируется в слабых местах родителей и как умело ими пользуется. Очень рано дети начинают воспринимать мир людей вокруг себя и строят свой образ, создают концепцию об окружающих их людях и о собственном месте рядом с ними. Другой пример.

Ритис рано воспринял нереализованную тягу отца к изобразительному искусству - он всегда мог оторвать отца от работы любой важности, если приносил ему свой новый рисунок. Ритис нашел путь получать необходимое ему внимание и достичь чувства значимости, выбрав, наверное, одну из немногих возможных форм поведения.

Ребенок строит свое поведение, основываясь на субъективной, подсознательной оценке происходящего вокруг. В большинстве случаев оно соответствует системе сложившихся межличностных отношений в семье. Однако не всегда поведение детей разумно, с нашей взрослой, точки зрения. Иногда дети из-за своеобразного и неполного понимания окружающего мира выбирают такие формы собственного поведения и воздействия на родителей, которые плохо влияют не только на их собственное развитие, но и на взаимоотношения в семье. Чаше всего это наблюдается в семьях с серьезными проблемами в отношениях, личностными отклонениями родителей, хотя ни не обязательно. Дети не находя в нормальном репертуаре форм такого поведения, которое им помогло бы ощутить собственную значимость и любовь родителей, используют все возможные варианты. Одним из них может быть даже болезнь. Чувствуя, что внимание родителей в этом случае полностью принадлежит ему, к тому же у кровати больного ребенка родители как бы на минутку забывают о собственных конфликтах, он воспринимает болезнь как средство улучшить свое самочувствие в семье. Интресно, что дети сами вырабатывают симптомы, вызывающие наибольшую тревогу родителей и, следовательно, максимальную их заботу. Например, деть, в семье которых есть больные бронхиальной астмой, рано постигают эмоциональное напряжение членов семьи, сопровождающее астматический приступ и последующую заботу о болеющем члене семьи. Для ребенка это может иметь такой смысл: любим тот, кто болен. Очень возможно,

что ребенок, испытывающий недостаток любви в семье, попробует сыграть такой приступ. Однако первый симулированный приступ как имитация, игра в необычное, может зафиксироваться, если родители сильно испугались, увидев болезнь ребенка.

Внутренняя позиция ребенка любим тот, кто болен может проявляться у ребенка в самых разнообразных симптомах. Но, как правило, они появляются у детей из тех семей, в которых родители чрезвычайно чутки к проявлениям нездоровья членов семьи, даже незначительным, временным и вообще сомнительным. Раз образовавшись, болезненные симптомы ребенка не так уж легко исчезают, сам ребенок начинает серьезно из-за них переживать. Однако почти всегда есть возможность понять внутреннюю логику заболевания, если внимательно проанализировать взаимоотношения ребенка с людьми, его оценки окружающего мира.

Мы так подробно рассмотрели весьма нежелательные примеры детского развития не случайно, а потому, что они ярче поясняют основную мысль – ребенок сам, хотя и в определенных условиях жизни, выбирает средства для удовлетворения своих основных психологических потребностей. Это в равной степени относится к любому ребенку. Его творческое отношение к происходящему вокруг проявляется не только в выборе определенного поведения. За ним кроется способ осмысления в структуре взаимоотношений, своеобразная детская философия: я любим, когда достигаю чего-то, любим тот, кто беспомощен, болен, любим тот, кто вызывает улыбку родителей и т. д.

Уяснив эти закономерности, мы можем вернуться к вопросу, поставленному в начале главы: Почему в нашей семье оба ребенка такие разные? Мы уже частично ответили на него и знаем: оба ребенка имели разные ситуации развития. Первенец – всегда первенец. Он получил больше любви, внимания и больше испытал на себе последствия тревоги родителей, ощутил непоследовательность их отношения. Он испытал горечь сверженного с престола после появления второго ребенка.

Младший появился в более спокойной атмосфере, но придя в этот мир, встретился не только с родителями, но и со своим предшественником. Однако ко всему этому мы должны добавить еще один не менее важный фактор, который проявляет себя в структуре межличностных отношений семьи.

Первенец первым протыпывает, находит слабые места родителей и приспособливается к ним. Он находит своеобразные способы поведения в семье, при помощи которых ощущает свою значимость, получает необходимое внимание родителей. Например, первенец чувствует, что внимание родителей обусловлено тем, какие новые навыки он освоил, чему новому на любовь родителей зависит от того, сколько он помогает дома, насколько способен придерживаться порядка и т. д. Иными словами, старший принимает роль маленького помощника.

Второй ребенок после младенческого периода (безоговорочной любви матери) попадает в ситуацию выбора средств, какими он может достичь любви и внимания родителей. В отличие от старшего, которому были открыты все пути, малыш находится в более сложной ситуации. Если он будет строить свои отношения с родителями по модели старшего, в нашем случае – стремиться к роли помощника, то он рискует остаться в тени старшего. Часто младшие дети и пытаются вести себя, как старшие, но отношение родителей к их пока еще неумелым попыткам бывает разным, и от этого зависит дальнейший выбор. Поощрение даже за попытку действовать так, как старшие брат или сестра, – явление достаточно редкое, хотя только такое отношение может способствовать принятию младшим внутренней установки, аналогичной установке старшего.

Тогда при благоприятных прочих условиях мы наблюдаем в семье кооперацию, то есть братья, не конкурируя между собой, стремятся, например, как можно больше помочь родителям, берут на себя определенные домашние обязанности или вместе составляют футбольную команду двора. Однако чаще наблюдается противоположное. Попытка малыша следовать за старшим, конечно, сперва нелепая, неумелая, смешная вызывает снисходительную улыбку взрослых, вначале ставится в пример, а потом такие попытки остаются без внимания. Следуя за старшим, сам малыш часто воспринимает свою слабость, незначительность, говоря иными словами, попадает в тень старшего, остается позади него. Малыш может устремиться вдогонку за старшим, с большим рвением развивать в себе способности для полноценной конкуренции и в надежде когда-нибудь стать лучше его, сильнее в каком-то значимом отношении. Все же дети чаще выбирают более легкий и простой путь – найти свой, индивидуальный

способ ощущения значимости в семье, получения внимания и любви родителей.

Ситуацию развития второго ребенка образно можно представить в виде такой схемы-рисунка (рис. 3)

В этом рисунке солнце – прообраз древнего символа благополучия – изображает родительскую любовь и внимание. Первый ребенок (дерево №1) находит свой путь к солнцу – определенные способы получения любви, восхищения родителей (например, принимает роль маленького помощника, роль ребенка, постоянно нуждающегося в присмотре и т.д.) – Иными словами, он как бы оставляет за собой определенную тень; если второй поведет себя так же, как и первый, то, будучи моложе, не имея достаточной жизненной практики, он останется в этом отношении слабее, будет всегда вторым. А это воспринимается ребенком как урон чувству его значимости, более того, будучи менее совершенным в определенных формах поведения, чем старший ребенок, он реально может замечать, что ему меньше достается похвалы, добродушного внимания родителей, а вместо того постоянно надо следовать чьему-то примеру. Второму ребенку, как и реальному дереву в представленной картинке, приходится искать собственный выход из тени, пробиться к солнцу – то есть прощупать те способы поведения, которые обеспечивали бы ему родительское внимание, восприятие и любовь его как индивидуального, ни с кем не сравнимого человека. Примером логики развития личности второго ребенка может служить следующий пример.

Первый ребенок – мальчик семи лет, послушный, покладистый. Он стремится к усвоению новых навыков, знаний, особенно в тех сферах, которые кажутся важными его родителям. В школе с первых дней учится только очень хорошо, что вызывает восторг родителей. Он, как говорит мать, серьезный, дисциплинированный, на него можно положиться. Второй мальчик, моложе на два года, – живое серебро (подобие ртути). Он неутомим, у него на уме только всякие проделки, шутки, ничем не может серьезно заняться. Ему бы только дурачиться.

При более пристальном знакомстве с семьей, вы бы несомненно увидели причины такого разного личностного развития детей. Второй ребенок таким своим развитием обязан, во-первых, своему творческому отношению к окружению, во-вторых, способу поведения первого ребенка и, в-третьих, личностным особенностям своих родителей. Мать, говоря о втором, проблемном ребенке, рассказывая о его проделках все же не может сдержать улыбку. Почему?.

Второй ребенок, подсознательно приняв роль шута в семье, своей непосредственностью, шутливостью, конвенциональностью поведения принес то что надо и родителям, и всей семье, эмоциональность. И нашел он это, опираясь не на какие-то знания, сверхчутье и т. д. Все значительно проще – начал вести себя иным способом, чем его брат, а именно так, как он ведет себя теперь, он ощутил внимание к себе, к своим индивидуальным проявлениям и, наконец, улыбку и расторможенность в поведении родителей. Образно говоря, он вылез из тени брата, нешел путь к тому, чтобы ощутить свою значимость, не конкурируя с ним.

Старший общается с родителями на взрослом уровне – делится идеями, расспрашивает их и т.д. Второй же – на детском, непосредственном, эмоциональном уровне. Каждый из них заполняет определенную экологическую нишу в семье, получая при этом необходимую психологическую пищу – чувство значимости любовь и внимание родителей к ним как индивидуальным и автономным людям. Это способствует и развитию доброжелательных и терпимых отношений между братьями: оба брата прекрасно общаются между собой – младший – постоянный выдумщик, генератор идей, а старший – интеллектуальный контролер, реализатор, руководитель.

Хорошо это или плохо, что дети выбирают столь разные формы поведения? Вопрос сложен, и однозначно на него ответить, наверное, невозможно. В описанном случае братья как бы дополняют друг друга, делают жизнь всей семьи более разнообразной, полной. И все же второй ребенок вызывает и определенную тревогу – сможет ли он стать порядочным человеком? Наверняка, если эмоциональная связь родителей с ним сохранится, об этом беспокоиться не следует, хотя очевидно, что будет он совершенно другой личностью, чем его брат. Смотреть на их различие можно с точки зрения философии обыденного сознания: все люди по-своему красивы и ценны. Каким скучным стал бы мир, если бы в нем жили одинаковые личности.

Однако существует не только такая жизненная философия, но и научные

аргументы в пользу того, что терпимое, в некоторой степени снисходительное отношение к путям развития личности служит одним из важных факторов психического здоровья развивающегося человека. В психологии накоплено много фактов о том, о необоснованное стремление сделать из ребенка что-то, перекроить его по нередко фантастическому, представлению родителей, то есть нетерпимость к индивидуальным, творческим (в широком смысле слова) проявлениям ребенка, как правило, приводит к плачевным результатам: искаженным отношениям к окружающим и себе, протесту, негативизму, а часто и к психическим нарушениям.

В некоторых семьях процветают однообразные часто ничем не обоснованные жесткие представления о том, как должен вести себя ребенок, каким быть и даже... кем быть двадцать лет спустя! Конечно, такой набор правил ложится тяжким бременем на развитие каждого ребенка в семье, но это отдельная тема. Давайте ограничимся только ситуацией второго ребенка, который в этом случае попадает в очень сложное положение. Ее так же образно можно представить в виде схемы-рисунка 4. Его отличие от рисунка 3 в том, что родительские требования ставят очень жесткие ограничения возможному поведению ребенка. Первенец быстро распознает их и, если они не слишком противоречат его психологическим потребностям, приспосабливается к ним. Психологическое пространство или свет родительского солнца оказывается полностью заслоненным для второго, преграды окружают его со всех четырех сторон. Стремление второго пробиться на свет постоянно блокируется ограничениями родителей и косвенно - избранным путем развития первенца.

Второй может выбрать путь следования за старшим и как-то существовать в его тени. В таком случае постоянно недополучает родительской любви и внимания как автономное, неповторимое существо. Это травмирует его самоуважение, ощущение собственной значимости. Как реальное дерево, растущее в подобных условиях, остается малорослым и недоразвитым, так ребенок в таком положении в личностном плане не вырабатывает в себе жизненных сил. Однако подобные условия развития не могут хотя бы эпизодически не вызывать протеста, поиска выхода из положения. В решении подобной ситуации можно наблюдать, по крайней мере, три стратегии.

Первая стратегия. Второй ребенок очень рано начинает воспринимать старшего как препятствие, стоящее между ним и родителями. Это ведет к конкурентным отношениям с ним и начинает проявляться в чувстве зависти, стремлении унижить старшего в глазах родителей, ябедничестве, чрезмерном хвастовстве с целью искусственно повысить свою значимость. Такое поведение диктуется искаженным умозаключением: Я буду ценен и любим, когда превзойду старшего, и все средства хороши для достижения этой цели. Старший, как правило, быстро улавливает нечестную игру младшего (ябедничество, хвастовство, обман) и, со своей стороны, наказывает малыша за это собственными средствами или унижает, дискредитирует его в глазах родителей. Тот, в свою очередь, или пытается прямо побороть старшего, или еще яростнее прибегает к запрещенным приемам, например пытается оклеветать старшего, делает что-то недозволенное и сваливает вину на старшего. Это опять взвинчивает старшего. И т.д. Так образовывается замкнутый круг, в котором все нарастают конкурентные, чрезвычайно напряженные отношения, что, как правило, приводит к разнообразным выраженным нарушениям (преимущественно младшего ребенка), к долговременной вражде, ненависти между братьями. Наверное, и вам приходилось сталкиваться с, казалось бы, внешне необъяснимой враждой между уже взрослыми сестрами, братьями и быть ошеломленным ею. В восьми случаях из десяти - это отголоски детских сражений. Описанная ситуация как раз образно и представлена на рис. 5.

Вторая стратегия. Ребенок направляет свою энергию не на конкурирование с братом, а на ломку родительских ограничений (рис. 6). Внутренняя позиция в таком случае как бы направляет поведение ребенка одновременно против родителей и на поиск контакта с ними: Я заставлю вас считаться со мной таким, какой я есть. Хотя отчаянное стремление ребенка бороться с ограничениями родителей выражает ощущаемую ненужность, отверженность, эмоциональный холод, оно очень редко воспринимается родителями именно так. Чаще - как проявление плохости, как результат недостаточно строгого воспитания, разбалованности и т.д.

Таким образом, стремление ребенка пробиться сквозь ограничение встречается с нарастанием ограничений со стороны родителей, с их

ужесточением. Создается порочный круг: протест против ограничений – ужесточение ограничений – более сильный протест и т.д. С возрастом реакции протеста ребенка становятся все сильнее. В конце младшего школьного и особенно в подростковом возрасте немалая часть правонарушений совершается – как своеобразный протест против семейной ситуации, как иллюзорное средство ее решения.

Третья стратегия. Она представлена на рис. 7. Дерево, вместо того чтобы расти вверх, к солнцу, поворачивает назад в землю. Не знаю, насколько это реально в природе, но в отношении развития личности иногда происходит нечто подобное. Ребенок в таких случаях как бы совершенно отказывается от борьбы за себя, теряет надежду достичь ощущения собственной значимости и любви со стороны окружающих. Всем своим поведением он как бы говорит миру: Разве вы не видите, какой я никчемный? Так оставьте же меня в покое! Это закрытый, необщающийся ребенок, целыми днями, кажется, ничем не занимающийся. Если взрослый пытается ему помочь, заняться с ним, он, кажется, специально показывает свою глупость, неловкость. Оставьте меня в покое – это внутренняя позиция ребенка, в психологическом аспекте находящегося в самом тяжелом положении.

Обобщая, можно сказать, что развитие второго ребенка происходит легче и полноценнее в тех случаях, когда родители с пониманием относятся к различным и различным и разнообразным проявлениям личности, обладают способностью воспринимать и любить своих детей такими, какие они есть. Это дает шанс обоим детям найти приемлемые неконкурентные позиции по отношению друг к другу, сохраняет эмоциональный контакт между родителями и детьми. Такое естественное развитие некоторым может показаться вообще неконтролируемым. На самом деле эффективнее в воспитании не прямая манипуляция путем системы жестких ограничений, а вера в мудрость развивающегося человека, поддержка его и эмоциональная теплота. Это основа того, чтобы маленький человек сам разобрался в окружающем его мире, был достаточно храбрым, чтобы идти по избранному пути и с то же время чтобы он смог открыто, с привязанностью и нежностью смотреть своим родителям в глаза.

Анализ семьи с двумя детьми не будет полным, если умолчать о природных обстоятельствах, облегчающих развитие первого и второго ребенка. На первый взгляд кажется, что семьи, в которых растут дети противоположных полов, находятся в психологически благоприятной ситуации. Традиционно с очень раннего возраста мальчики и девочки встречаются с разными требованиями. В нашей культуре, например, мальчиков чаще поощряют за инициативу, храбрость, предприимчивость, независимость и даже агрессивность. Традиции воспитания нацеливают мальчиков на обширный мир социальных и трудовых отношений. От девочек ждут, что они вырастут нежными, душевными, чуткими, отзывчивыми. Они направляются на ограниченную сферу социальных действий, на глубокое и тонкое понимание человеческих отношений, на семью.

Таким образом, брат и сестра редко жестко конфликтуют друг с другом если их поведение соответствует ожиданиям родителей. Конкурентные, трудные взаимоотношения в таких семьях возникают главным образом из-за явного предпочтения родителями какого-то одного пола. Чаще всего это мальчики, по крайней мере в европейской культуре. Возможно, что предпочтение мужского рода относится к реликтам ушедшего феодального строя в котором мальчик – и наследник, и продолжатель рода, и физическая сила, защищающая семью. Как бы там ни было, явное желание иметь только мальчика (реже девочек) приводит к ярким внутрисемейным психологическим проблемам.

Девочки, растущие в семьях, ориентированных на мужские ценности начинают чувствовать собственную неполноценность из-за своей половой принадлежности.

Стремление к значимости, которая осмысливается так: я буду любима и желанна, если во всем сравняюсь с мальчиком – ведет к принятию мужских форм поведения, усвоению мужских ценностей. В таких случаях развивается и острая конкуренция между сестрой и братом все более отдаляющая девочку от женских способов самовыражения. Почти в каждом дворе можно найти девочку, гонящую вместе с мальчишками мяч, бегающую с ними наперегонки и даже одетую подобно мальчику. В сущности, эти девочки демонстрируют своеобразное приспособление к преобладающим ценностям в семье. Как правило, такое поведение не дает желаемого ощущения значимости – сколько ты ни старайся, все равно останешься девочкой. Даже несмотря на хорошо усвоенное мальчишество, они постоянно

находятся под угрозой обострения внутреннего конфликта кто я?: я девочка - я мальчик.

Это противоречие дает о себе знать, как только расширяется привычное социальное окружение (новое место жительства, детский сад, школа и т. п.), когда их мальчишеское поведение вызывает недоумение и насмешку окружающих. Внутренний конфликт обостряется в пору полового созревания. Возникает ощущение неадекватности собственного поведения, мучительное переживание неполноценности. В то же время девочка начинает смотреть на мальчиков как на что-то иное, да и отношение мальчиков к ней окрашивается тонами первой любви, ожиданием чего-то большего, чем от его компаньона детских игр.

Все это ведет молодую девушку к кардинальной перестройке привычных способов поведения и осмысления мира, либо отгораживает ее от сверстников: я- ничто и ни с кем не могу сдружиться, либо девочка еще ярче проявляет свои мальчишеские черты, пытаясь не отстать и даже обогнать мальчишек в самых дерзких их затеях. В последнем случае развивается маскулинная личность женщины, которой наряду с сильным, решительным отношением к жизни приходится постоянно переживать ситуацию белой вороны как среди женщин, так и среди мужчин. Част такая, внешне жесткая женщина прячет за подобным обликом высокую чувствительность, ранимость и чувство отчужденности.

МЛАДШИЙ РЕБЕНОК И СРЕДНИЙ РЕБЕНОК

Развитие второго ребенка, как мы видим, во многом зависит от личности старшего и от отношения родителей к детям. Ориентируясь на эти два и другие обстоятельства, ребенок выбирает свой путь, который становится стержнем его личности. Второй или третий ребенок, в зависимости от дальнейшего развития семьи, может оказаться младшим ребенком или стать средним. В первом случае его первичные установки приобретают постоянство. Младший ребенок дольше, чем первый или средний ребенок, испытывает к себе снисходительное отношение взрослых и продолжительное время остается малышом. Ему не выдвигаются жесткие требования, ему больше помогают даже тогда, когда он может справиться с возникшими трудностями сам. Снисходительное отношение приводит к тому, что он мало включается в обычную жизнь семьи. Ты еще маленький - погоди. Это еще тебе не по силам. Видя перед собой более умелых, взрослых старших братьев и сестер, он стремится их достичь, обогнать. Однако это сильное желание в то же время непоследовательно. Привыкнув к помощи окружающих и принимая ее как должное, встретившись с более серьезными препятствиями, он ожидает и требует их поддержки.

На личность младшего ребенка оказывает большое влияние и то обстоятельство, что отношение родителей к нему по сравнению с первенцем резко не менялось. Не испытав, как старшие его братья или сестры, свержения с престола, он более уверен в постоянстве эмоционального отношения родителей к себе и растет более самоуверенным и оптимистичным.

В семьях с большим количеством второй (третьей, четвертой и т. д.) ребенок сталкивается с изменением семейной структуры в связи с появлением малыша. Это накладывает определенный отпечаток на средних детей, суть которого попытаться проанализировать.

Средний ребенок никогда не имел привилегий старшего - самого первого продолжателя фамилии, который постоянно виделся им и родителями тоже как самый развитый, сильный, умный. Для большинства вторых детей он - недостижимый идеал. Второй ребенок часто находит себе место в семье, выбирая роль малыша. Понятно, что рождение еще одного малыша выбивает у него из-под ног начавшиеся формироваться жизненные установки. Поэтому второй ребенок ярко реагирует на появление конкурента. Часто он действует по принципу регресса, то есть как бы возвращается на более раннюю стадию развития. Продолжительное время он остается плаксивым, постоянно требует заботы просит соску и т. п. Такими своеобразными действиями он хочет вернуть себе позицию малыша. Посмотрите, я тоже такой же беспомощный, как младенец. Чего же вы прыгаете лишь вокруг него?

Смена позиций для среднего ребенка осложнена тем, что он как бы ограничен сверху первым ребенком - в семье уже есть сильный и способный. В то же время он чувствует, что не может конкурировать с малышом, так как не обладает его непосредственностью, очаровательностью. Оказавшись между этих

двух позиций, средние дети чаще, чем другие, чувствуют несправедливость, считают себя обиженными, отвергнутыми. Такое внутреннее состояние вынуждает их добиваться доказательств, что родители их любят.

Они спрашивают об этом, им особенно хочется ласки, физического контакта с матерью или отцом. Это необходимо им для поддержания внутреннего равновесия, нахождения новых способов включения в жизнь семьи. Они бывают разными. Ребенок может стать по отношению к родителям очень покладистым, послушным, соблюдать везде порядок, оказывать родителям разные услуги, принять по отношению к младшему роль няни, проявить интерес к определенным сферам занятий или наукам и т. п. Если ему это не удастся, он начинает воспринимать этот мир несправедливым, что вызывает у него агрессивные мысли и действия. Для того, чтобы конкурировать со старшим и младшим, он использует все возможные средства - интриги, ябедничество, средство физической борьбы. Родителям - это первый сигнал, что ребенок не находит себе места в новой структуре семьи и нуждается в помощи. Если он ее не получает, установка, что свой путь в этом мире можно пробить и удержать только локтями, закрепляется, становится его характерной чертой.

ЕДИНСТВЕННЫЙ РЕБЕНОК

Единственные дети с самого рождения развиваются в особенной атмосфере. Окруженные долгое время лишь взрослыми, они получают более ограниченный личностный опыт по сравнению с детьми, имеющими братьев и сестер. Психологи начала нашего века очень скептически относились к такой семейной структуре. Слова американского психолога С. Холла о том, что быть единственным ребенком - это уже иметь болезнь в себе, постоянно цитировались в специальной и популярной литературе. Однако такая однозначная оценка недостаточно обоснованна и в последнее время встречает все больше возражений. Но давайте разберемся по порядку.

Главное в развитии единственного ребенка заключается в том, что он длительное время близко общается лишь со взрослыми. Быть одному, маленькому в стране великанов не так легко и просто. Не имея возможности сравнивать себя в семейной обстановке с братьями и сестрами подобного возраста, а видя перед собой лишь недостижимых, все умеющих и могущих взрослых, ребенок остро ощущает свою слабость, несовершенство. Так, опосредованно, самой ситуацией развития ребенок обескураживается и в итоге может потерять веру в свои силы.

Единственный ребенок всегда на глазах у родителей. Они бдительны, замечают, когда ему не удастся, когда ему трудно, и спешат с помощью. Если в большой семье малыш никак не может застегнуть пуговицу и только после десятой неудачной попытки, разразившись плачем, получает помощь, то единственный ребенок часто делает лишь первую попытку, и то вполсилы. Единственным детям, как правило, слишком много помогают, и со временем малыш начинает осмысливать себя постоянно нуждающимся в помощи. Такую внутреннюю позицию иллюстрирует рисунок семьи шестилетнего Ярика (рис. 8). В окружении мамы и папы он изобразил себя ничтожно маленьким, беспомощным, требующим заботы.

Развиваясь в атмосфере чрезмерной опеки, единственные дети не только теряют уверенность, но и привыкают воспринимать служение, помощь родителей как само собой разумеющееся, требуют ее, когда надо и не надо. Ребенок начинает чувствовать силу в своей слабости, злоупотребляет вниманием и заботой окружающих. Так родители зачастую просто попадают в сети маленького деспота: ему во всем необходима помощь, ему ни в чем нельзя отказать. Иначе - истерика, слезы, злоба или очередная демонстрация слабости. Ребенок иногда использует и менее привычные способы манипулирования поведением родителей. Например, демонстрирует ночные страхи, соматические расстройства (головные боли, боли в животе и т. п.) для того, чтобы удерживать родителей в постоянной заботе о нем, чтобы настоять на том, чтобы было так, как она) хочет. Дети становятся маленькими тиранами, причем родители, хотя и чувствуют себя из-за этого изможденными, не понимают, что творится: думают, что ребенок просто чрезмерно чуток или болен.

В одной семье из трех, человек сложилась структура отношений, которая стала серьезной проблемой для родителей. Восемилетняя девочка стала бояться оставаться дома одна, ложилась спать только тогда, когда рядом спала ее мать. Мать должна была организовать свою работу так, чтобы постоянно быть с девочкой тогда, когда она была дома. В эти периоды она даже не могла пойти в магазин - девочка жалобно просила остаться, так как ей страшно. Начали

ухудшаться и супружеские отношения, так как жена всю энергию вечером тратила на укладывание девочки спать, к тому же девочка постоянно лежала рядом с супругами.

Тщательный психологический анализ отношений в семье показал, что девочка просто использует свои страхи, свою слабость для получения собственных выгод. Каждому ребенку неуютно оставаться в квартире одному, одному спать в своей комнате. Однако для большинства детей преодоление себя, своих страхов служит средством достичь самоуважения, признания себя со стороны родителей. В описанной нами семье девочка основывает поведение на бесполезной ей самой позиции: Я добиваюсь и делаю то, что хочу, только тогда, когда я слаба.

Ее можно понять – такая установка сложилась на основе повседневного опыта. Однако ее будущая судьба и жизнь в семье целиком зависят от того, попадет ли она в положения, в которых увидит прок не от своего бессилия, а от силы, преодоления себя самой. Если это произойдет, а помочь ей в этом могут родители или кто-то со стороны, то девочке не придется в будущем лечиться от настоящего невроза.

Другая характерная особенность развития единственных детей – они не имеют возможности близко общаться с другими детьми своего возраста (братьями, сестрами) что чаще всего приводит к неверной самооценке. Единственные дети склонны считать ее уникальными, ценными, ставить себя выше других они попадают в ситуацию сравнения с другими которая часто раскрывает их завышенное самомнение, они изо всех сил борются за то, чтобы поддержать фиктивный образ себя. Чтобы достичь этого они часто шалят и проказничают.

Отсутствие возможности близко общаться с братьями и сестрами приводит и к тому, что единственным детям труднее общаться со сверстниками. Во-первых, они не имеют опыта, как приспособливаться к нуждам других детей, не учитывают их интересов. Единственный ребенок от остальных часто отличается и лексиконом. В его речи много терминов, не понятных ему самому и окружающим детям, взрослых выражений, ему нелегко понимать детские шутки.

Все это приводит к тому, что единственные дети менее популярны в среде сверстников, что, в свою очередь, влияет на развитие личности ребенка. Испытывая недостаток близкого общения с другими детьми, единственные дети уже в дошкольном возрасте начинают активно искать такие контакты. Они просят родителей, чтобы им купили братика или сестричку, в других случаях страстно хотят иметь собаку или кошку. Потребность постоянного спутника в играх, друга с которым можно было бы общаться на равных, отражается и в их рисунках семьи. Как Рамуне, девочка 5.5 лет, они очень часто включают в состав семьи двоюродных сестер (рис. 9. На нем в порядке очереди изображены две двоюродные сестры, отец, мать, она дополняют семью разными живыми существами, собаками, птицами и т.п. (см. рис. 10, мальчик дополнил семью реально отсутствующими собакой и котом, или рис. 11 в котором девочка в качестве своей подружки изобразила черепаху).

Однако в ситуации развития единственных детей есть свои положительные стороны. Во-первых, они получают больше внимания и любви родителей. Только в тех случаях, когда родители перегибают, не оставляют места для инициативы ребенка, не дают возможности ему самому испробовать свои силы, преодолевать препятствия, вреда бывает больше, чем пользы. К сожалению, тенденция именно такова: ведь у родителей он единственный. Однако есть родители, которые пересиливают эту свою слабину и создают ребенку нормальную обстановку развития.

Во-вторых, родители единственного ребенка имеют больше возможностей развить его способности, быть внимательными к его внутреннему миру, его переживаниям. Будучи ближе к ребенку, родители больше влияют на развитие его личности, чем в других семьях. Таким образом, можно заключить, что как плохие, так и хорошие аспекты родительского отношения в семьях с одним ребенком оставляют более яркий след в его личности. В социальном плане единственные дети также имеют определенные преимущества над другими. На их обучение тратится больше времени, привлекаются различные репетиторы, дети устраиваются в разнообразие кружки и т. п. Позже, в юности, единственные дети лучше обеспечиваются материально, что важно для начала самостоятельной жизни. Каждый ребенок в семье развивается в несколько различных условиях. Со временем вы сами меняетесь, поэтому первый, второй и т. д. ребенок, придя в этот мир, встречается с вами, но уже несколько другими. Более того, сама

семья в которую приходят дети, для каждого иная. Первый ребенок встречается только с вами, а второй общается и с вами, и со старшей сестрой или братом; строить свое поведение, ориентируясь не только на вас, но и на личность старшего. Отличается и опыт, приобретаемый в семье. Старший вначале был единственным ребенком, центром жизни семьи, но впоследствии был свергнут с престола приходом малыша. Это не пережили младшие дети, долгое время находившиеся в роли малыша

Средние дети живут в еще более сложном мире семьи: сверху ограничены старшим, снизу – младшим ребенком. Своеобразное семейное положение складывается у единственных детей, постоянно находящихся под пристальным взглядом и опекой взрослых. Каждое из этих положений вынуждает детей искать свой способ приспособления, свое место под солнцем, что способствует развитию такой личности, которая отличается от личности других детей в той же семье

Какое положение ребенка в семье является самым благополучным? Однозначного ответа нет. Положение первого, второго и последующих детей имеет и свои преимущества, и свои сложности. Кроме того, каждый ребенок активен и сам формирует свое отношение к происходящему, выбирает свой путь. Главное, чтобы дети выбрали такие средства самоутверждения, и такие способы получения родительского внимания любви, которые были бы им полезны с точки зрения развития их личности, приспособления к более широкой социальной среде, такие способы, которые повышали бы их веру в свои силы. Родители могут им в этом помочь, во-первых, понимая сложности, которые возникают перед детьми и тактично направляя их на более правильный путь, во-вторых, более терпимо относясь к индивидуальным проявлениям их личности, к их проблемам и ошибкам, в-третьих, поднимая их уверенность в себе, побуждая к поиску.

РЕБЕНОК ОСМЫСЛЯЕТ ОТНОШЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ К СЕБЕ.

Удивительно часто мы, взрослые, уходим от ответственности и понимания психического состояния детей. Притом делаем это умело, пуская себе и другим в глаза дым мифа о счастливом детстве. Что под ним имеется в виду? Наша забота о детях? Далеко не всегда. При виде заплаканных глаз полуторагодовалого ребенка в яслях миф приобретает другое значение – дети счастливы, так как целыми днями могут играть, забавляться. А что слезы – это ничего, ребенок через минуту будет смеяться... В другом случае счастье детства в том, что малыши отгорожены от забот, от неприятных сторон жизни; в том, что дети оптимисты; в том, что их любят родители, и т.д. и т.п. Тот факт, что мы так привыкли к этому мифу и не замечаем несправедливости большинства аргументов, показывает, что он просто нам удобен. При его помощи мы избавляемся от нужды глубже разобраться в переживаниях ребенка, в его горечах и заботах. Ведь если детство прекрасно, стоит ли в нем выкапывать какие-то проблемы... У меня, например, проблемы о-го-го. А у ребенка?! Какие заботы могут быть у него? Удобная позиция, не правда ли?

Миф благополучия детей, по-моему, просто вреден, как любая неправда. Несмотря на это, он постоянно атакует родителей со страниц детских книжек с изображением однообразно улыбающихся детей, создается впечатление, что художники все время общались с психическими больными в состоянии эйфории, а не с реальными людьми. Никогда в жизни человек не проливает столько слез, как в детстве, и они не менее характерны для жизни детей, чем широкая улыбка или смех. Дети интенсивно переживают всю гамму человеческих эмоций. Понять своих детей можно, только с уважением и объективно относясь к их переживаниям.

Давайте вместе рассмотрим, какой чувственный опыт ребенок получает в семье. Это далеко не простая задача.

Для душевного состояния детей чрезвычайно важно, чувствуют ли они в семье, что их любят, значимы ли они для родителей или нет, как они сами относятся к родителям. Осмысление себя в семье хотя и не полностью осознается ребенком, но оно определяет его реакции на происходящее и, более того, представляет собой фундамент для существующих и будущих отношений с людьми. Это своеобразные сценарии, на основе которых ребенок предвосхищает, как окружающие будут поступать с ним, интерпретирует, что чувствуют другие люди по отношению к нему. Сценарии очень стабильны, часто человек несет их с

собой на протяжении всей жизни. Те, кто имеет опыт общения и с так называемыми трудными подростками, знают, как нелегко поколебать их веру в то, что никому до них нет дела, что взрослые желают им лишь плохого. Да и взрослые люди, кажется, имеющие все – и уважение на работе, и любящего супруга, детей, – часто грустят: Никто меня не любит! Никому я не нужен! Все это не только реакция на происходящее, но и отголоски детских установок на жизнь.

На основе своего жизненного опыта и обобщения его доступными интеллектуальными средствами ребенок может прийти к разным внутренним позициям. Они в общей форме отражают, как ребенок воспринимает отношение родителей к себе и как он сам относится к себе. Можно выделить по крайней мере четыре обобщенные установки по отношению к родителям и к себе:

1. Я нужен и любим, и я люблю вас тоже.
2. Я нужен и любим, а вы существуете ради меня.
3. Я нелюбим, но я от всей души желаю приблизиться к вам
4. Я не нужен и нелюбим. Оставьте меня в покое.

Я НУЖЕТ И ЛЮБИМ, И Я ЛЮБЛЮ ВАС ТОЖЕ.

Эта установка выгодно выделяет детей с высокой самооценкой и доверием к окружающим его людям. Возникновению такой позиции способствует обобщенный положительный опыт отношений с людьми, особенно с отцом и матерью. Она может формироваться в семье, в которой ребенок постоянно чувствует собственную близость с родителями, в которой дети и родители часто включены в *общую* деятельность и вместе с родителями испытывают радость. Внешне родительским отношениям, с ребенком, как правило, характерны такие три особенности: а) внешний положительный эмоциональный фон взаимодействия; б) признание автономности, своеобразности личности ребенка, его права на выбор; в) признавая права ребенка, родители в то же время не забывают о своих желаниях и устремлениях, стремятся реализовать собственные жизненные планы.

При таких, относительно постоянных, условиях жизни в семье ребенок постепенно постигает, находит жизненные истины, способствующие полноценному развитию его личности. Эти сознательные и несознательные обобщения можно записать понятным для взрослых языком так:

1. Я испытываю удовольствие, когда нахожусь рядом с близкими мне людьми.
2. Моя близость с родителями не ущемляет моей свободы. От меня не требуют постоянно действовать так, а не иначе.
3. Окружающие доверяют мне, и я ощущаю свою силу, зная, что сам смогу преодолеть препятствие, различить добро и зло.
4. Я, как и все люди, могу ошибаться, но это не означает моей плохости, глупости. Я могу учиться на ошибках и действовать все увереннее.
5. Когда я слаб, я могу попросить помощи и это не унижает меня.
6. Другие люди, в том числе и мои родители, часто иначе, чем я, относятся к окружающему миру, и они имеют не это право. Я уважаю их выбор, хотя не всегда его понимаю. Я доверяю им.
7. Когда родители меня наказывают, это не означает, что они перестают меня любить. Это значит, что мы не поняли друг друга или действовали в ущерб друг другу. Мы сможем поправить это, если захотим.
8. Мои родители, и другие люди тоже, часто хотят того, чего я не хочу. Если я с ними, я должен не только смотреть на то, что нравится мне, но и учитывать то, чего хотят они. Иначе вместе нам будет тяжело и неприятно.

Такие базисные установки являются большим достижением всего дошкольного детства. Их можно вычленивать из высказываний детей в возрасте шести-семи лет. Чрезвычайно важно то, что эти рано формирующиеся установки сохраняют свое относительное постоянство на протяжении всей жизни человека, становятся красной нитью сценариев, на основе которых человек строит свои отношения с другими людьми. Как упоминали выше, эти позиции в фазе становления являются подсознательными обобщениями и такими остаются позже, лишь изредка становясь объектом сознательного анализа.

Тем не менее они постоянно дают о себе знать в отношениях с людьми, в их рациональной и эмоциональной оценке, способе решения конфликтных ситуаций, то есть во всем разнообразии проявлений человека. Сформированы они у ребенка или нет, можно узнать, более пристально взглянув на объяснение

ребенком своего поведения, на основу выбора им одного или другого способа действия, его эмоций. Приведем пример.

Шестилетний мальчик, взбудораженный полчаса продлившимся спором отца с матерью о том, как провести свободный день, неожиданно вступает в разговор: Как это вы все не можете договориться? Делайте как мы с Паулюсом (это друг по двору). Когда он хочет делать одно, а я - другое, мы сперва делаем, что хочет он или я, а потом - наоборот. Вот и все....

Предлагаемый ребенком демократический способ решения конфликта через компромисс говорит о существующем уважении себя и другого вне зависимости от высказываемых мнений, признании равноправия людей, о доверии к себе и другому, о возможности уступить, не испытывая унижения, о готовности испытать то, что предлагает другой.

Другой пример.

Пятилетняя девочка плачет потому, что у нее не получается правильно написать буквы: Мне никогда не удастся красиво написать. Я не пойду в школу.... Семилетний брат утешает ее: Я тоже не умею играть на пианино, но я учусь. И писать раньше не умел. И мама раньше ничего не умела, И папа. Когда не умеешь что-то делать, это не значит, что не научишься.

В этом примере мы наблюдаем не только возросшие интеллектуальные возможности семилетнего ребенка - он способен правильно систематизировать, обобщить свой опыт и наблюдения, возвратиться как к аргументу к своему прошлому, но и другое. Он может реально относиться к человеку, чего-то не умеющему, находящемуся на более низкой стадии развития, как к равноценному человеку. Он не сопоставляет неумение, неуспех другого человека (значит, собственный тоже) с малостью, незначительностью, а видит другого и себя как растущего, развивающегося и, следовательно, в каждый момент постоянно чего-то не умеющего делать.

По этой причине дети с такой позицией имеют смелость пробовать, рисковать, склонны целеустремленно чему-либо учиться. Все эти особенности уже нельзя считать прямыми следствиями интеллектуального развития. Они выражают первичные, основные установки на жизнь, результат сложной эмоционально-познавательной деятельности ребенка. Это опорные точки, дающие ребенку смелость и ориентирующие его в сложном мире человеческих отношений. Поэтому мне представляется, что сформированные установки могут служить в качестве критериев желательного развития личности на ранних этапах ее становления. Воспитательная работа должна быть направлена на создание такой семейной среды, которая способствовала бы формированию доброжелательного, доверчивого отношения к людям и к себе, а не каких-то поверхностных черт личности ребенка.

Я НУЖЕН И ЛЮБИМ, А ВЫ СУЩЕСТВУЕТЕ РАДИ МЕНЯ

Такая внутренняя позиция чаще возникает в семьях с преобладающим культом ребенка, в которых все дела и заботы сосредоточены вокруг маленького идола. В подобных семьях ребенок рано начинает понимать, как значим он для родителей, как они любят его. Это повышает его самооценку, создает чувство безопасности, однако поведение ребенка уже в дошкольном возрасте часто переходит нормы принятого социального поведения: он не считается с окружающими, действует наперекор их желаниям и требованиям - пятилетняя девочка то, скажем, грубо отбирает понравившуюся ей куклу у маленькой подруги, то устраивает сцену родителям в Детском мире., когда ей отказывают купить желаемую игрушку.

Часто окружающие и сами родители видят в этом невоспитанность ребенка, начинают объяснять ребенку, почему так нельзя себя вести. Но крайне редко такие мероприятия приводят к ожидаемому результату. Дело в том, что ребенок не видит, не чувствует, почему ему надо поступать иначе, а именно - что существуют интересы других людей, которые не всегда совпадают с его собственными, и что, более того, другие люди имеют не менее прав для защиты своих интересов, что они не менее ценны, чем он.

Эти истины дети могут постигнуть в процессе роста, но при условии существования соответствующего жизненного опыта. В семье с культом ребенка малыш только изредка сталкивается с обстоятельствами, дающими ему такой опыт. Ребенок просто не видит, что родители имеют что-либо важнее, чем он, что имеют другие жизненные цели, кроме как служить ему, иначе говоря, он не

встречается с необходимостью считаться с другими. Поэтому восприятие ребенком себя как центра семьи даже логично, ведь родители все время служат прихотям ребенка, жертвуя своими интересами, временем и материальными ресурсами.

Раз возникнув, позиция я - все, вы - ничто- укореняется, так как ребенок начинает защищать очень настойчиво, свое привилегированное положение. И родителям не так уж легко это изменить. Даже тогда, когда ребенок явно ведет себя не так, как положено, родители боятся пресечь такое поведение, предвидя истерику. Если бы они внимательнее к ней прислушались, то в ней могли бы услышать: Вы что! Как вы смеете! И тогда в родителях заиграли бы обида, чувство унижения и они бы действовали по принципу час мы покажем тебе, кто тут родитель, а кто ребенок!

И думаю, что в описываемой ситуации, это пошло бы ребенку на пользу, хотя, возможно, родители выберут для доказательства того, что они тоже существуют не самые подходящие меры. Однако в подобных семьях этот подтекст истерии не воспринимается. Родители отступают, сдают ради святого спокойствия. И их отступление, часто с привкусом самоуничтожения, идет рядом с мазохистским возвышением ребенка: Какой он все-таки сильный, незаурядный мальчик, он всегда добьется своего!

Не будем спорить. Такое возможно, но при условии, что вокруг него все время будут находиться такие же преданные ему служители, какими были родители. Так как это маловероятно, в реальности такой ребенок сталкивается с большими проблемами в отношениях со сверстниками, с другими взрослыми людьми. Суть будущих конфликтов может быть в том, что ребенок привык ожидать от других восторга и восхищения, часто не имея для этого никакого основания. Сам же относится к окружающим пренебрежительно. Естественно что ожидания такого мальчика или девочки, что все будут восхищаться ими не оправдываются - мальчик или девочка испытывают недоумение, интенсивные отрицательные эмоции, которые вынуждают действовать агрессивно и вторично еще больше разрушают межличностные связи: Как эти все ничтожества не понимают, с кем они имеют дело?!

Подобные проблемы могут глубоко повлиять на жизненный путь человека и в конечном счете привести к трагическому концу одинокого, озлобленного на всех человека. Коррекция возвышающей себя позиции ребенка необходима. Однако при этом надо иметь в виду, что коррекции требует не высокая самооценка ребенка, как иногда считается, а несоответствующее реальности понимание других людей как менее ценных, как существующих ради него. В какой-то момент ребенок должен остаться один на один с противоречиями, порожденными неправильным пониманием мира межличностных отношений, и он сам сможет заново осмыслить свое отношение. И чем раньше это произойдет, тем больше шансов на успех.

Какие же обобщения управляют поведением и оценочным отношением к миру у подобного ребенка? Можно предполагать существование таких внутренних установок:

Родители существуют ради меня.

Мои желания и стремления - самые важные. Я должен их осуществить во что бы то ни стало.

Окружающие, даже если не говорят этого восхищаются мною.

Люди, которые не видят моего превосходства, просто глупые. Я не хочу иметь с ними дела.

Если другие люди думают и действуют не так, как я, они ошибаются или поступают так на зло мне.

Мои родители любят меня. Но как у меня, такого славного, умного, красивого оказались такие серые отец и мать?

Содержание внутренней позиции такого ребенка хорошо иллюстрируют рисунки семьи двух детей. На одном рисунке девочка изобразила себя в прекрасном платье, с букетом цветов в руках, а другие члены семьи - лишь фон, не слишком удачная декорация. На другом рисунке мальчик изобразил себя детально, живо, украсил свою одежду цветными кармашками, изобразил выразительные глаза. Родители же - просто одноцветный безжизненный контур. В обоих рисунках непосредственно проявляется отношение ребенка к себе, как к кому-то важному, уникальному, а к другим как менее привлекательным, менее существенным: живут, мол, такие люди рядом, ну и ладно...

Почему в некоторых семьях создается межличностная ситуация, позволяющая ребенку занять положение сверху? Ведь по сути дела в этом есть что-то

неестественное - дошкольник еще во многих случаях зависит от взрослого. Возможно ли, что такой ребенок может подчинить себе взрослого? Да. И это не такое уж редкое явление, так же как и в семьях, в которых отсутствует культ ребенка. Однако дать однозначный ответ на вопрос, почему так происходит, вряд ли возможно. Все же такие семьи часто имеют своеобразный облик, которому характерно измененное отношение самих родителей к окружающему миру, своеобразный отказ от попытки реализовать себя в нем. Знакомые, сотрудники, друзья воспринимаются ими отчужденными, недоброжелательными. Работа да и жизнь вообще ничего хорошего не сулят им, простым людям. Из-за возникшего чувства неполноценности родители расценивают себя как неудачников. Потеря веры родителей в жизнь, отсутствие надежды осуществить какие-то свои планы приводят к замыканию в себе, в кругу близких.

Для родителей в подобной жизненной ситуации ребенок становится и средством поддержания контактов с миром, и средством, с помощью которого можно реализовать свои надежды, мечты. В поведении и высказываниях отца или матери можно услышать: Жизнь жестока, и она нам часто подставляла ногу. Ничего. Наш ребенок покажет, каким мог (могла) бы я быть, если мне никто бы не мешал. Иначе говоря, ребенок родителями как бы вплетается в сценарий сведения счетов с миром и отведена ему роль либо демонстратора того, как мир ошибся, не заметив таких незаурядных людей (то есть родителей), либо мстителя, который действует по принципу бери все, что тебе хочется, делай все, что хочешь. - весь мир для тебя.

При таких установках, хотят родители этого или нет, они ставящееся во второстепенную позицию по отношению к ребенку - ребенок подсознательно рассматривается как более сильный, так как ему предназначено сделать то, чего не смогли сделать самим родители. Именно самоунижение родителей формирует из ребенка маленького королька, хотя еще и не вступившего на трон. Ребенок очень рано начинает чувствовать неуверенность родителей и в то же время их восхищенне им. Ребенок постепенно все больше пользуется своим привилегированным положением и часто ставят своих родителей в тупик. Наряду с открытым или скрытым восхищением силой, мудростью, нахальностью наследника они начинают чувствовать и неудовлетворение из-за пренебрежительного отношения ребенка к ним самим, игнорирования их интересов, иногда просто детской диктатуры, разыгравшейся дома. Тогда родители пытаются изменить отношения, но, как правило, это нерешительно и непоследовательно, что существо отношений не меняет. Это понятно: стержнем поведения ребенка служит сформированное я многократно подтвержденное его представление о других людях и о себе, и отдельные нравоучения не способны поколебать концепцию самовозвышения.

Выделяется и другой тип семенных обстоятельств, способствующих восприятию ребенком себя как центра мира. В одних случаях это семьи, в которых из-за разных причин долгое время не мог родиться ребенок хотя родители желали этого. Если родившийся первый ребенок наверняка и последний, родители испытывают большую долю неуверенности в отношениях с ним. В одних случаях это выражается в том, что родители склонны отгородить ребенка от всех реальных и иллюзорных опасностей и пытаются выращивать его в условиях теплицы с постоянным контролем. В других случаях родители не уверены в том, чьи желания и устремления важнее - их или долгожданного ребенка и своим попустительством помогают ребенку захватить власть в семье.

Положение ребенка в качестве маленького королька может возникнуть также в неполных семьях, в которых мать намерена посвятить себя воспитанию единственного ребенка, и при других обстоятельствах. Мы не ставим себе цели все их обрисовать, но при помощи описанной структуры сложившихся семейных отношений хотим еще раз показать, что принятие ребенком определенной внутренней позиции теснейшим образом связано с тонкими особенностями межличностных отношений в семье. Притом эти нюансы, на основе которых ребенок принимает такую позицию, часто остаются не осознанными самими родителями.

Я НЕЛЮБИМ, НО Я ОТ ВСЕЙ ДУШИ ЖЕЛАЮ ПРИБЛИЗИТЬСЯ К ВАМ

Позиция я нелюбим, но я от всей души желаю приблизиться к вам часто встречается среди так называемых проблемных детей. Почти каждый несчастливый ребенок ощущает, что родители недостаточно его любят. Мы уже говорили, что

восприятие любви и внимания родителей – важнейшее условие полноценного развития личности, оно дает ощущение собственной значимости в семье. Надо помнить, что дети более склонны воспринимать себя нужными и любимыми в семье и этим очень смягчают влияние эпизодов, когда родители сердятся на них. Это хорошо, что дети склонны видеть то, что хотят! Все же большое количество детей остро испытывают нехватку родительского тепла.

Семьи, в которых ребенок может ощущать свою нелюбимость, внешне очень разнообразны. В одних семьях детям уделяется очень много внимания, а в других дети явно педагогически запущены. Это говорит о том, что самочувствие ребенка в среде близких ему людей зависит не от видимых особенностей жизни семьи, а более глубоких, психологических ее особенностей. Выделить их – очень сложная задача, требующая учета самых разнообразных факторов. Здесь мы попытаемся взглянуть пристальнее на некоторые, по нашему мнению, недооцениваемые обстоятельства.

Отсутствие ребенка в жизненных планах родителя (ей). Не всегда дети появляются на свет тогда когда ждут и не все дети рождаются когда они вообще нужны. Сам факт, что ребенок чаще всего зачинается случайно, непреднамеренно, существенно влияет на будущее отношение матери к малышу. Забеременев, молодая женщина может чувствовать, что ее обманула судьба (черт бы побрал эту мою женскую природу, что она попала в ловушку и т. п.

Если женщина имела далеко идущие жизненные планы или установку на свободную жизнь, беременность воспринимается как существенное препятствие, как камень преткновения и тем самым вызывает сложный внутренний конфликт, сопровождаемый негативными эмоциями и требующий либо принятия новой жизненной позиции, либо отставания старой структуры отношений с миром.

Женщина оказывается перед выбором: отказаться от прежних планов на жизнь, прервать беременность либо найти компромисс – отложить на время то, к чему раньше стремилась. Это достаточно сложный и долговременный период принятия решения, от которого во многом зависит эмоциональное состояние женщины и ее будущее отношение к ребенку.

Было бы наивно утверждать при этом, что сознательное решение женщины оставить ребенка разрешает все проблемы. Не всегда решение иметь ребенка означает, что она изменила отношение к прежним планам, нашла в них место ребенку. Дело в том, что мать может испытывать большое внешнее давление со стороны родителей, мужа и других людей или же переживать сильные внутренние моральные возражения – прерывание беременности, в оценках нашего обыденного сознания, связывается с чем-то непристойным, грязным и т.п. В итоге женщина решается иметь ребенка, хотя внутренне желает обратного. Нерешенный внутренний конфликт после рождения ребенка решается внешними средствами, то есть через отношения с малышом. В глубине души мать не радуется его рождению, а сожалеет о случившемся, подсознательно продолжает воспринимать младенца как препятствие. Это признак, что внутренний конфликт не решен. В таком случае матери следовало бы пересмотреть и переосмыслить отношение к себе, ребенку, жизни.

Часто матери говорят о том, что нежелание иметь ребенка заменилось привязанностью после она в первый раз увидела малыша. Это понятно: где-то в недрах женской природы запрограммирована ее материнская любовь, которая иногда неожиданно для самой женщины пробуждается и долгие годы руководит отношениями матери с ребенком. Однако не всегда идущее от природы материнское чувство выигрывает поединок с ностальгией по неудовлетворенным жизненным устремлениям и девическими грезами. В таких случаях общение матери с ребенком по ей самой непонятным причинам обозначено знаком неудовлетворенности, раздражения, напряжения. Эти отрицательные эмоциональные переживания периодически всплывают на поверхность в самых различных формах: авторитарности, чрезмерной требовательности или чрезмерной близости с целью постоянно контролировать ребенка, вмешиваться в мир его личных переживаний или же отвержения ребенка, отторжения от него.

Недовольство ребенком таки, каков он есть. Нередко родители, строя свои жизненные планы представляют себе достаточно конкретный образ, каким должен быть ребенок: мальчик или девочка, послушный или предприимчивый, спокойный или активный и т.д. В общем, целенаправленное отношение к будущему ребенку не плохой факт, так как создает возможность последовательно воспитывать подрастающее поколение. Однако недовольство ребенком таким, каков он есть, вызывает у него ощущение, что он не ценен, нелюбим.

Особенно пагубны последствия, если родители направляют всю свою активность на искоренение неискоренимого. Скажем, неожиданная в семье девочка может постоянно слышать упреки за свою женственность, что она недостаточно смелая и храбрая, что, вместо того, чтобы играть с конструктором, постоянно возится с куклами.

Иногда родителей раздражают какие-то природные особенности детей. Чрезмерно подвижный ребенок, если родители считают это дурным качеством, постоянно чувствует раздражение родителей из-за того, что он таков... Или же медлительный ребенок, флегматик часто подталкивается родителями: быстрее, быстрее. В обоих случаях родители имеют много общего. Во-первых, они нетерпимы и нетерпеливы. Во-вторых, они относятся к ребенку как к куску глины, из которой можно вылепить что угодно. В-третьих, они любят не своего ребенка, а свой вымышленный образ. Как раз это обстоятельство со временем начинает восприниматься детьми: Я недостойн любви родителей. Я никуда не похужу. В подобное безвыходное положение попадают и дети, у которых один из родителей хочет искоренить унаследованные ребенком черты нелюбимого супруга. Но об этом несколько позже.

Тут мы обсудили только две, по нашему мнению, существенные причины, определяющие такие отношения родителей, которые со временем воспринимаются детьми как отвержение. Их значительно больше, рассмотреть их в одной книге просто невозможно. Основным для нас служит то обстоятельство, что даже не вполне или вовсе неосознаваемые родителями причины могут постоянно искажать их отношения с ребенком; что они, сами этого не понимая, могут все время излучать недовольство ребенком, раздражение: оно звучит в голосе, в жестах, в сморщенных бровях... Оно неизменно, и именно поэтому дети постепенно начинают чувствовать свою незначимость в семье, свою нелюбимость.

Прийти к выводу, что ты нелюбим – значит испытать на себе тяжелый груз горьких разочарований. Они могут быть самыми разнообразными, и накапливаются они в душе ребенка понемножку, как бы незаметно. Но потом какой-то один факт, в результате которого ребенок испытывает свою незначимость в семье, вдруг вызывает сильную, казалось бы, не соответствующую ситуации эмоциональную реакцию ребенка. Такое может наблюдаться после рождения второго ребенка, после как родители уехали отдыхать к морю, а ребенок, несмотря на его протест, был оставлен у бабушки, и рядового несправедливого наказания. Глубокое уныние, неутешный, ни к кому не обращенный плач показывает тяжесть переживания ребенка, первое осмысление себя как ненужного, нелюбимого.

Иногда можно заметить, что после подобного перелома поведение ребенка меняется – он начинает тратить много сил и времени, чтобы любыми средствами заставить родителей заниматься им. Но к этому мы еще вернемся.

В жизни семьи переосмысление, ребенок родителей к себе происходит исподволь и в каждой семье по-своему. Очевидными такие переломные моменты в жизни ребенка, когда он вдруг ощущает холод со стороны своих родителей, становится только в кризисных семейных ситуациях. Для понимания данного явления можно обратиться к закономерностям поведения детей когда они реально, физически, неожиданно отрываются от своих родителей и отдаются на попечение незнакомым им лицам. Так бывает, когда детей, до того живших в семьях, отдают в интернат. Семилетний ребенок, как правило, остро реагирует на такую перемену. Сразу после разлуки большое число детей возбужденны, тревожны, некоторые из них активно протестуют, плачут, кричат, отказываются от пищи, отдыха, агрессивны по отношению к окружающим, засыпают только от усталости и т.д.

Иначе говоря, в поведении детей вследствие ломки межличностных отношений проявляются тяжкие переживания покинутости. После этого периода следует период подавленного эмоционального состояния, дети внешне выглядят более спокойными, иногда апатичными. Только через некоторое время постепенно приходят в себя, привыкают к изменившейся ситуации, их эмоции уравниваются.

Даже по внешним проявлениям, поведению видно, что в душе ребенка бурлит океан чувств. И связаны они не только с тем, что надо приспособиться к новой обстановке, но главным образом с осмыслением того, что же произошло, с переоценкой отношения родителей к себе и собственного отношения к ним. В этот период происходит интенсивная внутренняя работа по обдумыванию собственного отношения к родителям и их – к себе, после чего первоначальные

отношения часто изменяются.

Ромас Н. долгое время не мог привыкнуть к условиям интерната. Почти месяц каждый вечер плакал. Воспитательницу, которой он начал постепенно все больше доверять, уговаривал написать родителям, чтобы те приехали за ним и забрали его отсюда. Когда родители через месяц приехали за ним, их встреча с сыном была неожиданной. Родители увидели сына за забором в группе детей в сопровождении воспитательницы. Они окликнули сына, тот вздрогнул, взглянул на родителей и остановился на минуту. Потом вдруг съехался, отвернулся и побежал к воспитательнице вцепился в ее руку. На все уговоры идти к родителям он только качал головой. Вернувшись в интернат, побежал в свою комнату, упал на кровать и зарыдал. Только через два часа воспитательнице удалось уговорить Ромаса спуститься к родителям.

За этой своеобразной сценой детской мести родителям лежат сложные изменения отношения ребенка к своим родителям после жизненного факта, который Ромасом был интерпретирован как отвержение, как предательство. И в других случаях, если наблюдается резкое изменение поведения ребенка по отношению к людям, к которым он раньше был привязан, быть уверенным, что в душе ребенка произошла сложная внутренняя перестройка, в процессе которой ребенок заново осмыслил свое положение в семье отношение родителей к себе и собственное отношение к ним. О том, как именно это происходит и какие сложности ребенок при этом преодолевает, приходится лишь догадываться. Однако на определенные этапы этого процесса проливают свет данные психологических исследований.

Первое, с чем должен справиться ребенок в подобной ситуации разлуки, это назойливые мысли, что он обманут, что он никому не нужен, нелюбим, что он оставлен всеми – совсем один в этом мире. Такие мысли провоцируют реакции протеста и последующее подавленное настроение. В этот период ребенок высказывает либо недоумение, либо сильное недоверие к взрослым: Все они такие. Они могут обмануть и оставить тебя в любой момент. Дети замыкаются в себе, не делятся своими переживаниями со взрослыми как бы переваривают обиду в себе. При подобном недоверчивом отношении ребенка к миру наблюдается интересное явление.

Если в это время ребенка попросить сделать рисунок семьи, то он всякими способами будет отказываться, неосознанно пытаясь избежать травмирующего переживания. Ребенок задает самые разнообразные защитные вопросы, например: А зачем?, Что такое семья? – или просто отговаривается, не умею людей рисовать, никогда не рисовал семью и т. п. Даже тогда, когда ребенок приступает к выполнению задания, он долго сидит молча, смотрит по сторонам и, в отличие от ребенка с хорошими эмоциональными отношениями в семье, начинает с изображения неодушевленных предметов.

Для детей в такой ситуации достаточно детальное изображение дома, солнца и туч и отсутствия изображения членов семьи. Посмотрите на рисунок 14, выполненный семилетним мальчиком по заданию нарисуй свою семью. Детально, разноцветно изображен дом (символ семьи, на которую ребенок смотрит с ностальгическим но скрытым желанием), нарисовано солнце (символ материнской заботы и любви, необходимость которой чувствует ребенок). Так ребенок косвенно, символически показывает, как значима для него семья и те отношения, которые там существовали. Тут же можно уловить и отношение к собственным чувствам относительно семьи – не рисуя членов семьи, ребенок как бы отказывается, отмежевывается от них. Такое отношение понятно – ведь не будь привязанности, любви, не было бы и мук расставания! На первый взгляд кажется парадоксальным, что в рисунках детей, оторванных от семьи, отсутствуют ее члены. Их нет не потому, что ребенок о них не помнит или они для него незначимы. Члены семьи, точнее воспоминание о них, связаны с негативными эмоциональными переживаниями – чувством покинутости, нелюбимости, и ребенок избегает этой темы. Наряду с этим дети утрачивают доверие к ранее самым близким им людям, да и другим взрослым тоже. Они не чувствуют себя в безопасности, им неуютно в окружающем мире.

На таком чувственном фоне ребенок решает другую задачу – пытается понять, что же произошло, почему он вдруг остался один. В зависимости от предшествующего опыта и особенностей личности дети по-разному решают эту проблему. При анализе детских представлений о семье выделяются два способа, пути внутренней переработки, осмысления не удовлетворяющей ребенка ситуации. Первый путь. Если ребенок склонен к переживанию чувства вины, то он как бы

соглашается с фактом отвержения, изгнания. В факте отделения от семьи он видит наказание за свою плохость, за отдельные проступки или даже за плохие, недостойные мысли. Особенно ярко это выступает у детей, которых когда-то пугали родители, что за непослушание отдадут в интернат, откажутся от них. отдадут в больницу и т. п.

Страстно желая разобраться, что же произошло, не будучи способными полностью понимать взаимоотношения между людьми, они часто хватаются за такое объяснение. Так, одна девочка, лежавшая в палате после операции аппендицита, серьезно объясняла, как она не слушала мать, ела много конфет и, как мать ее и предупреждала, ей пришлось лечь в больницу. Но теперь она хорошая, будет слушаться маму, ее скоро выпустят...

Представьте себе на минутку внутреннее состояние ребенка, который предполагает, что его отдали в интернат или больницу за его поступки. Это очень тяжелое чувство, ведущее к потере самоуважения, к признанию своей грешности и побуждающее ребенка к иррациональному стремлению исправиться, только неизвестно в чем, или избавить других от своего недостойного присутствия. На рисунке по заданию нарисуй свою семью эти дети пропускают, забывают нарисовать себя. Эгле, вскоре после того как попала в интернат, нарисовала на рисунке семьи сестру, маму, отца и отказалась изобразить себя (рис. 15).

Второй путь переработки травматической ситуации – признание плохости семьи, родителей. Ребенок приходит к выводу, что именно родители виноваты в том, что он оторван от семьи, оставлен один. Ребенок как бы выискивает новое доказательство вины родителей, иначе осмысляет давние происшествия, вспоминает, например, как когда-то родители оставили его на долгое время в деревне у бабушки – как дополнительный аргумент, что его родители просто недостойны быть таковыми. Подобная внутренняя позиция ребенка приводит к дискредитации семьи, положительного в прошлом опыта.

Ребенок начинает злиться на себя за то, что он по-прежнему привязан к матери и отцу, за то, что мечтает о возрождении былых отношений. Если представить его внутреннее эмоциональное состояние – это смесь злости, обиды и любви к родителям. В поведении с родителями такие дети часто ведут себя агрессивно, пренебрежительно, кажется, специально их раздражают. Лейтмотив этого: Вы со мной так, и я с вами так. То есть ребенок таким образом психологически защищается – избавляется от кипящих в его душе интенсивных эмоциональных переживаний посредством уменьшения значимости семьи: если семья для меня незначима, родители плохие и я их не люблю, то зачем же я переживаю?

Подобные установки также отражаются в рисунке семьи. Дети не изображают членов семьи а рисуют только себя или людей, которые не являются членами семьи, или включают в семью людей, которые с ней не связаны. Например, на рисунке 16 девочка изобразила какую-то девочку и принцессу. На листе бумаги, как и в реальной жизни, ребенок стремится уменьшить притягательность семьи через разрушение ее целостности (если в семье находятся посторонние лица, значит, семья не есть что-то определенное. Мое отсутствие, следовательно, натуральное явление), через принятие позиции моя семья – это я сам или посредством поиска новых близких межличностных отношений, заменяющих бывшие связи с родителями.

Обе позиции – отвержение себя и отвержение семьи – психологически обоснованны, однако обе они не способствуют быстрому и успешному приспособлению ребенка к новой ситуации и сохранению эмоциональных связей с родителями. В первом случае энергия ребенка уходит на самобичевание, псевдоисправление, во втором – на субъективный разрыв с семьей. И в первом и во втором случае ребенок не видит объективных обстоятельств, показывающих вынужденность разлуки (конечно, при условии, что они есть): то, что близко нет школы, и т. д. Известно, что если с детьми предварительно перед разлукой подробно обсуждают обстоятельства, почему им надо лечь, скажем, в больницу или же поступить в интернат, проигрывают данные ситуации (при помощи игрушек или в группе других детей) их приспособление к новой среде происходит быстрее и легче, а их взаимоотношения с родителями остаются более близкими. Причина этого довольно ясна – во – первых,

мют увидеть все обстоятельства вынужденной разлуки, то есть убедиться, что его не обманывают. Во-вторых, ребенок получает возможность какое-то время уточнять эти обстоятельства с родителями. В-третьих, он может

осмыслить это в более спокойной и безопасной атмосфере своей семьи. В-четвертых, мысли ребенка постепенно направляются в сторону объективного анализа семейной ситуации, а не на угрызения или дискредитацию семьи. Я люблю и я вас люблю, но обстоятельства вынуждают нас расстаться – идеальная внутренняя позиция ребенка, и родители должны приложить максимум усилий, чтобы их сын или дочь воспринимали происходящее именно так.

Отчетливые различия в реакциях детей на разлуку с родителями определяют различия в отдаленных психологических последствиях. Предвосхитить их и предупредить нежелательные и тягостные переживания ребенка возможно, лишь поняв, как он относится к происходящему.

Недостаток внимания, любви, заботы воспринимается детьми так же сильно и остро, как и разлука ребенка с семьей.

В обычной семейной жизни ребенок строит свое отношение к родителям и к самому себе постепенно, изо дня в день, из года в год. И еще медленнее он меняет свои глубинные отношения. Это одна из причин, почему родители не видят этих изменений. То же самое происходит и с другими постепенными процессами – попробуйте, глядя в зеркало, обнаружить, состарились ли вы за день. В повседневных заботах лишь изредка поведение ребенка в семье привлекает ваше внимание и заставляет задуматься об отношении вашего сына или дочери к вам и к самим себе.

Все же существуют определенные признаки в поведении ребенка, которые указывают на то, что ваш ребенок чувствует себя недостаточно значимым и любимым в семье, признаки, которые указывают, что ребенок занял определенную позицию по отношению к родителям, посредством которой он пытается добиться ощущения собственной значимости. Более детально остановимся на обсуждении наиболее часто встречающихся позиций.

Неправомерное требование внимания.

С самого начала жизни ребенку необходимы родительская теплота и внимание. В первый свой год дитя практически беспомощно, и постоянное внимание родителей совершенно необходимо ему для правильного развития и просто выживания. Но уже во второй половине первого года крик, плач ребенка могут означать не только то, что он плохо себя чувствует, хочет есть или пить, лежит мокрым. Плач становится способом позвать к себе родителя, быть выражением желания пообщаться с ними. Общение ребенку необходимо, и правильно поступают те родители, которые уделяют этому внимание.

Однако уже в этом раннем периоде ребенок может приучиться быть спокойным, веселым лишь в присутствии взрослого. Такой ребенок впоследствии чувствует себя комфортно только тогда, когда на него обращают внимание. А это нежелательно. Попробуем разобраться почему.

Во-первых, такая позиция неизбежно приведет к внутреннему дискомфорту и в итоге может формировать низкую самооценку – ведь невозможно все время находиться в центре внимания! А как только ребенок остается сам с собой, он начинает чувствовать свою незначимость, нелюбимость. Во-вторых, ориентация на получение внимания лишь со стороны взрослых значительно сужает круг представлений о мире; в стороне остаются и интересные вещи, и интригующие занятия, да и собственные переживания тоже! Целью поведения становится одно – во что бы то ни стало привлечь к себе внимание взрослых. Для этого ребенок может использовать самые различные способы – это зависит от возраста и личностных особенностей ребенка, от того что больше всего затрагивает родителей. Посмотрим, как это происходит.

Раса, десятимесячная девочка, стала чрезмерно плаксивой – как только мать уходит из комнаты и занимается домашними делами, она сразу же начинает хныкать, а если мать не приходит – кричать во весь голос. Мать совершенно обескуражена, так как не справляется с домашними обязанностями. В лучшем случае она способна взять и читать книгу, сидя с Расой. Освобождается она, только когда младенец засыпает. Родители обращаются к педиатру – не болит ли чего у девочки?

Раса совершенно здорова, так она весела и подвижна в присутствии матери. Просто она не умеет заняться собой, неуютно чувствует себя в отсутствие матери. К тому же она обнаружила, что крик – прекрасный способ вернуть ушедшую мать. Формирующуюся позицию я люблю только когда нахожусь в центре внимания родители могут исправить. Им надо, во-первых, больше уделять внимания ребенку, когда он весел, когда нашел интересное занятие, во-вторых, не позволять ребенку полностью манипулировать поведением матери.

Мать имеет свои занятия и должна их выполнять даже тогда, когда ребенок не в слишком хорошем настроении. Ребенок должен научиться заниматься собой, находить удовольствие сам, и в итоге он поймет, что поведение окружающих ему неподвластно.

В вышеописанном примере мы имеем дело с развивающейся концепцией я значим только тогда, когда не меня обращают внимание. Однако подобная потребность во внимании наблюдается и при других обстоятельствах. Очень часто встречаются случаи, когда требование внимания ребенок пытается компенсировать недостаток родительской любви. Таким способом ребенок внутренне борется с возникающим чувством незначимости, отверженности: Пока я смогу привлекать внимание родителей к себе – я любим. Другими словами, он психологически защищается от предположения я не любим. Эта позиция возникает постепенно, но иногда она провоцируется каким-либо изменением в жизни семьи.

Эгле, пятилетняя девочка, хорошо отнеслась к рождению брата. Со временем она почувствовала убывающее внимание матери к ней. После некоторого периода подавленного настроения Эгле как-то неожиданно стала клоуном в своей семье. Она постоянно кривлялась, устраивала разные забавы так умело, что на нее нельзя было не обратить внимания и сдержаться от смеха. В то же время Эгле оставила свои любимые игры с куклами и перестала интересоваться подружками во дворе.

В общем, Эгле нашла свое место в изменившейся структуре семьи, нашла способ поддержать свою значимость. По форме этот способ мил и поэтому не беспокоил родителей. И все же Эгле полностью зависит от внимания своих родителей – только тогда ей весело и она чувствует их теплоту. Она много потеряла – ощущение значимости, любви. Девочка уже не может заниматься тем, что ей нравилось прежде, когда она ощущала психологический комфорт, те есть играть с куклами, общаться с девочками во дворе. Она находится в постоянном напряжении – как, каким способом развеселить родителей, обратив их внимание на себя? Помочь Эгле можно. Главное, надо показать (словом, мимикой) ребенку, что он любим и значим для родителей всегда: когда у него слеза на щеке, и когда он занят своими делами, и даже когда он проказничает.

Семилетний Игнас начал ходить в школу. Естественно, общение мальчика с родителями очень сузилось. Утром – торопливый завтрак, несколько фраз друг другу. Вначале родители сопровождали его в школу, но через месяц Игнас уже ходил туда сам. После школы мальчик был дома один, так как родители приходили с работы лишь в половине седьмого. Ужин. В половине восьмого отец отправлял ребенка делать уроки, сам он ему не помогал, считая, что учеба – это дело самих детей. После окончания уроков уже недалеко время ложиться спать... Игнас – мальчик умный, способный, первое время было отличником. Неожиданно ребенок начал получать тройки, и к началу второй четверти в дневнике сплошь и рядом стояли отметки удовлетворительно. Не помогли ни упреки родителей, ни вечерние занятия отца с мальчиком.

Что же случилось? Пропущен важный период в учебе? В данном случае дело обстоит иначе. Игнас вдруг почувствовал, что предоставлен сам себе, что до него никому нет дела. Еще он обнаружил, что эпизодичный неуспех в школе меняет отношение родителей в желаемую сторону. Они больше с ним общаются, правда в форме упреков и поучений, но и такое лучше, чем забвение. Более того, отец начал с ним вместе готовить уроки. Разве от этого откажешься ради сомнительной пользы получения пятерок! Не знаю, в этой ли форме звучат подобные утверждения в голове у семилетнего мальчика, ведет он себя так. Знаете, как сложилось дело с Игнасом?

Учеба с удовлетворительно – изменилась на отлично – сразу после того, как отец заключил с сыном следующий договор: Игнас сам готовит уроки до прихода отца. Если уроки полностью и правильно выполнены, отец и сын после ужина идут гулять, играть (или делают то, что предложит мальчик). Почему это помогло, хотя кажется, прямо это не было связано с учебой? Все просто. Учеба – несложное дело для Игнаса. Но при помощи плохой учебы он смог больше общаться с отцом, привлечь его внимания к себе. Но теперь обстоятельства изменились – зачем вместе с отцом тратить время на выполнение домашних заданий, если можно это время провести гораздо веселей!

Усиленное требование внимания может проявиться в каждом случае по-разному. Одни дети непрерывно хнычут что не могут застегнуть пуговицу, зажечь свет, выполнить уроки, другие назойливо пристают с разговорами

пытаются рассмешить или даже применяют физические меры – дергают за рукав, отнимают у вас газету, суют в руки какую-то игрушку; третьи вытворяют такие штучки, что волосы дыбом встают – висят на дереве на одной руке, ходят по комнате, поставив себе на голову хрустальную вазу, и т. д. и т. п. – фантазия не имеет границ. Однако во всех этих случаях дети стремятся к одному – постоянному вниманию со стороны родителей.

Они чувствуют свою значимость в семье, лишь когда ощущают внимание родителей. Это несложно заметить со стороны. Родители испытывают неудобство от того, что ребенок постоянно им мешает, надоедает, что от него ни минуты нельзя оторваться и побыть в покое, однако они не пытаются изменить семейную обстановку так, чтобы ребенок почувствовал свою значимость другими средствами, чтобы он приобрел больше само достоинства, а лишь стремятся как-то прервать беспокоящее их поведение ребенка. Перестань хныкать наконец!, Если будешь продолжать все время ходить за мной по пятам и мешать мне работать, я запру тебя в комнате! – это одно из самых мягких средств, посредством которых родители хотят повлиять на маленького человека. Такие средства, как правило, дают лишь непродолжительный эффект. Не удовлетворяющее родителей поведение спустя некоторое время возобновляется или даже изменяется в худшую сторону.

Дело в том, что ребенок продолжает чувствовать недостаток внимания, любви со стороны родителей или ощущает свою значимость лишь тогда, когда родители им занимаются, даже независимо от того, ругают его или хвалят. В сущности, выполнение требований постоянно обращать на них внимание создает еще большее внутреннее напряжение. Попытки родителей-1 прервать такое поведение, проделжающиеся наказания вынуждают ребенка переосмыслить свой опыт, и приходят к такому выводу: Вы мне показали, что я недостоин внимания, однако я могу заставить вас заниматься мною.

Принятие такой позиции знаменует переход неправильных родительско детских отношений в стадию силовой борьбы или борьбы за власть. Теперь ребенок чувствует удовлетворение и свою значимость не от того, что он что он в центре внимания, а от того что он вынуждает родителей заниматься им, что противопоставят свое поведение требованиям родителей. Отношения между родителями и ребенком напоминают войну неизвестно как и почему возникшую. Кажется, что каждая сторона просто отстаивает чувство собственного достоинства перед другой.

Всякий раз, когда пятилетнего Римаса укладывают спать он встает и начинает ходить по комнатам. Родители напоминают: .Тебе давно пора спать, снова укладывают его, а он через минуту опять идет на кухню пить, потом в туалет и т. д. После третьего укладывания Римас встает и в темноте начинает шумно играть в своей комнате. Кончается это каждый раз хорошей поркой и криком Римаса на всю квартиру.

Пятилетний мальчик обладает более высоким интеллектом и более долговременной памятью, чем наши соседи по эволюции – человекообразные обезьяны. Даже менее развитое существо – собака прекрасно и долго помнит, за что ее наказывали. В чем же дело с ребенком? Что у него, память отшибло? Или он не понимает, почему родители его шлепают? Отнюдь. Ребенок прекрасно понимает, что делает и чем это все кончится. Однако цель его несколько другая, как это может показаться родителям.

Ребенок чувствует себя сильным и значимым потому, что на протяжении долгого времени, наперекор желанию родителей он заставляет их заниматься им. Да и шлепок по попе – тоже победа. Ведь это доказательство того, что ребенок так же силен, как и его родители, которые оказались беспомощными, и при таком поведении ребенка у них остался единственный аргумент – физическая сила! Вот почему даже телное применение наказаний за неприемлемое поведение не приносит ожидаемых результатов. Чаше даже наоборот – ребенок все больше упрямится, делается вообще неразговорчивым. Родители тоже становятся все более напряженными, все сильнее ребенка, постоянно ругают его.

Образуется замкнутый круг: больше упрямства – больше наказаний, ограничений – еще ярче упрямство и т.д. Разгоревшаяся домашняя война вредна обеим сторонам: ребенок укореняет свое незрелое, ошибочное отношение к семье, неправильно самоутверждается, родители вообще изматываются в борьбе с невыносимым сыном или дочерью. Чем дальше, тем больше слабеют положительные эмоциональные связи. Надо сказать, что дети в подобной силовой борьбе очень быстро преуспевают и ведут войну с гораздо меньшими душевными затратами,

чем их родители. Дети улавливают те нюансы, которые очень быстро выводят родителей из терпения, и умело пользуются ими. Посудите сами.

В семье Р. мать очень щепетильно относится к порядку – все у нее должно находиться на своем месте. Все было бы хорошо, если бы не сын. Каждый раз, когда он приходит из школы, он сбрасывает ботинки с ног где попало. Мать, придя в коридор, видит примерно такую картину: посередине тщательно вымытого пола лежит грязный ботинок и он него расплывается в стороны лужа от только что оттаявшего снега. После этого, конечно, следует взволнованная тирада матери. Но на другой день она опять видит где попало брошенные ботинки сына.

Что от подобного поведения получает сын? Во-первых, ощущение своей силы и значимости. Во-вторых, постоянное внимание матери. И все это он получает, просто швырнув ногой ботинок... Силовая борьба указывает на уже серьезные нарушения внутрисемейных отношений. Однако дела могут сложиться еще хуже, если родители решили выбить подобные глупости из головы ребенка и начинают его последовательно наказывать и ограничивать. Перед лицом жестокой бескомпромиссности ребенок может сдаться, но это не идет на пользу ему и родителям, хотя внешне отношения в семье до определенного времени становятся как бы менее напряженными. Проиграв силовую борьбу, ребенок часто делает подобный вывод: Вы мне доказали, что я недостойн внимания, что я слабый и плохой. Вы сделали мен плохо, и я отомщу вам за это. Несомненно, что в такой семье отношения серьезно нарушены и ей срочно необходима профессиональная помощь.

В этой стадии нарушенных отношений, стадии мести ребенок выглядит с первого взгляда менее трудным, чем в предыдущей. Он смиряется с приказаниями родителей более легко, однако при этом проглядывает озлобленность и недовольство. Он не огрызается при каждом случае, однако изредка доставляет родителям реальные, большие и маленькие, неприятности.

Отец чрезвычайно занят – днем и ночью работает над дипломным чертежом. После непродолжительной прогулки, возвратившись утром домой, он видит картину, от которой у него захватывает дух – пятилетний сын стоит у чертежной доски с красным фломастером в руке, а весь чертеж разукрашен яркими цветными линиями юного художника.

... Девятилетний мальчик никогда не славился примерным поведением в школе, однако был вполне управляем, с ним можно было договориться. В последнее время он несколько раз дрался с друзьями, с приятелем удрал с уроков. На следующий день учительница, будучи в плохом настроении, сказала ему: Не нахожу с тобой общего языка. Но даю тебе возможность исправиться. Если до конца месяца ты будешь дисциплинированным, я ничего не скажу твоим родителям о том, что ты сбежал с уроков. Если нет, я буду вынуждена с ними серьезно поговорить. Вообще, твои родители не очень справляются со своими обязанностями, и я намереваюсь сообщить об этом на место их работы... В тот же день мальчик выбил окно в ремонтируемом помещении школы и наверняка сделал это нарочно.

Каждый ребенок изредка доставляет какие-то неприятности своим родителям из-за того, что он недостаточно понимает законы окружающего мира, правила поведения людей. Это естественно. Однако в вышеописанных случаях дело обстоит несколько иначе. Пятилетний ребенок хорошо знал, что нельзя притрагиваться к чертежам отца, а девятилетний предвидел, что учительница может выполнить свои угрозы. Все же в обоих случаях они поступили не так, как велит здравый смысл, а наоборот. Значит, что-то побуждало их поступить именно так. Это что-то – неосознаваемое желания ребенка причинить зло своим родителям, своеобразная месть, так как отдаем себе отчет в том, что имеем дело не с сознательно продуманным планом поведения в ущерб другому. Поступки детей вызваны импульсами, источник которых – неосознанное желание досадить родителям.

Поступая подобным образом, ребенок в результате еще больше отвергается родителями. Его плохость, испорченность для родителей и окружающих становится очевидной. Это ребенок, которого все время надо держать в ежовых рукавицах, иначе он сотворит неизвестно что. На самом деле выбранный ребенком путь лишний раз демонстрирует, как плохо он себя чувствует, как ему не хватает понимания и эмоционального тепла. Иногда кажется, что ребенок сам ведет себя в пропасть – каждый акт мести сурово карается, на ребенка начинают смотреть, как на маленького звереныша, он все больше теряет доверие и родительскую теплоту.

Поведение ребенка приобретает смысл: Я нехорош, но и вы тоже плохие. Вы поступаете со мной жестоко, и я с вами буду себя так вести. Все ведут себя так, чтобы причинить другому боль.

Конечно такая внутренняя позиция, раз укоренившись, в дальнейшем ведет ребенка к неоправданным, негуманистическим актам социального поведения. И все же она спасает самоуважение ребенка. Позиция вы хорошие – я плохой значительно мучительнее, чем позиция вы плохие – я плохой.

Я не нужен и нелюбим, оставьте меня в покое.

Когда ребенок мстит родителям, последние еще остаются для него значимыми людьми и ребенок в глубине души надеется, что вот они вдруг услышат его. увидят бурлящий котел его чувств и начнут любить его, заботиться о нем. Детская месть часто имеет скрытое содержание – посмотрите, как мне плохо. Это крик о помощи, обращенный к родителям, тем временем как полное безразличие, отгороженность от них указывает на еще большее психологическое расстояние между родителями и ребенком.

Когда ребенок полностью теряет веру в то, что кто-либо может его любить, что он сам чего-то стоит, он впадает в необычное состояние. Если представить его образно, то это маленький, невзрачный, но очень твердый грецкий орех: чтобы открыть его, требуется много усилий, да и открывать его не очень хочется, ведь внутри-то... Теряя чувство собственной значимости, ребенок стремится отгородиться от всего: от людей, от новых, казалось бы интересных занятий. Такие дети совершенно не прилагают никаких усилий, чтобы совершить что-то что бы внимание других, чтобы заслужить их похвалу. Наоборот, всем своим поведением, выражением лица они говорят: Оставьте меня в покое.

Если попытаться восстановить гипотетический путь развития подобной позиции, то можно увидеть ее внутренний смысл: Вы мне уже доказали, что я недостоин вашего внимания; что я недостаточно силен чтобы заставить вас заниматься мной; что я не могу поступать с вами жестоко, как вы со мной, – так оставьте меня в покое. Ребенок демонстрирует свою глупость, неуклюжесть, плохие привычки – все ради того, чтобы быстрее отпугнуть взрослого от себя. Наверное, и вам приходилось сталкиваться с подобными детьми. Когда вы пытаетесь помочь такому ребенку выучить уроки, он выглядит безнадежно глупым, не имеющим элементарных знаний. Вы ему что-то говорите, а он все время ерзает или же смотрит куда-то стеклянным взглядом. Вы начинаете беситься от своего бессилия и его бездарности. Оставьте его на время одного и очень вероятно, что он сам сможет сделать то, чему вы безуспешно старались его научить. Если дело обстоит именно так, очень возможно, что целью ребенка и было отпугнуть вас от себя.

Почему ребенок так странно ведет себя ведь ему же очень не хватает понимающего взрослого человека? Это верно. Но помните, что надежду на это ребенок давно потерял. Что он ожидает от взрослого? Наказаний, поучений, унижения, вообще еще большего ущемления и так ничтожного самоуважения, чувства собственного достоинства. Совершенно понятно, почему такой опыт ребенка побуждает его быстрее и навсегда избавиться от внимания взрослого.

Взрослый играет чрезвычайно важную роль в становлении ребенка, в процессе освоения знаний, норм поведения. Особенности взаимодействия растущего человека и взрослого имеют громадное значение в социализации ребенка. Отношение к взрослому, которое описано выше, конечно же, ведет ребенка вниз по ступеням социального развития. Вот почему не такая редкость встретить детей с нормальным интеллектом во вспомогательной школе. Путь их сюда часто обусловлен тем, что дети на ранних стадиях развития оказались обескураженными, а их стремление отгородиться посредством показной глупости было принято окружающими за умственную отсталость. Возвратите этим детям веру в себя и ощущение безопасности в окружении и они будут учиться в обычной школе не хуже других. В специальной литературе изредка публикуются сообщения о случаях, когда за интеллектуально неполноценных принимают одаренные дети, но отношения которых со взрослыми сложились крайне неблагоприятно. Интеллект становится малополезным, когда ребенок не знает для чего его использовать, или не видит в этом смысла.

Ребенок, живя в семье, накапливает большой опыт межличностных отношений. Он воспринимает, правильно или искаженно, как родители относятся

к нему - избегают его, недовольны им, признают его автономность или ущемляют ее, доброжелательно относятся к нему или нет. Со временем он осмысляет, любят его родители или нет, нужен ли он им, значим ли для них. Ребенок также формирует и свое отношение: любит ли он родителей такими, какие они есть, чувствует ли их эмоциональную отдаленность и стремится ее уменьшить, избегает ли он травмирующих отношений с родителями. Содержание его осмысления взаимоотношений с родителями проявляется в его высказываниях, поступках, настроениях.

Пристально вглядываясь в детей, можно распознать их внутренние позиции, установки. Критериями развития желательной позиции являются: а) выраженное переживание удовольствия от общения с близкими людьми; б) ощущение свободы, автономности при общении с родителями; в) уверенность в своих силах, самодостаточность; г) умение видеть свои недостатки и способность просить помощь у окружающих; д) способность разграничивать ошибку, плохой поступок и свою личность как нечто не сводящееся к отдельному акту поведения.

Определенным образом сложившиеся отношения могут помочь ребенку осознать, что он любим, и в то же время способствовать развитию пренебрежительного отношения к родителям и другим лицам. Такая позиция не благоприятствует приспособлению ребенка к более широкой социальной среде, мешает созданию нормальной атмосферы в семье. Чувство, что он нелюбим, может постепенно развиваться у ребенка вследствие эмоциональной холодности, авторитаризма родителей, их неспособности включить детей в общие дела семьи. Дефицит любви, внимания со стороны родителей вызывает у ребенка сильное желание приблизиться к отцу и матери. Сперва ребенок своим поведением провоцирует, чтобы родители обращали на него внимание. Если ему это не удается, ребенок стремится принудить родителей считаться с ним. В результате он включается в силовую борьбу, которая нагнетает в семье эмоциональное напряжение. Если отношения в семье и дальше не меняются и ребенок все больше удостоверяется в своей нелюбимости, он может прибегнуть к актам своеобразной детской мести. Полностью обескураженный, ребенок может осмыслить себя как нелюбимого, бездарного и стремиться полностью отгородиться от родителей, других взрослых.

Все эти изменения происходят не автоматически, а через осмысление происходящего ребенком. Они имеют свою логику, и помочь ребенку можно, лишь разобравшись, поняв, что происходит в чуткой детской душе, а не просто пресекая то поведение, которое нам не нравится.

РОДИТЕЛЬСКАЯ ЛЮБОВЬ: КАК РЕБЕНОК ЕЕ ВОСПРИНИМАЕТ

Начиная анализировать отношения в семье, мы сразу сталкиваемся с тем, как много в этой сфере барьеров и предрассудков. Один из них - родственник мифа о счастливом детстве - миф о всеобъемлющей самоотверженной и всегда имеющей место быть любви родителей к детям.

Является ли вообще любовь, и в частности родительская, чем-то точно определенным? В обыденном сознании, наверное, нет. так как люди подразумевают под нем, как правило, каждый свое. Пожалуй, в этом медвежья услуга и самых разнообразных поэтических образов. В наши дни любовь стала тем, на что намекают в сказке Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что.

Любовь действительно сложно определить (иначе чего же мучается армия поэтов и писателей?). Однако ребенку возвышенные, неземные чувства, проникновенные слова, тонкие эпитеты не нужны, ему требуется что-то вполне осязаемое, конкретное: повседневное отношение, позволяющее ему расти, чувствуя себя нужным и значимым для родителей. И еще ему крайне важно расти в ощущении безопасности.

Любителям научной точности можем предложить выводы исследовании психолога В. В. Столина: любовь как отношение сочетает в себе симпатию, близость и уважение. Такое понимание любви обогащает понимание родительской любви. Из него следует, что подобное отношение - не дар божий, а достоинство и творение, родителей и ребенка. Как и каждое творение, оно не падает с неба, к нему не причастны мистические силы, оно есть результат каждодневного общения и усилий понять друг друга.

Родительская любовь - двустороннее отношение и ее нельзя оценить с

одной точки зрения. Она предполагает двух участников – родителя и ребенка, которых связывают взаимопонимание, взаимоуважение, взаимная симпатия. Ребенок чувствует любовь родителя и родитель воспринимает себя любимым, любящим в том случае, если:

1. Родитель умеет доступно выражать свои чувства ребенку.
2. Ребенок соответственно понимает своего родителя
3. Родитель понимает внутреннее состояние ребенка и способен воспринять выражаемые ребенком чувств любви, привязанности.

99 из ста родителей, если их об этом спросить, уверенно скажут, что они любят своих детей. Еще бы – ведь это их долг, святая святых! Если продолжать их расспрашивать и осведомиться, в чем именно выражается их любовь, то в глазах собеседника вы увидите недоумение и почувствуете, что ваш вопрос как-то неуместен: Любовь – это любовь!!! Она везде, она проходит сквозь все, что мы делаем в семье, да и за ее пределами тоже. Разве не понятно?! Если все же настаивать на конкретизации, вы почувствуете, что на вас уже смотрят, как на чудака. Однако мне удалось получить несколько десятков ответов от людей, которые по наивности или по дружбе не усомнились в моем здравом уме и благих намерениях. Удивительно, сколь разнообразны способы выражения чувств, начиная с чтения сказок по вечерам и кончая прогулками за городом, рыбалкой. Родители и впрямь выражают свою любовь всевозможных ми, если даже отгородиться от тех случаев псевдолюбви, когда мать изо дня в день бьет ребенка ради его пользы и не пускает во двор, чтобы не попал под дурное влияние улицы.

Группируя ответы родителей, мы выделяем, что любящий родитель:

I. Заботится о ребенке.

II. Проводит с ребенком много времени.

III. Ласкает своего ребенка, выражает нежные чувства.

IV. Старается сделать ребенку приятное, дарит ему подарки.

Давайте проанализируем, как эти способы выражения любви воспринимаются детьми.

Любящий родитель заботится о ребенке

Ребенок приходит в мир беспомощным существом, и забота родителей о нем есть необходимейшее условие его выживания. С помощью взрослого ребенок учится и ходить, и говорить, и думать, и ориентироваться в окружающем его мире. Взрослый играет ведущую роль в становлении личности ребенка. Именно во взаимодействии с ним ребенок приобщается к опыту человечества, в результате чего его психика качественно преобразуется, приобретает человеческие особенности.

Все же когда родители говорят о заботе о своем ребенке, они имеют в виду вполне конкретные особенности отношения к нему. За этим кроются повседневные заботы, то, что обычно волнует родителей. Родители заботятся, чтобы их ребенок не был голодным, и готовят ему пищу, чтобы ему не было холодно – заботятся о соответствии его одежды и обуви погоде на улице. Родители заботятся о развитии ребенка – учат его, помогают ему, оберегают его и т. д.

Все эти заботы являются частью нашей жизни, и мы просто не замечаем, что забота заботе рознь. Более того, дети по-разному относятся к ней, и к тому же не обязательно положительно.

Забота как толкач. Мать старается свою восьмилетнюю дочку научить всяким делам, наукам и искусствам. Стремление, в сущности, хорошее, но оно не обязательно приводит к соответствующим результатам. Посмотрим почему.

Девочка по настоянию матери учится английскому языку, музыке – ходит в детский хор, а также занимается фигурным катанием. Мать то и дело говорит дочке: Я хочу не только того, чтобы у тебя была стройная талия, но что-бы ты умела вести себя в обществе и заняла в нем должное место, в каждой удобный момент мать твердит: Я все сделаю для тебя, стараюсь, чтобы тебе было только хорошо.

Девочка, любознательна, и способная, с радостью начала ходить на предложенные ей занятия и выполнять программу развития. Однако уже через непродолжительное время у девочки появились сомнения в целесообразности всего этого, возникло чувство протеста: Почему я должна учиться музыке и английскому, если все это мне вовсе не нравится? Я хотела, бы лучше заняться рисованием или больше времени играть во дворе с друзьями... Мама говорит,

что это все ради моего блага и что я должна радоваться таким возможностям. Но неужели все занятия, которые полезны, такие неинтересные?

Забота матери не воспринимается не что она перестаралась, перегрузила девочку разнообразными занятиями. Главное, что сама девочка не видит в них смысла, они для нее лишены привлекательности. Девочка поставлена в ситуацию конфликта. С одной стороны, ей не хочется огорчать мать, с другой – она не хочет заниматься всем тем, чем заботливая мать велит. Все это приводит к тому, что девочка начинает плохо спать, грызет ногти, все чаще у нее бывает плохое настроение.

Забота как охрана и опека. Мать и отец считают, что жизнь сложна и тяжела, а их ребенок – еще та беспомощен и наивен. Поэтому они оберегают его от возможных неприятностей, трудностей. Родители помогают семилетке с уроками: они звонят его друзьям если сын забывает, что задано на дом; проверяют, все ли он сложил в портфель, идя в школу. Родители заботливы. А как это влияет на мальчика? Если спросить учительницу, что она думает о мальчишке, она скажет: не самостоятелен, сдастся перед малейшими трудностями. Одноклассники добавят: мамин сыночек, всего боится.

Да и сам мальчик воспринимает такое отношение родителей не как проявление любви, а скорее как назойливое вмешательство в его жизнь.

Со временем ребенок все сильнее протестует против наставничества родителей, избегает общения с ними.

Описанные два варианта – забота как толкач и забота как охрана и опека – представляю чрезмерной заботы. Хотя внешне все выглядит нормально, мы имеем дело с выраженным непониманием родителями внутреннего мира ребенка. Такое отношение не помогает развитию детей, а, наоборот, искажает его, препятствует ему. В глубине такого | ношения лежит непризнание автономности ребенка, недоверие или навязывание ему своих решений, желаний.

В обоих случаях родители больше обеспокоены выполнением роли идеального родителя, чем своим реальным ребенком, его уникальной личностью, его потребностями – реальными, а не воображаемыми. Что можно было бы посоветовать таким родителям? Прежде всего, более четко отнестись к нуждам своего ребенка и внимательно присмотреться, к чему именно он сам стремится. Ребенок – автономная личность, имеющая право на собственные решения, предпочтения, а не кукла, из которой родителям нужно сделать настоящего человека.

Ребенок сам творит себя, нравится нам это или нет. Ему необходимо самому испробовать, что он может, а что нет, самому найти путь, по которому идти. Этот путь, конечно, не без ошибок, но разве человек может научиться ходить, не набив селё шишек? Проблемы, трудности, которые встречаются у него на пути, – это его проблемы, а не родителей и он сам должен научиться с ними справляться. Конечно, родителям хочется помочь, их помощь иногда просто необходима. Однако больше пользы от нее будет в том случае, если трудности, проблемы не устранять, предугадывая, а показать, подсказать ребенку возможные варианты их решения. В одной из писем мать пишет, что если бы она могла, то все камушки убрала бы с дороги своего сына и на его пути положила бы подушки, чтобы он не ушибся, когда будет падать. Чувства матери, ее желание, чтобы у ребенка все было хорошо, понятны. Однако наша тревога за ребенка – это наша проблема, и иногда просто необходимо совладать с подобным чувством.

Перед ребенком стоит трудная задача – учиться преодолевать возникающие перед ним сложности, препятствия, чувствовать веру в свои силы. По сути дела, родители, взваливающие на свои плечи заботу обо всем на свете, тем самым ведут себя просто безответственно: физически невозможно всегда и повсеместно сопровождать и опекать своего сына или дочь, а прочно привязав из излишней заботливостью к себе, они заведомо обрекают своих детей на серию серьезных жизненных неудач.

Ребенок воспринимает заботу родителей по-разному: иногда как проявление любви, а иногда как помеху и подавление. Многочисленные исследования психологов показывают, что для гармоничного развития ему необходим определенный баланс заботы, опеки и свободы, автономии начиная уже с раннего возраста. Это реализуется в так называемом демократическом отношении к ребенку. Он должен не только ощущать теплые чувства со стороны родителей, видеть их заботу о нем, но и воспринимать, что родители одобряют его независимость, предоставляют ему возможность выбора и поощряют его

самостоятельность, самоопределение, то есть понимают и уважают его.

Анкетировав родителей, мы пришли к выводу, что большинство из них считают демократический стиль самым приемлемым и думают, что сами придерживаются его. Однако одно дело так рассуждать, а другое – соответственно поступать. Чтобы реально осуществить такое отношение, с самого начала необходимо отличать наши устремления от желаний ребенка. Не так редко получается, что нужное и полезное с точки зрения родителей кажется непривлекательным для ребенка. Почти всегда, когда мнения расходятся, мы пытаемся убедить ребенка, повлиять на него, рассуждая примерно так: У меня громадный жизненный опыт, а что понимает он? Это оправданно, когда дело касается норм человеческого бытия, здорового образа жизни и т.п. Но значительно чаще мы пытаемся переубедить ребенка в том, что относится к его личностному выбору, который, если быть беспристрастным, не хуже и не лучше нашего – он просто нам не нравится. Сын дружит во дворе с мальчиком, который нам не нравится, вместо выбранной нами скрипки ребенку больше нравится футбол, по нашему мнению, полезным бобам ребенок предпочитает булку и т.д. и т.п. Родители часто бывают настолько убеждены в правоте своих установок, что прибегают для их обоснования к научным и псевдонаучным аргументам, никак не замечая противоречащей им реальности.

Вообразим на минутку разговор с подобными родителями, точно знающими, что надо их ребенку, выбирающими за него, окутывающими его ненужной заботой.

Психолог. Скажите пожалуйста, есть ли у вас друг, знакомый, которого вы уважаете, считаете ценным человеком?

Родитель. Да, и, пожалуй, не один.

Психолог. И все они похожи на вас как личности? Похожи ли они друг на друга?

Родитель. Пожалуй, нет, может, в чем-то. Часто их взгляды отличаются от моих. В общем, они довольно разные люди.

Психолог. Кто из них наиболее ценен, как человек?

Родитель. Извините, но этот вопрос мне кажется глупым. Все они люди, все они ценны, но каждый по-своему. Каждый из них нашел свой стиль жизни, общения. Нельзя подходить одинаково к каждому человеку.

Психолог. Я рад этому вашему заключению. Ну а как же быть с вашим ребенком? Откуда вы заранее знаете, каким он должен быть, что он должен делать, от чего его надо отстранять и оберегать?

Главный аспект демократического отношения – это признание, что вкусы, мысли, суждения другого человека также имеют право на существование, как и наши собственные. Более того, для другого человека они и обоснованы, так как опираются на его, а не на наш личный опыт, осмысление мира. При таком понимании другого возможна и истинно демократическая позиция по отношению к выбору, самоопределению ребенка: Хотя это мне и нравится, я рад, что ты смог выбрать то, что нравится тебе, что ты поступаешь так, как сам считаешь правильным. Я знаю, что ты встретишься с трудностями, но ты сам должен уметь их предвидеть, справиться с ними. Если ты захочешь, я помогу тебе.

Помощь наиболее эффективна и приносит чувство обоюдного удовлетворения, когда она действительно необходима, когда ребенок сам ее просит. Парадоксально, что часто мы не слышим именно такой просьбы, обходим ее стороной, но зато охотно предлагаем псевдопомощь, которая вовсе не нужна, унижает человека, и при этом еще рассчитываем на благодарность. Обратимся к одному примеру.

Мальчик 9 лет учится играть на флейте. Мать слышит, будучи на кухне, что он неправильно играет упражнение. Она идет к нему и говорит: Ты неправильно играешь. Давай я тебе покажу, как надо, и помогу выучить упражнение. Сын говорит, что он играет правильно и сам выучит. Однако мать садится рядом с мальчиком и каждый раз, когда он делает ошибку, исправляет ее. Сценка кончается тем, что мальчик начинает злиться, потом вообще теряет самообладание и плачет. Мать в растерянности: ведь она хотела помочь! Что тут такого, если указать ребенку на ошибки?! Она безуспешно пытается успокоить сына. В конце концов мать теряет терпение и, уходя из комнаты, говорит: Тебя никогда ничему невозможно научить! Ну и играй себе как хочешь!

Ситуация окончилась обоюдным раздражением, ребенок остался обескураженным, униженным, с поколебленной верой в свои силы. Такова плата за ненужное вмешательство.

В качестве комплимента матери можно сказать, что из этого она вынесла урок. Посмотрите, что происходило несколько дней спустя.

Мать, слыша ошибки сына в упражнениях, спустя какое-то время вошла в его комнату и сказала: Какие у тебя сегодня сложные упражнения! Если тебе нужно будет что-нибудь показать или объяснить, позови меня. Находясь в смежной комнате она слыша еще несколько раз повторил упражнение с ошибками-он слышит, что что-то не так, но иначе сыграть не может. Наконец зовет маму и она приходит и спрашивает, какая помощь ему нужна Мальчик говорит, что ему не ясен ритм. Мама, хлопая в ладоши. показывает ритм, и мальчик быстро понимает, в чем ошибка. Мама уходит через несколько минут слышит радостный возглас сына Мама получается! Выучил!

В этом случае оба остались довольны другом и собой. Мальчик смог сам справиться с трудной задачей, мать рада, что неназойливо помогла ребенку, рада его успеху. Это большое вознаграждение за веру в силу и самостоятельность другого человека.

Каждый человек, а особенно ребенок, имеет колоссальные возможности развития. К тому же он склонен совершенствовать себя, свое отношение к миру. Самый легкий способ помешать ему в этом - не верить в его силу и мудрость, обходиться с ним, как с куском глины для лепки воображаемых образов или как с экзотическим цветком, предвосхищая, что он погибнет от первого дуновения северного ветра. И в том и в другом случае, несмотря на благие намерения, ваша забота будет воспринята не как любовь, а скорее как препятствие и помеха.

ЛЮБЯЩИЙ РОДИТЕЛЬ ПРОВОДИТ С РЕБЕНКОМ МНОГО ВРЕМЕНИ

Сколько времени уделяете ребенку?-этот вопрос вы наверняка встречали в анкетах для родителей. Необходимо больше быть с детьми, - пишут в многочисленных педагогических статьях и говорят в публичных лекциях. Однако, если спросить ребенка сколько времени в воскресенье он провел с мамой или папой, он вряд ли будет точен. Зато подробно расскажет, что именно он делал с родителями и было ли ему это приятно: Мы ходили в Луна-парк, а затем зашли в кафе, ели мороженное. Мне так понравилось летать в папой в самолете.... Ребенку важно не количество проведенного с ним времени, а как оно проведено. Иногда десять МИНУТ проведенные в сердечной беседе (в психологическом смысле слова), для ребенка значат гораздо больше чем целый день, проведенный с вами вместе, но когда вы, сдерживая зевоту, просто присутствовали в его играх.

Часть времени дошкольник и младший школьник проводят, играя сами с собой, с друзьями, в детском саду или школе, занимаясь рисованием, конструированием, чтением и т. д. Но кроме всего этого ему необходимо общаться с вами.

Ребенок до трех лет очень чувствует ваше присутствие в том пространстве, где пребывает он сам. Иногда кажется, что ребенку все равно, чем занят родитель, лишь бы он был рядом. В этот период жизни взрослый, находясь рядом с ребенком, создает у него необходимое чувство безопасности.

Обратимся к экспериментальным исследованиям известного американского ученого Г. Ф. Харлоу с нашими ближайшими родственниками - обезьянами. Когда перед детенышами макаки ставили механически двигающегося и бьющего в барабан медвежонка, то они в ужасе убегали и прятались где-нибудь в уголке комнаты. Однако если вблизи находилась мать, то они быстро ее находили, прижимались к ней и сразу успокаивались, начинали рассматривать неизвестный, наводящий ужас предмет, потом потихоньку приближались к нему, прикасались, изучали его.

Детеныши пересиливали себя, потому что ощущали себя более безопасно из-за присутствия матери. В такой же ситуации обезьянки без матери надолго замирали в уголке, отказываясь от исследования неизвестного.

Этот эксперимент я вспоминаю каждый раз, когда вижу подобные сценки: мать с трехлетним ребенком приходит в гости к подруге. Кажется, что никакая сила не способна оторвать ребенка от платья матери - так крепко он в него вцепился. Однако проходит некоторое время, и малыш начинает вылеты с авианосца-матери, постоянно возвращаясь обратно. Еще немного - и малыш совсем свободно чувствует себя в новой обстановке, иногда приходится даже умирять его.

Ребенку более старшего возраста необходимо не просто близкое

присутствие взрослого, а искреннее общение с родителями как личности с личностью. Он хочет переживать чувство общности с ними, принадлежности к семье, стремится к тому, чтобы его уважали, считались с ним, с его мнением. И здесь особенно важно как именно проводить с сыном или дочерью время. Не сколько времени вы пробыли с ребенком, а что и как делали вместе, имеет решающее значение.

Поясним это примером, который каждый из вас может видеть довольно часто.

Мать и ребенок утром идут в детский сад. Мать что-то говорит ребенок отвечает, сам спрашивает о чем-то. Только десять минут а у обоих впечатление хорошо проведенного времени, ощущение общности, которое так хочется повторить. Другая пара - мать тащит за руку неохотно идущего малыша. Оба идут молча. Мать мысленно уже на работе, малыш - в не так привлекательном детском саду. Они не общаются, они просто рядом.

Жизнь настолько напряженна, что у меня не хватает времени заниматься с ребенком, - часто говорят родители. Разрешите не поверить. В сущности, какого-то специального времени для этого не надо. Достаточно и тех промежутков времени, когда вы дома, субботы и воскресенья. При этом совсем не обязательно, чтобы каждую свободную минуту вы чем-то занимались с ребенком играли, рассказывали. Не надо мучиться мыслью, что вы уделяете ему недостаточно времени.

У каждого человека периодически возникает состояние, когда часами, днями он не хочет ни с кем говорить, общаться, чувствует усталость, раздражение и хочет остаться наедине с самим собой. И вы в этом отношении не исключение. Лучше такие часы пережить с самим собой, чем принуждать себя к необходимому общению с ребенком. Если вы в таком состоянии вышли погулять с ребенком, ему вряд ли удастся даже сердечными рассказами привлечь к себе внимание - вы весь в себе. Что проку от такого общения. Зачем тогда тратить время? Это неразумно и неэкономно с вашей стороны. Играйте, гуляйте с ребенком действительно настроены общаться с ним. Время, проведенное с сыном или дочерью только по родительскому долгу, мало приносит радости обоим.

Иногда родителям бывает трудно сообразить, о чем говорить с ребенком, чем заняться с ним. Если вы уделите ему внимание искренне, то можете не волноваться, он сам за вас решит эту проблему. Чего-чего, а выдумки, оригинальности в этом деле детям не занимать. Не мешайте им, и вы быстро очутитесь втянутыми в разнообразнейшие мероприятия.

Начнем с разговора, как с самой привычной формы общения взрослых. Дети вообще очень интересуются своими родителями, им хочется узнать, что вы делаете, когда не бываете с ними, о чем говорите с другими, где работаете и с какими трудностями сталкиваетесь. Если будете слушать и отвечать, вас просто погрузят в море вопросов о том, как устроен автомобиль, откуда появляются дети, почему зимой холодно, а летом жарко. Вам, наверное, тоже станет интересно, что делает ребенок в садике, в школе, с кем он дружит, что его волнует, что он думает о жизни. Уверен, что вы узнаете много нового друг от друга, почувствуете, что стали ближе друг другу. Больше разговоров дети любят дела. Вы собрались чем-то заняться вместе с ребенком. Чем и как? Возможно несколько вариантов.

1. Вы предлагаете ребенку подключиться к выбранному вами занятию. Например, берете его с собой на рыбалку, в поход, в мастерскую, приглашаете (но не настаиваете!) присоединиться к уборке квартиры, приготовлению пищи и т. п. Участвуя в ваших делах, ребенок познает мир и занятия взрослых. Если вы сумели найти общий язык с ребенком, согласовать действия, даже самая тяжелая работа ему станет большим удовольствием. Главное - не задавить ребенка своим авторитетом, опытом, мудростью, оставить ему место для инициативы, творчества, возможности ошибаться. Последнее особенно важно, так как упреки, если он что-то делает не так, как надо, сразу отнимают у ребенка желание заниматься сообща с вами. Конечно, трудно удержаться от наставничества. Однако вам незачем волноваться из-за несовершенства своего ребенка. Во-первых, он растет и развивается, учится на своих ошибках сам. Во-вторых, если он был бы безупречным, он не был бы вашим ребенком (вы-то, наверное, не считаете себя совершенством?)

2. Вы вместе с ребенком решаете, что делать, сообща придумываете

интересное занятие. Тут главное, чтобы выбор был в равной мере предпочтителен для обоих, иначе один из вас будет чувствовать, что делает что-то другого, хотя намеревался и сам лично получить удовольствие от выбранной деятельности. Принятие решения должно быть демократично от начала до конца. Это непростое дело! Дети да и вы тоже должны научиться находить общее решение без ущерба кому-либо.

Варианты совместных дел могут быть самые разнообразные: от прогулки на лодке до разыгрывания спектакля в домашнем кукольном театре. Для многих семей выбор общего занятия становится истинным откровением, ориентиром, как общаться, как проводить время вместе. Считаю, что, скажем, еженедельный совет семьи по вопросу, что делать в воскресенье, улучшает жизнь семьи вообще.

3. Вы подключаетесь к детской деятельности. Например, принимаете роль игрового партнера ребенка. В этом случае вы подчинены ему в логике самой игры. На время вы не руководитель, авторитет, родитель, а равноправный участник игры.

Если первые два варианта мы достаточно часто встречали в семейной жизни, то о третьем этого не скажем. До недавнего времени детская игра вообще считалась чепухой, на нее мало обращали внимания как родители, так и педагоги: Это детская забава, пусть они ею и занимаются. Только в середине нашего столетия психологи стали изучать игру и рассматривать ее как в фактор психического развития ребенка. Теперь мы знаем, что игра в жизни детей имеет столь же большое значение, как во взрослой жизни – общение, творческая работа. Игра – это детский способ осмысления окружающего его мира, включения в мир взрослых и имеет все права на уважение. Играть с ребенком – это не значит стать маленьким, забавляться. Кроме удовольствия от совместной игры вы ясно поймете, чем занимается ваш сын или дочь, что их волнует.

Итак, вообразим, что вы решили попробовать. Получили роль шофера, везете детей – кукол дочери – в детский сад или в зоопарк, потом идете в гости, путешествуете по реке. Изнутри детская игра кажется значительно серьезнее, глубже. В ней разворачиваются настоящие жизненные драмы, решаются проблемы. Она, увидите, имеет глубокий смысл, о котором мы часто и не подозреваем. Поэтому совместная игра – это один из лучших способов узнать, что волнует ребенка, как он воспринимает окружающих людей, в том и вас.

Попробуйте хотя бы так. Поиграйте в семью. Возьмите себе роль ребенка, а ребенок пусть будет отцом или матерью. Хотя фантазия ребенка чрезвычайно богата, то, во что он обычно играет, мало выходит за рамки опыта, полученного в семье. Прислушайтесь, что он (она) говорит, будучи родителем, как обращается с ребенком – ласково, сердито, грубо или низойливо и вы увидите себя в зеркале своего наследника. Уверен, что многое вас удивит и заставит задуматься. Кроме этой личной выгоды в игре у вас есть прекрасная возможность показать ребенку, что вы сами чувствуете, общаясь с ним, какое его поведение вас будоражит. Вы даже можете несколько скорректировать поведение ребенка во время подобной игры. Например, что-то в его поведении вас выводит из терпения. Скажем, по утрам, когда нужно спешить, хотя вы заранее договорились, как будете действовать, ребенок пренебрегает этим и начинает по разным поводам капризничать. Вечером сыграйте его поведение как можно образнее, пусть он сам в роли отца или матери попробует справиться с этой ситуацией. Может быть, ребенок в игре, в спокойном состоянии иначе посмотрит на свое поведение и поймет, почему родители не слишком вежливо обходятся с ним при таких обстоятельствах.

Однако чрезмерно увлекаться подобными примерами психологической коррекции не следует – ребенку вы можете стать непривлекательным партнером. В первую очередь игра – это обоюдное удовольствие. И не забывайте, что в игре лидер и авторитет – ребенок, а вы – робкий ученик. Не переступайте границ своих полномочий.

Все три варианта общения с ребенком имеют свои положительные стороны. Каждый из них желателен или даже необходим для полноценного общения. Когда вы включаете ребенка в свою деятельность, он приобщается к миру взрослых, чувствует свою значимость, научается придерживаться определенных норм поведения не потому, что вы так велите, а потому, что таковы требования самой деятельности. В другом варианте, когда вы сообща решаете, что делать, ребенок научается демократическому общению: способам, как выбрать то, что всем, а не ему одному, нравится. Он учится общаться на равных. В третьем

случае, когда вы включаетесь в детскую деятельность, вы сами учитесь понимать ребенка, а ребенок от совместных игр, где он играет первую скрипку, получает чувство собственной значимости, повышается его самооценка и возникает чувство партнерства с родителями.

И главное. Во всех случаях, если ребенок получает удовольствие от совместного общения, он чувствует, что вы его любите, и сам начинает испытывать к вам более теплые чувства.

ЛЮБЯЩИЙ РОДИТЕЛЬ ЛАСКАЕТ СВОЕГО РЕБЕНКА. ВЫРАЖАЕТ НЕЖНЫЕ ЧУВСТВА

Некоторые родители считают, что откровенно выражать свои чувства ребенку, ласкать его – это значит чересчур баловать его, воспитывать неженку. Возможно, что-то подобное и еще похуже случилось бы, если вокруг ребенка целыми днями звучало: Ах, ты мой прекрасенький! Любименький! Ты свет моих очей, единственная радость в жизни! Конечно, это излишки! к тому же так обильно выражаемые чувства неискренни, неоправданны, преувеличены. Но об этом – другой разговор. Прямое, чистосердечное проявление своих чувств просто необходимо для полного эмоционального развития ребенка.

Любящая женщина вряд ли поверит глубине и искренности чувств мужчины, пока он не скажет: Я вас люблю. Она не будет уверена в постоянстве его отношения, если хотя бы изредка не будет получать знаков внимания: цветов, безделушек, если долгое время опять не услышит трех волшебных слов. Возможно, это не слишком удачные сравнения, но ребенок ждет от вас чего-то подобного. Почти каждому ребенку время от времени хочется узнать, как родители к нему относятся, получить словесное подтверждение, что он любим. Нередко дети прямо спрашивают об этом: Любишь ли ты меня? При этом они сами охотно восклицают: Мамочка, как я тебя люблю!

Мы часто не обращаем внимания на изречения подобного рода, считая их просто милыми проявлениями детского возраста. Однако ребенок вкладывает в них глубокий смысл. Если он спрашивает о любви или сам говорит о ней, значит, он это и имеет в виду.

Почему для него это важно? Надо сказать, что потребность понимать отношение к себе человека, с которым общаешься, имеется у человека любого возраста. Как взрослому или подростку, так и маленькому ребенку это необходимо, чтобы чувствовать себя уверенным, в безопасности, общаясь с другими. Иными словами, уверенность в постоянстве отношений, в безоговорочной любви создает у человека чувство, что он принимается другим человеком таким, каков он есть, с ми чудачествами, недостатками и достоинствами.

Это чувство – ценнейшее достояние, основа принятия человеком самого себя, формирования чувства идентичности с самим собой и, кроме того, фундамент для роста человека. Ты мне нравишься, ты мне дорог такой, какой ты есть – эти слова бесценны и для большого, и для маленького. Это не значит что делает другой, нравится, одобряется. Оценка отдельных поступков может и должна быть очень критичной. Например, ребенок ворует вещи отца или врет, что ходит на занятия музыкой, а в это время на самом деле прогуливается в парке. Конечно, такое поведение нам не понравится, мы будем осуждать его. Но значит ли это, что если нам претит поступок ребенка, то и сам ребенок станет неприятным? Значит ли это, что мы перестанем его любить?

Если мы любим ребенка, то есть наше положительное отношение к нему постоянно, оно таким и останется, даже если ребенок будет поступать плохо. Вера в ребенка, принятие его таким, какой он есть, означает признание его права на ошибку, а также возможность ее исправления, приобретения более приемлемых форм поведения. Таким образом, безоговорочное, неизменное отношение любви – это основа, опираясь на которую ребенок, будь он дошкольником или подростком, может экспериментировать, строить свое поведение.

Чувство любви, принятие себя родителями – важнейший ориентир для ребенка в непростом мире человеческих отношений вообще. Это важно всегда, но особенно – в подростковом возрасте. Подросток сам пробует структурировать свои отношения с другими людьми, осознать, осмыслить, что происходит вокруг него, и найти, определить свою жизненную позицию. К сожалению, именно о этом возрасте поведение подростка часто родителям кажется настолько глупым или таким несносным, вызывающим, дерзким, нахальным (десятки эпитетов, один пуще

другого, можно найти в газетах или услышать от самих родителей), что под критику, осуждение попадает сама личность подростка.

То, как он ведет себя, полностью отождествляется с ним самим: его плохостью, дерзостью, никчемностью или нахальностью. Эти прекрасные эпитеты преподносятся как его сущность. Дело даже не в том, что подросток унижается и оскорбляется. Я думаю, что наиболее скверное в этом то, что оценка личности вместе с оценки поведения путает самого подростка, выбивает у него основу для различения, осмысления своего поведения и, поведения других и осмысления себя как личности. Путаница понятий какой я, к чему я стремлюсь, чего хочу и что я делаю, как это влияет на других людей может привести к так называемому кризису идентичности. Сущность его можно выразить следующим образом: Я не знаю, кто я, какой я, я весь – клубок сомнений. В дальнейшем это порождает серьезные психологические проблемы, решение которых возможно только с помощью психотерапевта, психолога.

Родители во многом помогли бы своим детям в сложные и ответственные периоды их жизни, если бы поняли, что чем труднее что-то дается ребенку, тем больше ему нужны поддержка, вера родителей в него, и неизменное теплое отношение. Важно, чтобы ребенок с самого начала не просто подразумевал, смутно чувствовал это, а точно знал, что он любим. Поэтому вопрос «Любишь ли ты меня?» подразумевает не только любознательность. Он может отражать, с одной стороны, сомнение, смятение ребенка насчет самого себя, даже неприятие себя, с другой – его страх: не будет ли он отвергнут родителями, не означает ли критика его поведения, что он вообще перестал быть дорогим для них.

В подобной ситуации не надо бояться выразить свои добрые чувства, ребенок должен ясно знать о них так же, как знает о вашем недовольстве им, неодобрении какого-то его поступка.

Для маленького ребенка – дошкольника, младшего школьника – подтверждение того, что он любим, особенно важно, если в его жизни возникают или намечаются изменения, например разлука. Даже когда вы уходите на недолгое время, скажем в театр, ребенок чувствует себя спокойнее, когда знает приблизительно время вашего возвращения и что вы принесете для него гостинец – символ вашего доброго отношения. А представьте, что расстаться приходится на месяц и это связано с болезненными, неприятными ощущениями: ребенок ложится в больницу. Просто сердце сжимается когда слышишь в палате монолог ребенка: Я попал в больницу, потому что был плохой и не слушался маму. Я теперь всегда буду ее слушаться. Я больше не хочу быть здесь, отпустите меня домой! Многими экспериментами доказано, что дети лучше переносят отрыв от семьи и само лечение, если ясно осознают, что попали больницу из-за необходимости лечиться и что эта разлука не означает, что родители их бросили, забыли или недовольны ими.

Вот один из примеров

Вся семья уже почти месяц нервничает из-за поведения младшего ребенка – девочки пяти лет. Каждый раз, если ей что-нибудь ее нравится, она начинает громко кричать, плакать, топтать ногами. Ни успокоить, ни как-то образумить ее невозможно, не действуют и соглашения с ней. Родители решают поступить следующим образом: когда попытки успокоить девочку не удаются, девочка продолжает плакать, родители говорят, что, если она хочет выплакаться, она может это делать, однако они не хотят слушать ее плач, так как он раздражает их, и закрывают дверь своей комнаты.

Но у родителей возникает сомнение: не будет ли девочка чувствовать себя покинутой, отвергнутой или. После того как она успокоилась, мама ласково говорит: Ты знаешь, я тебя очень люблю. Мы закрыли дверь только потому, что нам было неприятно слышать твой плач. На лице ребенка вдруг появляется задумчивое выражение: А что, папа тоже меня любит? Неужели и брат меня любит, я ведь не даю ему спокойно спать? Он мне подарил книжку, значит, он меня любит? Через несколько дней девочка становится более спокойной, плачет меньше, больше говорит, участвует в семейных делах.

Теперь несколько слов о формах выражения теплых чувств. Существуют два способа – вербальный и невербальный. О вербальной передаче чувств мы говорили: это словесные выражения. Однако, общаясь с детьми, важно помнить, что некоторые слова имеют для них особенное, символическое и даже магическое значение. Вы прекрасно знаете некоторые из них: абракадабра, чик-трак (открываются двери в игре) и т.д. Это обусловлено их своеобразным видением

мира. Так и со словами о чувствах. Если уж вы сказали чик-трак - двери откроются, если же вы сказали ребенку: Не люблю тебя, потому что ты сделал то и то... - ребенок и впрямь поверит, что вы охладели к нему. И наоборот, ваши слова о теплых чувствах к нему, даже те из них, которых вы и не замечаете, - целебный эликсир для чем-то взволнованной души ребенка.

Дети способны прямо говорить о своих чувствах к вам и ожидают от вас того же. Иногда при обращении к вам они пользуются где-то услышанными поэтическими выражениями, потому что думают, что как раз так и следует говорить. В такой ситуации вы тоже можете попробовать ответить несколько возвышенно, поэтически и увидите, что ребенок принимает это вполне серьезно: именно такие слова, по его мнению, выражают истинное чувство. Прозаический ответ в такой момент их просто не удовлетворяет. Это можно наблюдать хотя бы в следующей ситуации.

По пути из детского сада дочка вдруг говорит маме: Ты самая хорошая, самая красивая во всем мире, моя милая, милая мамочка. Оказывается, они учили стихотворение в подобных выражениях. Для мамы они звучат странно, даже смешно. А я тебе самая милая во всем мире, да? Мама соглашается, не придавая этому большого значения. Спустя некоторое время мама сшила дочке куртку. Мама довольна своей работой, но очень удивлена, что дочь совсем не радуется новой куртке. Мне она не нравится, я ее выброшу, - говорит дочь, отказываясь примерить ее. Мама сердится. Вся семья начинает уговаривать ее примерить, уверяя, что куртка красивая. Но ничего не действует: девочка отказывается носить куртку.

На другой день мама решает попробовать следующее: Ты знаешь, ведь я сшила эту куртку специально для тебя. Для тебя одной, единственной во всем мире, только для тебя. Я так старалась. Возможно, вышло и не так, как бы ты хотела. Девочка смотрит на маму, молча берет куртку, одевается и говорит: Мне она очень нравится, я ее буду носить всю жизнь, пока не придется ее стирать. Самая-самая во всем мире - часто встречается в речи детей-дошкольников. Нам смешно такое сравнение, ведь мы прекрасно знаем, что много людей и умнее и красивее, и добрее нас. Но это по нашим масштабам. А для ребенка весь мир - это всего-навсего его дом, двор, улица, детский сад. В этом мире вы, возможно, действительно самые-самые...

Невербальным способом мы выражаем свои чувства без слов: жестами, прикосновениями, мимикой. Вы прекрасно знаете, насколько важна эта невербальная теплота, любовь младенцу: вы его ласкаете, носите на руках, баюкаете, гладите и т.п. Опять же, обратившись к экспериментальным данным, получаем достоверное доказательство, что в возрасте до трех лет физический контакт с матерью необходим не только для эмоционального, но и для умственного развития ребенка.

Многие считают, что чем ребенок старше, тем меньше ему нужен физический контакт. Он уже вырос, не садится на колени, не прижимается ко мне, - одна мать говорит это с досадой, а другая с явной гордостью. Действительно, смешно смотреть на десятилетку, сидящего у мамы на коленях. Но ведь кроме этой популярной формы физического контакта есть и множество других, скажем объятие, дружеское похлопывание, пожатие руки. Кроме того, мы имеем богатейший арсенал мимических средств выражения теплых чувств: контакт глаз, улыбка. Часто мы улыбаемся своему ребенку? Некоторые родители так и поступают только тогда, когда он их смешит. Но ведь улыбкой можно и подбодрить его, и просто выразить радость встречи, удовлетворение каким-то его поступком. Эти ежедневные проявления теплоты - незаметная, но очень важная поддержка ребенка, дающая ему ощущение, что он желаем, нужен, любим.

О ПОДАРКАХ

Родители хотят сделать приятное. Они чувствуют, что посредством подарков выражают и свою любовь. Однако не всегда форма их преподнесения, психологический контекст соответствуют благим намерениям. Подарки детям часто приобретают совсем иной смысл, чем вкладывают в него родителями. Зайдите в Детский мир вслед за отцом и сыном и посмотрите, как они озираются, щупают игрушки на полках. Отец заранее рад, что сделает ребенку приятное, обрадует его. Четырехлетний малыш вдруг что-то увидел и изо всех сил потянул папу за собой: Папа, купи мне вон ту красную машину. Отец после детального ознакомления с изделием деловито отвечает: Сынок... Она не совсем

подходит. Грубо сделана, быстро поломается. Лучше я тебе куплю другую. Она дороже, но зато приятно смотреть! Покупка состоялась. Отец с гордостью вручает машину сыну, но на лице мальчика не искренняя радость, которая только что светилась, а лишь смущение. Тайком он смотрит то на понравившуюся красную машину, то на купленный подарок. Что же ты не благодаришь меня сыночек? – спрашивает отец.

Ребенок поддался давлению отца, но купленная машина от этого не стала для него привлекательной, она не имеет для него той ценности, как та, которую он выбрал сам. Хорошие намерения отца не достигли адресата, так как он забыл, кому делает удовольствие – себе или сыну и чей выбор, следовательно, важнее. Если уж вы решили сделать приятное ребенку, удержите себя от чрезмерной мудрости, которая в таких ситуациях часто превращается в пренебрежение интересами маленького, не столь эрудированного человечка. К тому же, могу вас уверить, ребенок сам прекрасно знает, чего именно не хватает ему для игр, и выбирает не то, что есть наилучшего в продаже, а то, что необходимо для разыгрываемых им сюжетов, то, что соответствует его интересам.

Вышеописанный пример – небольшое недоразумение между отцом и сыном. Однако в некоторых семьях существуют определенные традиции преподнесения подарков, которые приносят ребенку больше негативных переживаний, чем удовольствия.

Подарок, как средство контроля. День подарков – это, конечно, Новый год. Деде Мороз приносит подарки всем детям, маленьким и большим. Но не всем детям предновогодние дни одинаково веселы, не для всех и сам подарок приносит одинаковую долю счастья. И дело тут не столько в самом подарке, как может показаться с первого взгляда. Среди родителей достаточно широко распространилось такое воспитательное средство. В течение нескольких последних недель перед Новым годом ребенок постоянно слышит: Если будешь себя так плохо вести. Дед Мороз не принесет тебе подарков. Ребенок верит вам, и этот промежуток времени до праздника часто становится для него очень напряженным: А если не получу подарка? Ведь было так, что я поступал плохо... Неужели я такой плохой, что даже Дед Мороз обойдет меня стороной?

В детском саду однажды пришлось наблюдать сценку.

Дед Мороз из большого мешка один за другим тянул подарки детям (подарки были заранее куплены родителями). Кому досталась машинка, кому – конструктор, кукла... А одному мальчику – лишь плитка шоколада. После праздника дети единогласно заключили: У тебя самый плохой подарок потому, что ты не слушаешься. Ты плохой!

Потом случайно удалось узнать, что родители преднамеренно устроили такую ситуацию в воспитательных целях.

Поведение этого мальчика действительно не было блестящим. Однако после подобного воздействия оно вряд ли станет лучше. Публичное доказательство плохости может привести к ущемлению собственного достоинства и потере веры в свои силы, то есть к тому, что чаще всего служит причиной поведения, не соответствующего ситуации и требованиям родителей. Мы уже говорили, что, если хотите изменить поведение ребенка к лучшему, четко отделите плохое поведение от плохости его как личности. Никогда не говорите: Ты плохой, Ты глупый и т.п. Это унижает достоинство ребенка не ведет к улучшению. Всегда указывайте, чем именно вы недовольны. Например: Мне не нравится, что ты шалишь за столом, Я считаю, что мальчику следует первому здороваться со знакомыми взрослыми. В таких случаях ребенок точно знает, чем недовольны окружающие и что следует менять. Воздействия, которые ведут к осознанию ребенком своей плохости, лишь ухудшают ситуацию: Если я плохой, я должен вести себя плохо!.

Не следует вмешивать Деда Мороза в наши отношения с ребенком. Пускай он дарит подарки всем детям, ведь он любит детей не за их поведение, просто за то, что они есть на этом свете.

Все же, если разобраться, форма контроля поведения при помощи призов существует и бывает достаточно эффективной. Но не путайте подарков с призами! Подарки дарят безоговорочно, стремясь доставить человеку радость. Призы же надо завоевать, заслужить. В последнем случае ребенок четко знает, что за такое-то поведение он получит желанный приз. И получает не как знак благодарности родителей, а как законный заработок, скажем, такие способы поощрения используют для того, чтобы ребенок привык убирать за собой в

комнате, отучился бы каждый вечер упрявиться перед укладыванием спать и т.п. Если вы захотите попробовать это средство, запомните:

1. Нужно четко оговорить, какие фарты поведения подлежат исправлению.
2. За желаемое поведение ребенок должен каждый день получать очки.
3. Если ребенок не ведет себя так, как вы договаривались, не ругайте его, не морализируйте. Он сам наказывает себя тем, что отодвигает время получения приза.

4. Когда ребенок собирает оговоренную сумму очков, вы покупаете ему намеченный приз.

5. Договоренное число очков не должно быть слишком велико. Ребенок при хорошем поведении должен иметь их за неделю. Для детей младшего школьного возраста можно составить контракт на более продолжительное время.

Но помните – это заработок, приз, но не подарок, выражающий ваши теплые чувства к ребенку!

Однако призы не следует назначать ребенку за единичный акт поведения. Это малоэффективно и вредно с точки зрения морального развития ребенка, так как приз за разовое хорошее поведение является, по сути дела, подкупом. Эта разница ярко видна в следующем примере.

Мать ждет в гости важных для себя людей. Она говорит дочке: Очень прошу, ты только не шуми, когда придут гости. За это я тебе куплю ту куклу, которую ты хотела.

Девочка ведет себя несоответствующе в присутствии гостей не впервые. Она уже научилась использовать свое плохое поведение для получения того, чего она желает. Девочка чувствует, как можно манипулировать матерью с целью получения выгоды. Простую, практически ничего не стоящую услугу для матери девочка превращает в капитал.

Подмена подарком самого себя. Уже будучи взрослым, мужчина рассказывал об одном из ярких неприятных эпизодов своего детства.

Было лето, и девятилетний мальчик отдыхал у бабушки в деревне. После некоторого времени он написал родителям письмо, в котором просил, чтобы родители навестили его в день рождения. Вскоре он получил ответ – посылку, в которой была игрушечная электрическая железная дорога, о которой мальчик ранее мечтал. Все же мальчик был крайне разочарован, еле смог сдержать слезы. Он скучал по родителям, а не по паровозу... Желанная ранее игрушка превратилась в ненавистную.

Если приглядеться, подмена игрушкой, подарком себя не столь редка, однако не всегда мы ее замечаем. Вот родители купили настольную игру и дарят дочке: иди, играй. Девочка уходит, но через некоторое время возвращается и просит, чтобы отец поиграл с ней. Сейчас не могу, – звучит ответ. – может быть, позже. Девочка хмурится и возвращается в детскую.

Почему же ребенок не рад? Девочке игра но она хотела бы провести время, общаясь с родителями, хотя бы посредством полученного подарка. Когда родители взамен себя предлагают купленную игру, она приобретает для ребенка смысл средства, при помощи которого родители отвергают его. Кто же будет радоваться этому?

Спросим об этом самих детей: Тебе нравится, когда дарят подарки? Очень, – отвечает восьмилетний мальчик. – Особенно когда гоночные машины. – А что бы ты выбрал, если бы тебе предложили: подарок или чтобы отец играл с тобой всю субботу? Мальчик на минуту задумывается, потом говорит: Мне нравятся подарки, но если пришлось бы выбирать – лучше, чтобы отец играл со мной. Игрушки ведь неживые...

Ребенок часто пренебрегает своими интересами для того, чтобы больше пообщаться с родителями. Однако мы, родители, чаще склонны поступать наоборот: вместо себя предлагаем ребенку игру, подарок или просто отправляем его во двор. Представьте на миг, что бы вы почувствовали, если бы ваш ребенок на предложение пойти с вами погулять вручил бы вам плюшевого медвежонка и сказал: Иди с ним, у меня сейчас нет времени – много дел.

Ребенку для ощущения, что он любим, самое главное – чувствовать, что вы отзывчивы, учитываете его потребности и интересы, чувствовать общность с вами. Подарки ребенку (игрушки и прочее) дают ему новые возможности для игры или другой деятельности. Поэтому для ребенка они чаще имеют смысл

инструментов деятельности, чем символа любви родителей. Конечно, они благодарны за них, но мы бы очень ошибались, если бы думали, что подарки могут заменить хотя бы часть искреннего общения с ребенком.

Проявления родительской любви к детям разнообразны и многолики. Однако, не всегда наши хорошие намерения достигают адресата – ребенка. Дело в том, что он не умеет читать наших мыслей и чувств, а то, что мы делаем, далеко не всегда воспринимается им как проявление любви.

Родительская забота иногда для ребенка имеет назойливый привкус, выглядит вмешательством в его дела. Чувствуя ущемленную свободу действия и выбора, он вместо благодарности испытывает раздражение.

Но и случай, когда родители проводят много времени со своими детьми, вовсе не означает, что дети воспринимают это как выражение теплых чувств. Не количество, а качество вместе проведенного времени имеет решающее значение. Если вы настроены на общение с ним, если можете предоставить ребенку возможность выбирать, творить и ошибаться, действуя вместе с вами, он будет испытывать от общей деятельности много положительных эмоций. Не менее важно, чтобы вы иногда смогли спуститься немножко вниз и пообщаться с ребенком на равных в его игре. Принуждать себя общению с ребенком и пытаться постоянно руководить тем, что он делает, – значит постепенно терять возможность по-настоящему сблизиться с ним.

Прямое, словесное и невербальное выражение любви ребенку крайне необходимо, особенно в грустные и трудные моменты: разлуки, госпитализации и т.п. Чистосердечное подтверждение ваших чувств дает ребенку ощущение стабильности, безопасности, уверенности в отношениях.

Подарки, которые вы дарите детям, в зависимости от способа их выбора и контекста преподнесения приобретают различный смысл – не всякий подарок приносит радость. Он может стать и жестким средством контроля и подкупа. Если хотите доставить при помощи подарка удовольствие, дайте ребенку максимум свободы при его выборе и не ставьте при этом никаких условий.

Родительская любовь как чувство не должна быть самоцелью, самоценностью. Она имеет мало смысла, если не воспринимается детьми.

Взаимопонимания в этом не так сложно добиться. Главное – не замыкаться на своих чувствах, желаниях и планах, а стараться понять, что хочет ребенок. Он сам подскажет вам, что он воспринимает в качестве знака любви, что ему в этот момент необходимо. Когда вы думаете о своих переживаниях, ваши глаза и уши обращены внутрь. Если вы хотите понять другого, вам непременно придется повернуть глаза и уши на него, настроить свой ум и чувства не его мысли желания. Поверьте, внутренний мир ребенка интересен и привлекателен. Он отличается от вашего, но ничуть не хуже, и не скудней.

РЕБЕНОК ОСМЫСЛЯЕТ ОТНОШЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ ДРУГ К ДРУГУ.

В предыдущих главах мы говорили об отношениях родителей к своим детям и искали причины своеобразного развития личности ребенка в диалоге родитель – ребенок в особенностях осмысления ребенком собственного положения в семье. Однако картина семьи сильно упрощается, если исключить из обсуждения отношения между супругами. Жизнь семьи не сводится к воспитанию детей – это очевидно. Тем не менее, обсуждая ситуацию развития ребенка, мы с вами очень часто отмежевываемся от супружеских отношений, как будто они никак не причастны к психическому состоянию детей. Дети и их родители не живут разделенными непроницаемой перегородкой. Поведение отца и матери по отношению друг к другу есть такая же реальность, как и отношения родителей к ребенку.

Осмывая происходящее вокруг него, ребенок вглядывается и вдумчиво вслушивается не только в то, что родители ему демонстрируют, но и в то, что те наверняка хотели бы скрыть от чуткой детской души. Без преувеличения можно сказать, что отношения между мужем и женой имеют громадное влияние на развитие личности ребенка. И дело тут не только в том, что ссорящиеся между собой родители не создают в семье необходимой ребенку теплой, приветливой и безопасной атмосферы или что ссорящиеся родители не уделяют должного

внимания воспитанию детей, что их требования непостоянны, необоснованны и случайны, но и в своеобразии восприятия ребенком человеческих взаимоотношений.

Что мы знаем о влиянии плохих, напряженных отношений между супругами на состояние детей? К сожалению очень мало... Полистав популярную литературу, мы узнаем, что ссоры в семье делают ребенка нервным, плаксивым, непослушным, агрессивным. Если родители постоянно ругаются, дерутся да еще выпивают, ребенок растет в явно неблагоприятной среде, и ожидать можно самого худшего исхода. Вот, пожалуй, и все. Однако таких обыденных знаний хватает для понимания происходящего в одной десятой из числа таких семей. В других случаях этих знаний явно недостаточно. Ну а если семья внешне порядочная, даже является примером для других, а ребенок, как говорится, без царя в голове? Или же оба родителя педагоги, так что точно знают как воспитывать ребенка и прилично вести себя по отношению друг к другу, а их ребенок – несчастный и злой маленький человек. В чем тогда дело?

Обыденное сознание ищет выход из тупика, сваливая вину на плохое влияние улицы, школы, наследственности и т.д. Но если пристально взглядеться в данную семью, то, как правило, проблемы поведения ребенка есть соответствующая реакция на существующие между супругами разногласия. Трения между супругами, как правило, травмирующе влияют на ребенка.

Сам факт, что супруги живут вместе и их отношения оцениваются окружающими как хорошие, вовсе не означает, что муж и жена удовлетворены в браке. Под зеркальной поверхностью жизни семьи иногда бурлят страсти; в семье, рассматриваемой окружающими как примерная, муж и жена могут просто ненавидеть друг друга, между ними простирается зона арктического холода или море безразличия. Супруги, практически разошедшиеся, продолжают жить вместе из самых различных соображений. Для одних главное – сохранить внешнюю порядочность для карьеры, других останавливает страх перед неизвестным будущим, третьих – долг перед детьми. В последнем случае родители из благих соображений считают, что любая полная семья для ребенка лучше, чем развод.

Такая позиция представляет собой достаточно распространенное заблуждение. Иногда она обосновывается теми исследованиями, в которых показаны недостатки социального приспособления детей после развода. Конечно, так тоже бывает, но считать причиной бед растущего ребенка то, что его родители разведены, и теоретически, и жизненно неоправданно.

Дело в том, что ссоры, частые разногласия между родителями, их конфликтные отношения более пагубно действуют на ребенка, чем сам развод и последующая жизнь с одним из родителей. На это особо обратили внимание психологи, которые показали, что наибольший вред детям приносит не сам развод, а ссоры между супругами предшествующие расторжению брака. Ребенок чутко воспринимает межличностную дистанцию, образовавшуюся вследствие их ссор. На рис. 17 шестилетняя девочка Инга в период перед разводом изобразила своих родителей как уже разведенных. На рисунке маму и отца разделяет не только значительное пространство, но и предметы, расположенные между ними.

Когда ссоры, конфликты, скажете, тогда все понятно. Да и то... Разве дети понимают, почему родители ссорятся? Более того. Ведь в некоторых семьях родители удерживают себя от бессмысленных ссор. Как же обстоят дела в спокойных, интеллигентных семьях? Такой вопрос вполне правомерен. Как развиваются дети в семьях с сохраненным фасадом, в которых, однако, родителей связывают эмоционально напряженные отношения, скрытое недовольство друг другом и семьей? Может, дети не замечают психологических нюансов в жизни родителей и они никак не влияют на них?

С первой частью высказанного возражения необходимо частично согласиться. Конечно же, часто истинная причина ссор родителей остается ребенку неизвестной (родителям, впрочем, тоже). Более того, встречаясь с необъяснимым, дети додумывают причину – простую, обыденную и понятную и впоследствии даже стремятся ее устранить. Вот несколько рассказов семилетних детей по картинке (см. рис. 18), побуждающей детей на раскрытие того, как они понимают отношения родителей.

Родители злые, ругаются. Мама сердится, что отец смотрит в окно. Отец тоже злится, что ему не разрешают смотреть в окно.

Отец стоит и смотрит в окно. Мама стоит рядом. Они не разговаривают, Отец злой. Разбилась ваза. Мама ее разбила. Он злится, что она разбила. Мама не очень хорошо себя чувствует. Она говорит: Куплю новую вазу. Отец: Откуда

деньги возьмешь? Мама Заработаю.

Отец пришел с работы. Мама говорит: Почему так поздно пришел? Отец: Было собрание. Мама: Почему не сказал?. Отец: Я же не знал. Дети думают, почему родители так долго ругаются.

В этих примерах, как и в большинстве экспериментально собранных детских высказываний о родительских конфликтах, выявляется стремление детей объяснить семейные конфликты им понятными житейскими обстоятельствами, причинами, которые нам со стороны кажутся наивными: не разрешают друг другу смотреть в окно, не договорились куда идти гулять, кто-то разбил вазу и т.п. Дети хорошо улавливают типичные внешние обстоятельства, с которыми связан конфликт, но его суть остается для них скрытой. Нередко дети на основе своих суждений даже пытаются устранить причину ссор родителей?и. В одной семье, в которой ссоры происходили на финансовой почве, шестилетний мальчик со всей серьезностью обратился к отцу и матери: Бабушка вчера мне подарила рубль. Если я вам его отдам, вы прекратите ссориться?

Центрированность детской мысли часто вовлекает их в эмоционально сложные коллизии. Это относится и к обсуждаемой проблеме. Не находя удовлетворительного объяснения разногласиям между родителями, дети воспринимают в качестве их причины самих себя. Еще раз обратимся к детским рассказам по указанной картинке: Отец и мать грустные, сердитые. Их сын опять получил двойку. Они недовольны, что он такой плохой. Они ругаются. Конечно, ребенок, определяющий причину ссоры как следствие собственной плохо-сти, испытывает сильное чувство вины, что еще усугубляет его и без того тяжелое эмоциональное состояние и может стать причиной серьезных психических травм. Итак: да, дети неточно, искаженно воспринимают причины ссор между родителями, однако это не означает, что если их понимание разногласий неправильно, то они таким образом ограждаются от возможных негативных последствий.

На вторую часть оппозиционного утверждения, что и родители способны воздержаться от открытых боев, то они могут создать ребенку ситуацию психологического комфорта, нужно ответить более развернуто. Дело в том, что даже внешне незаметное напряжение между супругами оказывает большое влияние на детей опосредованно. При этом недовольство родителей друг другом и семьей превращается в негативные воздействия, в отношения, прямо касающиеся ребенка.

Из сказанного вовсе не следует, что если оба родителя не удовлетворены браком, то развод неизбежен. Развод, возможно, самый простой, но далеко не самый лучший вариант. Во-первых, расторжение семейных связей травмирует и супругов, и детей. Дети привыкли и любят обоих, им необходимы и отец, и мать. Во-вторых, сам факт развода не снимает раздраженности, неудовлетворенности у супругов. Часто даже наоборот неудовлетворенности, отягощенная чувством одиночества, повышается. Таким образом, негативное эмоциональное состояние, возникающее из-за нерешенных личностных проблем, часто продолжает свое существование в каждой половинке семьи. В таких случаях усугубляется соответствующее влияние на детей. Если раньше неудовлетворенность, раздражительность частично разряжались в супружеских отношениях, то теперь они могут быть целиком обращены на ребенка.

Семей без конфликтов не бывает, в каждой хоть изредка, да возникает неудовлетворенность браком. Это естественно. Противоречия побуждают к изменению, к поиску более удовлетворяющих отношений. В общем, они – двигатель прогресса семьи. Однако нередки случаи, когда нерешенные проблемы укореняются, потому что на них закрывают глаза, их игнорируют, маскируют и от себя, и от других. Возникает иллюзия что, если делать вид, что все хорошо, проблемы с собой исчезнут. На это и обращено наше основное возражение: супругам невыгодно поступать, как с прячущим голову в песок. Скрываемое трение в отношениях со временем все больше их изнашивает и наносит вред и самим супругам, и их детям – проблемы требуют решения, а не хранения за раскрашенным в праздничные цвета фасадом семейного благополучия.

Теперь о самих механизмах – как происходит канализация напряжения в супружеских отношениях в негативные воздействия на детей и как дети это воспринимают.

Наиболее распространенный способ канализации излишнего психического напряжения, недовольства супругов друг другом – механизм козла отпущения. Можно выделить два варианта его исполнения. Первый из них разыгрывается в семьях, в которых одни из супругов явно занимает авторитарную позицию сверху. Он не терпит возражений со стороны других членов семьи. Внутренний, психологический подтекст такого способа общения родителя состоит в следующем:

1. Все другие, только не он (она), виновны в неудовлетворительном положении дел.

2 Когда выражаешь свое недовольство по отношению к другому, становится легче на душе.

Он или она безапелляционно негодуют по поводу поведения супруга и таким образом как бы освобождаются от психического напряжения. Формы выражения чувств зависят от многого, в том числе и от культурного уровня человека. Совсем не обязательно это грубости и крик, это могут быть постоянные тактичные замечания о способе ведения домашнего хозяйства, воспитания детей или о привычке говорить. В любом случае суть остается та же – психическое напряжение, недовольство выливаются на другого супруга. Адресат, то есть тот, на которого была направлена эта замаскированная агрессия, с удовольствием отгрызнулся бы, однако предвосхищает, что подобный акт протеста чреват последствиями – начнется настоящий скандал, на него навалится целая лавина упреков. Поэтому муж или жена на некоторое время подавляют в себе возникшую злобу. Но лишь на некоторое время, до первого удобного случая. Подвернись тут под руку ребенок – и появившееся раздражение польется на него. Как это происходит, остроумно изобразил Х. Бидstrup в карикатуре, к которой, как говорится, комментарии излишни (рис. 19).

Другой вариант пагубной игры в козла отпущения разыгрывается в семьях, в которых оба супруга не лезут за словом в карман, оба никогда не уступят и не дадут себя в обиду. Тут из игры исключается одно звено – муж или жена, а ребенок прямо получает свою долю от раздраженного родителя. Такое упрощение игры не сразу, а в результате накопления родителями супружеского опыта.

Муж и жена, имеющие за спиной большой стаж общения друг с другом и знают, что если начнешь открыто набрасываться на супруга или будешь упрекать его, то в ответ услышишь то же самое, в итоге напряжение в отношениях еще больше возрастет либо разразится настоящий скандал с обоюдными обвинениями, битьем посуды и т.д. Независимо от формы, в которой протекает конфликт, во всех таких случаях оба супруга проигрывают: муж и жена из него выходят еще более раздраженными недовольными друг другом. Уж лучше было промолчать..., – успокоившись, думают они.

Такие родители со временем могут научиться воздерживаться от проявления явного недовольства друг другом, однако, к сожалению, их раздраженность, возникающая вследствие неудовлетворенности браком, никуда не исчезает. Психическое напряжение проявляется то одним то другим способом (курение, алкоголизация и т. д.), которые являются своеобразными клапанами разрядки. И самый удобный объект в таких случаях для выражения накопившегося негодования – это ребенок. Во-первых, он не даст сдачи. Во-вторых, всегда можно найти повод прищучить ребенка: то он недостаточно опрятный, то ботинки положил не на место, то вообще не так смотрит... Все, все ради ребенка! Все для того, чтобы он вырос приличным человеком!

Ребенок же, как и в первом случае, постоянно ощущает недовольство со стороны родителей. Постепенно но начинает осмыслять себя как плохого, ни на что не способного, как человека, достойного всяческих порицаний. Интересно, что общая для детей в положении козла отпущения только низкая самооценка, а приспособляется к данной структуре межличностных отношений каждый по-своему. Одни принимают роль серой мышки – пытаются как можно меньше попадаться на глаза родителям. Такие дети оставляют впечатление замкнутых в себе, загнанных детей, которые с большим недоверием и ожиданием наказания смотрят на окружающих. Мир внутренних переживаний подобного ребенка хорошо иллюстрирует рисунок шестилетнего Ритиса (рис. 20). Его малюсенькое изображение себя показывает стремление быть незаметным. Рисунок создает впечатление недоступного мальчика – ежика, недоверчиво оглядывающегося по сторонам.

В других случаях дети, оказавшись в ситуации козла отпущения, развивают

в себе способность противостоять нападкам родителей, образно говоря, выращивают себе когти и зубы. Они ведут себя по отношению к родителям все более агрессивно, тем самым становясь для них неудобным объектом для канализации напряжения. Это озлобленные дети, отвечающие на каждое прикосновение укусом. Однако именно таким способом они находят выход из не удовлетворяющей их ситуации, когда все психологические помехи льются на их головы. Внутреннюю позицию такого ребенка хорошо иллюстрирует автопортрет шестилетнего Витаса (рис. 21). Его когти и зубы символически защищают его от нападков.

ОТВЕРЖЕНИЕ СУПРУГА ЧЕРЕЗ РЕБЕНКА.

Недовольство одного супруга другим в течение совместной жизни, как правило, приобретает конкретные очертания. Раздражают повышенная или пониженная активность другого, манера речи, неопрятность, особенности телосложения и т.п. В девяти случаях из десяти подобное раздражение непродуктивно, так как очень скоро оказывается, что изменить другого невозможно – не так уж мало в нас обусловлено природой, да и укоренившиеся привычки не столь легко меняются. Столкнувшись с непреодолимым, супруги рано или поздно отказываются от попыток перековать другого. Хорошо было бы, если прекращение тщетных усилий осмысливались более глубоко и рационально. Однако чаще супруги думают примерно так: Да что с него возьмешь... Из старого костюма не сошьешь новых штанов. Отказ от попыток изменить другого, однако далеко не всегда означает повышения терпимости, толерантности к своеобразию другого. Раздражение по поводу той или иной особенности поведения остается и часто переносится на ребенка.

Ребенок получает в наследство или приобретает путем подражания многое от своих родителей. Среди его разнообразных черт характера оказываются и те особенности отца или матери, которые вызывают раздражение у другого супруга. Отец или мать просто содрогается, когда у их ребенка обнаруживается нежелательная черта супруга: неужели и этот такой же!? Часто на той основе, что сын такой же неусидчивый, как и его отец, или дочка так же, как мать, плаксива, начинается настоящая борьба за спасение души ребенка – мать или отец стараются во что бы то ни стало искоренить в ребенке нелюбимые черты.

Психологический смысл подобной борьбы – отрицание супруга, выражение недовольства им через ребенка. При этом жертва супружеского трения – ребенок, на которого обрушивается перевоспитание. Стремление исправить ребенка, как правило, не приводит к ожидаемым результатам, наоборот, из-за постоянного наставничества сын или дочь приобретают комплекс неполноценности, а искореняемые особенности, вместо того, чтобы исчезнуть, еще больше закрепляются. Как это происходит, можно проследить на нескольких примерах.

Жену, которая на самом деле была крайне не удовлетворена своим браком, но не осознавала этого, особо раздражало периодическое заикание мужа. Она считала, что дефект мужа есть главная причина неуспешного общения их семьи с окружающими. Ее попытки уговорить супруга лечиться у логопеда были безуспешными, так как муж имел опыт безрезультатного лечения. С большой тревогой она следила за развитием речи у мальчика – не унаследовал ли он дефект речи отца? Как говорится, кто ищет, тот всегда найдет.

Двухлетний мальчик иногда застревал на произношении отдельных слов, повторял по несколько раз тот же слог, что вообще характерно для речи маленьких детей. Конечно, такое застревание ни в коем случае не было заиканием, но мать усматривала в несовершенной речи ребенка именно это. Каждый раз, когда малыш запинаясь, она сильно эмоционально реагировала, пугалась и, вместо того чтобы услышать, что хотел сказать сын, заостряла внимание на его произношении, вынуждала его по несколько раз повторять неудачно произнесенное слово.

В трехлетнем возрасте мальчик уже сам сильно волновался в подобной ситуации, спешил повторить слово и... застревал. Логопедические приемы матери, в сущности, привели к тому, что мальчик, что-либо неправильно сказав, возбуждался, пугался и повторял ошибку, после чего еще сильнее нервничал и, следовательно, застревал больше. Таким образом, мать, создав ажиотаж вокруг заикания, сама непреднамеренно научила ребенка заикаться.

Подобное явление, когда чрезмерное рвение родителя избавить своего

ребенка от нежелательной черты характера, особенности поведения приводит к противоположным результатам, не так уж редко, и в этом прослеживается определенная закономерность. Излишнее стремление, чтобы ребенок делал так, а не иначе, применение и соответствующих ситуации воспитательных средств приводят к нагнетанию напряженной нервной атмосферы. А это не средство эффективного воспитания, наоборот, все это может стать причиной нежелательного поведения. Тогда, когда подобная канитель закручивается вокруг определенной нежелательной особенности ребенка, она еще больше усугубляет ее. Обратимся еще к одному примеру.

Отец считает, что мать слишком много нежила мальчика и тот стал таким же разбалованным и трусливым. Как все женщины вообще, и его жена в частности. Более того, он видит в сыне наследственно материнскую неряшливость, чрезмерную осторожность и старается искоренить эти свойства. Уже из одного наблюдаемого случая становится приблизительно ясно, к каким результатам приведет обучение сына мужественности отцом. Понаблюдаем за ними в один жаркий день на берегу живописного озера.

Отец стоит в воде, мальчик – на мостике. Прыгай, – кричит отец. Мальчик неуверенно, боязливо смотрит на воду. Прыгай же! Не будь трусом! – резко звучит голос отца. Мальчик съезживается, пугливо смотрит на него и непроизвольно делает пару шагов, отодвигаясь не столько от воды, сколько от нервничающего отца. У отца кончается терпение, он хватается мальчика и визжащего во весь голос и пытающегося вывернуться из рук погружает в воду. Мальчик не перестает визжать, и отец вынужден вернуть его на мостик. Тфу, маменькин сыночек! – огорченно говорит он. – Из тебя не выйдет настоящего мужчины!

Чего хотел отец? Чтобы его сын не боялся воды, проявил решительность. Чего добился? Ребенок еще больше будет бояться воды, и отца. К тому же отец, поступив таким образом с сыном, не только не добился желаемого, но и заложил фундамент будущим неудачам сына. Почему так случилось? Не будем спешить с упреками, что отец груб и не умеет обращаться с детьми. Может, это и так. Но и такой отец вел бы себя иначе, если бы не испытывал нетерпения: во что бы то ни стало и как можно быстрее изменить сына. За всем этим кроется и третье действующее лицо – мать ребенка. Ведь в отношении к сыну звучат и недоверие к жене, и неудовлетворенность ею, и тем, что она делает сына похожим на себя.

Усилия, направленные на уничтожение в ребенке раздражающих черт супруга, направляются эмоциями, а не разумом. Поэтому те средства, которыми пользуются родители не соответствуют ситуации, используемые меры контроля чрезмерно сильны, ожидаемый результат нереален. Родители часто тратят энергию на второстепенные и вполне терпимые проявления детской индивидуальности. Еще более непонятым кажется желание родителей искоренить природное в ребенке, то, что он унаследовал от другого супруга.

Мать, обратившаяся за помощью к психологу, негодовала по поводу повышенной активности ребенка. Она говорила: Я знаю, как глупо выглядят постоянно суетящиеся люди. Вот мой муж. С ним совершенно невозможно быть на людях. Он не посидит спокойно ни минутки – все время суетится, вмешивается в чужой разговор. Мне просто стыдно за него. Вот и сын научился этому. Все дергается, крутится... Скажите, как его от этого отучить?

Было бы хорошо, если бы дело касалось лишь этого вопроса. До обращения к психологу мать, очевидно, проделала громадную работу по умиротворению сына, так и не задавшись вопросом, откуда у нее такая неприязнь к активности мужчин, хотя ответ очевиден в этом коротком высказывании. Уже первая встреча с ребенком показала и результаты воспитательной работы матери.

Шестилетний мальчик оказался и впрямь активным. Для него посидеть спокойно – настоящая мука (хотя меня лично больше бы встревожило, если бы мальчик такого возраста от этого испытывал бы удовольствие). Сидя в кабинете, мальчик то и дело заглядывал в окно, под стол, шевелил ногой, рылся в карманах. Потом вдруг, что-то вспомнив, испуганно содрогался, мельком взглядывал на мать, крепко прижимал ладони к ногам и на минутку застыл (налицо усилия матери). Но его желания сидеть смирно хватало лишь на минутку – он опять начинал суетиться, отвлекался от происходящего.

Чего добилась мать в попытке изжить природное, присущее индивидуальности сына? Кроме напряженных отношений с матерью виден и другой

результат воспитательной работы – изредка, во время попытки остановиться, на лице мальчика заметен тик (судорожное подергивание мышц лица). Это, конечно, косметический недуг, но сколько направленной психокоррекционной работы потребуется, чтобы избавиться от него мальчика!

В тех случаях, когда родители объявляют войну природным особенностям ребенка, проявлениям темперамента, всегда хочется указать на безнадежность, тщетность подобных усилий. На ум приходит такое сравнение. Представьте, что у вашего ребенка волосы ярко-рыжего цвета. Вы просто содрогаетесь от этого. И муж (жена) ваш такой же никудышный, и ребенок, к несчастью, смешит своими волосами весь двор. А что, если запретить ему выращивать такие волосы и велеть стать брюнетом?

Абсурд? Конечно. Но не так уж и редко встречаемый. Близкие люди, вместо того, чтобы поддержать ребенка, дать ему почувствовать уверенность в себе, чтобы он мог удачно приспособиться, невзирая на свои раздражающие особенности, и дома ставят его в безвыходное положение.

Редко венчаются успехом и попытки матери или отца избавиться ребенка от выученных у супруга форм поведения: странностей походки, манеры речи, своеобразных обращений и т.п. Дело в том, что мальчик, усваивая поведение отца, девочка – поведение матери, не просто их заучивают. Ребенок видит себя таким же, как отец, вместе с этим начинает чуточку ощущать себя им, как бы получает часть его силы, уверенности, взрослости. Это помогает ему приобретать душевное равновесие, самообладание. Мать, желая избавиться ребенка от раздражающих черт супруга, не догадывается, что посягает не на отдельные элементы поведения, а на целостность образа отца, усвоенного мальчиком, на его престиж. Если мать (или в аналогичном случае, отец) восприняла бы ситуацию именно так, ее бы не удивляло, почему выученные особенности поведения столь устойчивы, плохо поддаются изменению.

Как к дополнительному аргументу можно прибегнуть и к опыту разведенных матерей. Из их уст можно услышать, что если мальчик общался с отцом пять лет, то отцовские манеры поведения, несмотря на все усилия матери, часто сохраняются десятилетиями. Так велика сила подражания!

Дети, очутившись в ситуации, когда они по какой-то причине вынуждены менять усвоенную у родителя форму поведения, чувствуют себя крайне растеряно. Они недоумевают, почему то, что разрешено родителю, не позволено ему, ведь он как раз и стремится стать похожим на него. К примеру, девочка, имеющая не совсем хорошую привычку часами просиживать у зеркала, причесываясь, примеряя различные платья и аксессуары, никак не могла понять, чем недоволен отец: Ведь все женщины, и моя мать тоже, так делают! И впрямь, откуда и почему эта девочка может знать, что у отца, наблюдающего такое поведение, просто начинает щемить сердца, так как он тут же вспоминает постоянные конфликты с матерью: А у меня нет выходного платья (ботинок, пальто и т.д.) – не в чем в люди выйти!

Отвержение супруга через ребенка – серьезный симптом нарушения семейных отношений, признак потери эмоциональной привлекательности мужа или жены. Супруги во многом не удовлетворяют друг друга, однако каждый из них не способен взяться за решение межличностных проблем, приведших к такой семейной обстановке. Причина – боязнь погрязнуть в безрезультатном выяснении отношений, после которого жизнь становится еще напряженной. Поэтому вся энергия перевоспитания другого направляется на детей, носителей раздражающих особенностей супруга. В этом звучит подсознательная надежда: Вот он (она) увидит со стороны, в ребенке, каким никчемным он (она) является, и поймет, что меня это злит. Может быть, тогда он (она) сделает над собой усилие и изменится в лучшую сторону. В таком поведении может проскальзывать и другое, самозащитное поведение: Боже, разве можно жить с людьми, которые так себя ведут!

В ситуации подобного косвенного отвержения супруга дети постоянно находятся в атмосфере напряжения, что не может отразиться на их личностном развитии. И все же в такой обстановке дети не очень теряют в самооценке. Дело в том, что, несмотря на интенсивное давление со стороны одного родителя, они субъективно ощущают поддержку другого, что придает им стабильность: Пусть на меня давят, как хотят, но зато я такой же, как отец (мать).

В более сложном положении находятся дети после развода. Если мать или отец пытаются вышибить из ребенка любые признаки бывшего супруга, они тем

самым еще более осложняют и так очень психологически сложное положение ребенка после развода, делают его еще более шатким – ребенок теряет еще одну точку опоры: под угрозой ставится положительный образ, или его элементы, недостающего родителя. Поступая так, разведенные родители сильно увеличивают риск психологического срыва ребенка.

РЕБЕНОК – ЧЛЕН ВОЕННОГО СОЮЗА

Когда оба супруга не имеют чувства общности, совместимых взглядов и планов на будущее, не видят перспективы развития своего я в связи с прогрессом всей семьи, между супругами неизбежно возникает межличностное напряжение. Муж и жена постепенно начинают видеть друг в друге не соратника, а препятствие к реализации собственного образа семьи. Противопоставление себя другому супругу существует как психологический подтекст и проявляет себя в механизмах козла отпущения, в отрицании супруга через ребенка.

Однако в этих случаях супруги, как правило, мало осознают, что они противостоят друг другу, и суть их отношений поэтому проявляется косвенно, символически. Как только такие супруги начинают более четко осознавать свои отношения, у них возникает новый этап: открытая борьба, бескомпромиссное утверждение собственной правоты, стремление пересилить и перехитрить другого. Это может проявляться в открытых обвинениях другого (Это все из-за тебя мы живем в полуразваленной квартире, из-за тебя ребенок плохо учится и т.п.), в уходе от жизни семьи и замыкании в собственном психологическом пространстве (Да пропадите вы все пропадом! Живите, как хотите, а я буду делать то, что мне хочется), а дискредитации супруга в глазах окружающих (Разве с таким человеком возможно жить?) или другими хитроумными способами, с которыми читатель не раз встречался.

Таким образом в семье создается два враждующих лагеря – муж и жена. Ребенок, находясь между двумя воинствующими силами, стоит перед дилеммой – с кем быть? В борьбе родителей за ребенка больше усилий для привлечения его на свою сторону тратит тот супруг, который чувствует себя слабее, беззащитнее. Супруг, объединившись в ребенком, получает большие психологические выгоды от этого. Во-первых, он приобретает иллюзорное подтверждение собственной правоты (Если ребенок вместе со мной, значит я прав!). Во-вторых, присоединение ребенка к одному из супругов – это сильный психологический удар для другого. Иначе говоря, настроить ребенка против стоит хотя бы для того, чтобы супругу было больнее.

Так ребенок становится ценным оружием для семейных битв, и его обладатель всеми средствами пытается удержать сына или дочь на своей стороне. Это и убеждения (Слушай, что тебе мама говорит! Отец всегда навьдумывает всяких глупостей), и подкуп (Если будешь меня слушаться и поедешь со мной на рыбалку, а не в театр с матерью, куплю тебе гоночную машину) и т.д.

В семьях, в которых двое и больше детей, вследствие указанных причин создаются своеобразные альянсы, в которых и муж, и жена имеют своих последователей. Иллюстрацией подобной структуры семьи может быть рисунок семьи девочки, в котором явно видны две подструктуры: мы (женщины) и они (мужчины) (рис. 22). Обратите внимание на то, как тщательно нарисована женская половина и как небрежно изображены мужчины, что и выражает соответствующее эмоциональное отношение к ним.

На рисунке Габриелюса (рис.23) выделяются две подгруппы, отражающие реальное положение отношений в семье. Справа налево он изобразил в лодке себя, брата, маму а дальше на самом носу корабля – маленького отца. В этой семье разыгралась борьба по перевоспитанию отца, замкнутого в себе, занятого лишь работой и не уделяющего, по мнению матери, должного внимания жизни семьи.

Объектом столкновений между лагерями может быть разное: мать и дочь борются с пьянством, часто преувеличенно воспринимаемым, отца; объявляют войну его непристойным друзьям; борются с его привязанностью к рыбной ловле и т.п. Отец с сыном могут выражать открытое недовольство по отношению к стремлению матери жить светской жизнью; бороться с ее попытками приобщить мужчин семьи к культуре и т.п. Однако в всех этих разнообразных случаях видно общее: попытка показать плохость другого, стремление переложить вину на него за неудачно сложившиеся отношения. Иногда подобная борьба выходит за

рамки семьи, и во многих газетах и журналах мы читаем письма родителей и детей с призывом к общественности образумить отца, мать, реже – дочь, сына.

Существование двух враждующих лагерей в семье вынуждает ребенка принять чью-либо сторону: либо защитника (цу) матери, либо борца за защиту прав мужчин. Эта ситуация не только внешне сложна, но в первую очередь проблематична внутренне. Эмоциональная напряженность, отсутствие у ребенка чувства безопасности чрезмерно нагружают его – ведь он, ребенок, во-первых, постоянно чувствует тревогу и смятение, боязнь, что он делает что-то не так. Во-вторых, он часто начинает испытывать постоянный подсознательный страх, что его ждет кара за плохое поведение. Все эти обстоятельства могут приводить к серьезным невротическим расстройствам.

Другое обстоятельство, имеющее негативное влияние на развитие личности ребенка, – это искаженное осмысление ребенком роли мужчины или женщины. Дело в том, что мать и отец в начале жизни человека олицетворяют все женское и все мужское, иначе говоря представляют основные модели полов. Особенности отношений детей к ним, осмысление половых ролей закрепляются и долгое время служат точками отсчета при отношениях уже взрослого человека с лицами другого пола. Ситуация, когда ребенок втягивается в борьбу родителей, становится членом военного союза, пагубно влияет на будущие отношения между мужчинами и женщинами. Тут возможны два варианта: либо ребенок по мере взросления не будет в ладах с собственной половой ролью, либо у него не будут складываться отношения с лицами другого пола.

Однако чаще всего происходит и то и другое, так как ребенок наблюдает в семье ненормальные отношения между отцом и матерью (мужчиной и женщиной) и включается в них. Посмотрим, как происходит это в реальной жизни.

Представьте себе семью, в которой в военном альянсе против отца объединены мать и дочь. Постоянное выискивание, что отец сделал не так, в чем провинился, слушание соображений матери по поводу плохости всех мужчин, изо дня в день повторяющиеся эмоционально напряженные отношения с отцом оставляют в чуткой душе девочки неизгладимый след. В итоге образ отца, мужчины, окрашивается в темные тона и становится символом чего-то нехорошего, а это шаткая основа для будущих контактов с противоположным полом.

И если разобраться, как много теряет дочь при таких неудачно сложившихся отношениях в семье!

Отец для дочери (при хороших взаимоотношениях) – это и основа чувства безопасности; именно он дает ей ощущение женственности: на основе общения с девочкой строит свой образ мужчин вообще. Первичные, детские представления очень стабильны, и, хотя формы поведения с возрастом меняются, постоянными остаются основные установки на противоположный пол, выражающиеся в эмоциональных переживаниях, импульсивных поступках (с мужчинами приятно общаться или нет, к ним надо приближаться или от них бежать!)

Хотя девочка, повзрослев, встречая самых разных мужчин, начинает смотреть на них, да и на своего отца, не глазами своей матери, а своими собственными, часто ее сознательный, гораздо более осмысленный опыт оказывается бессильным против раннего, детского понимания, первичных отношений с членами семьи. Эмоциональное напряжение, негативные эмоциональные переживания, возникающие при общении с мужчинами, непонятно и незаметно для самой взрослой женщины пророчески возвращают в жизнь то, что когда-то сложилось между ее матерью и отцом.

Негативные установки по отношению к другому полу могут принуждать ее избегать контактов с мужчинами, предвосхищая, что все это добром не кончится, или же пытаться найти идеального партнера или, по крайней мере, мужчину, во всем противоположного отцу. Женщины с подобной историей жизни, как правило, тревожны по отношению к мужчинам, где-то в глубине души убеждены, что от мужчин нельзя ожидать ничего хорошего.

В семейной жизни кроме чисто психологических проблем нередки сложности в половых отношениях. В интимной сфере ярко проявляется неспособность партнера полностью доверять, отдаваться ему. Возникающее напряжение, недоверчивое отношение, иррациональное ожидание чего-то плохого со стороны мужчины как бы блокирует приятные телесные ощущения. Женщина не получает удовольствия от ласки мужчины, близости с ним, или же приятные ощущения не настолько интенсивны, чтобы полностью пересилили чувство психологического дискомфорта. Опыт неполноценной близости еще более отталкивает ее: Все это

нужно только мужчине, а не мне. Он просто мною пользуется! Нетрудно догадаться, как далее будут разворачиваться ее отношения с мужем или мужчинами вообще.

Отношение девочки к отцу и к противоположному полу, возникшее в семье в ситуации двух враждующих лагерей, оказывается сильнее, чем ее сознательный опыт общения. Ранние негативные установки все время проявляют себя в эмоциональных реакциях, а они, в свою очередь, во многом определяют поведение уже взрослой женщины, приводят к тому, что и более поздний опыт показывает, что мать была права - все мужчины таковы! Так, казалось бы, безобидное стремление матери вместе с дочерью перевоспитать отца оборачивается для последней жизненной драмой.

Сказанное относится не только к альянсу матери и дочери, хотя он и наиболее популярен. Не менее пагубной оказывается и борьба отца и сына с матерью. Возникающие негативные установки по отношению к матери и женскому полу аналогично искажают отношения молодого человека, становясь причиной многих его проблем.

Своеобразно складываются взаимоотношения в семьях, где ребенок присоединяется к лагерю противоположного пола, например отец с дочерью объединяются против матери, а мать с сыном - против отца. В этих вариантах отношения -детей к другому полу также нарушаются, но несколько иначе. Между отцом и дочерью, матерью и сыном образуются тесные, эмоционально насыщенные отношения, в которых можно заметить и эротический оттенок. Их вражда по отношению к родителю кажется менее интенсивной. Они как бы замыкаются в своих межличностных отношениях, игнорируя третьего, субъективно отвергая его.

Все-таки внутренне ребенок испытывает бурлящие чувства. Во-первых, это агрессия по отношению к родителю того же пола. Во-вторых, это чувство вины, которое возникает у ребенка, как только он начинает осознавать собственные негативные чувства к родителю, а также понимать, хоть и фрагментарно, частично, что, будучи рядом с одним из родителей, занимает место другого. Поэтому ребенок еще сильнее привязывается к родителю другого пола как к защитнику, как к объекту любви и вместе с тем все более ненавидит и боится другого.

В дальнейшем уже взрослый юноша или девушка испытывают громадные сложности, вытекающие из неспособности разрушить чересчур близкие связи с родителем противоположного пола. Близкий друг или спутник жизни подбирается по материнскому (или отцовскому) образцу и постоянно, сознательно или бессознательно, с ним сравнивается. Конечно, подобная связь обречена на неуспех по той простой причине, что двух одинаковых людей не бывает. Разрыву отношений способствуют и теща или свекор, которые, как правило, тяготеют к восстановлению монополизированного эмоционального общения с сыном или дочерью.

РЕБЕНОК - ОБЪЕДИНЯЮЩЕЕ РОДИТЕЛЕЙ ЗВЕНО

Трения между родителями, очевидные или заметные, вызывают негативные эмоциональные переживания и других членов семьи. Это относится и к тем случаям, когда ссора, конфликт, негодование прямо не касаются детей, а возникают и существуют между супругами. В реальной жизни семьи практически невозможно - чтобы конфликт или просто плохое настроение одного человека переживались лишь им одним. Известно, что даже новорожденный, если его мать испытывает тревогу, тоже начинает нервничать. Новорожденный не понимающий ни языка, ни значения выражения лица, тем не менее улавливает состояние матери.

Даже дошкольник, не понимая полностью сути родительских разногласий, придает им своеобразный смысл. Однако часто он просто воспринимает, что, когда мама и папа такие, ему плохо, ему хочется плакать, бежать куда-то или сделать что-нибудь злое. Ребенок чувствует психологический дискомфорт, не видит, в чем его причина, не знает средств, как избежать таких негативных переживаний. В этом смысле дети слепы и безоружны. При этом они чрезвычайно чутки к изменению эмоциональной атмосферы в семье и склонные ее изменения связывать либо с происходящими внешними событиями, либо с собственным поведением.

Ребенок, например, чувствует, что, если вместе с обоими родителями пойти играть в теннис или в гости, рядом с ними становится как-то теплее,

что, если их обоих, рассмешить, сделав какую-то глупость, исчезает то неопределенное, неприятное чувство под сердцем.

Таким образом, даже не понимая, что он делает, ребенок ошупью находит способы, устраняющие его психологический дискомфорт, то есть обнаруживает средства, уменьшающие трения между родителями, помогающие всем вместе почувствовать общность, избавиться от эмоционального напряжения. Не всегда эти средства и способы, интуитивно или случайно найденные ребенком, достигают положительного эффекта. Часто за минутное избавление от напряжения ребенок платит большую цену. Однако он этого не понимает и не видит, как не видят и не понимают этого его родители...

Объединение родителей посредством болезни ребенка.

Некоторые дети, заболев, наряду с неприятными ощущениями от болезни неожиданно для себя начинают чувствовать и что-то приятное, сладкое, растормаживающее. Дело в том, что ребенок вдруг окружается вниманием и заботой, напряжение во взаимоотношениях родителей куда-то исчезает – оба родителя как бы объединяются у кровати ребенка: что сделать ему приятно. Что преподнести вкусненького ребенку. Где достать необходимые лекарства. Эти и другие заботы на время вынуждают родителей забыть про собственные ссоры, невзгоды, все начинает крутиться вокруг малыша и его беды.

Ребенок чувствует большие изменения в психологическом климате семьи – оба родителя так много занимаются им, хлопочут, а главное – он с ними вместе! Он с ними обоими! Он не чувствует непонятного ему психологического напряжения от того, что родители ссорятся, недовольны друг другом. Иначе говоря, ребенок испытывает прелесть болезни.

Так, неприятная по своему существу болезнь становится для ребенка условно желаемой. Вероятность этого повышается в тех случаях, когда разрыв между неудовлетворительным эмоциональным состоянием ребенка в обычной жизни и выгодой болезни очень большой, яркий, когда недуг ребенка очевидно нормализует взаимоотношения в семье.

В дальнейшем ребенок неосознанно стремится воспроизвести приятное ощущение общности с другими членами семьи, которые он испытал, заболев. Конечно по собственному желанию не заболеешь гриппом или воспалением легких. Механизм возникновения болезни как средства объединения родителей несколько другой и касается не всех недугов. Это относится к тем из них, в возникновении которых психологические факторы играют большую роль. А таких болезней не так уж мало. Мы уже говорили, что ребенок может выработать, например, бронхиальную астму как средство получения недостающей ему заботы и любви. Рассмотрим несколько примеров.

Мать обратилась к психологу за помощью по поводу заикания ребенка – мальчика 8 лет. Занятия с логопедом (год перед обращением) дали хороший эффект. Ребенок хорошо говорил у логопеда и почти не заикался в школе. Но дома ребенок часто так застревал, что не мог выговорить ни слова. Логопед сказал, что это результат нервного напряжения и посоветовал обратиться к другим специалистам, к психологу. При внимательном рассмотрении семейная ситуация оказалась следующей. Мальчик практически не заикался, разговаривая с одним из родителей. Однако, как только между родителями возникал хотя бы незначительный спор, ребенок пытался сразу включиться в разговор с ними, при этом начинал сильно заикаться, часто был неспособным выговорить и слово. Родители в чем-то улавливали связь между заиканием и их отношениями, так как, сразу после того как мальчик начинал заикаться, они обменивались между собой репликами, вроде да перестань же кипятиться, видишь, как разволновался мальчик, Хватит! Потом разберемся. После того как спор затихал, оба родителя принимались за успокоение мальчика.

Очевидно, что мальчик таким поведением добился цели – прервал тревожащее его поведение родителей, получил от отца и матери недостающую ему заботу. Нужно ли этого мальчика лечить от заикания?

Вряд ли. Он умеет справляться со своим недугом. Однако в семье такое поведение ему нужно как средство нормализации психологической атмосферы, она дает ребенку средство контролировать и направлять в желаемую сторону происходящее вокруг. Конечно, такое средство уж очень неприятно окружающим да и самому ребенку не на пользу. Но ребенок просто не нашел другого пути... Помочь ему можно: а) нормализовав отношения супругов, б)

снизив общую тревожность и уровень возбуждения ребенка, в) показав ребенку (в игре) другие средства, при помощи которых он сможет справляться с ситуацией без демонстрации собственной беспомощности и зависимости.

Подобный психологический механизм может привести к тому, что ребенок окажется, сам того не замечая и сознательно не желая, в плену разных недугов. Он может мочиться по ночам в кровать, испытывать изнуряющие головные боли, показывать родителям полную неспособность заботиться о себе. Часто смысл всего этого – контроль семейной атмосферы и отношения родителей к нему.

Объединение родителей посредством выполнения их нереализованных желаний. Супруги, не удовлетворенные браком почти всегда ощущают бессмысленность серость жизни. При таком настроении время от времени мысли родителей возвращаются к юношеским грезам, когда жизнь им казалась полной ярких красок и приятных неожиданностей, когда в будущем каждый из них видел себя счастливым, преуспевающим. Как контрастирует эта картина с лишенной радости повседневностью! Утрата в свои силы, неспособность подняться над обыденностью определяет общее подавленное эмоциональное состояние, нежелание чем-либо заняться. Человек не видящий жизненной перспективы, слаб и грустен.

Непроизвольно человек возвращается к своему прошлому с вопросом: где сделана ошибка? Кто виноват, что теперь я в таком безнадежном состоянии? Так энергия, которая очень пригодилась бы для реализации себя в теперешней, реальной ситуации, расходуется на самоугрызения, упреки супругу, ностальгическое, но бесперспективное желание, чтобы бывшие мечты сбылись. Но не желание, а конкретные дела строят будущее. А свои действия супруги направили на бичевание друг друга и себя, отчего становится еще грустнее. Иногда в подобной, крайне напряженной семейной атмосфере, наполненной призраками нереализованных родительских желаний, ребенок находит свой способ примирить их с собственной жизнью и друг с другом.

Анна и Томас познакомились в средней музыкальной школе. Он учился в классе фортепьяно. Она – в классе скрипки. Летом, после окончания школы, их чувства друг к другу стали для них важнейшим делом в мире, и они решили пожениться сразу после вступительных экзаменов в консерваторию. Но обоим постигла неудача. Томас пересдал экзамены и поступил на филологический факультет, а Анна, удрученная неуспехом, решила никуда больше не поступать, к тому же в это время она была беременна. Первый год Томас и Анна жили хорошо, однако после рождения второго ребенка (сразу вслед за первым) их отношения испортились и на пятом году совместной жизни речь зашла о разводе.

Приблизительно в то же время родители начали замечать музыкальные способности старшего сына. Мать стряхнула пыль с уже давно забытой скрипки и стала по вечерам учить сына. Отец с удовольствием сопровождал его на пианино. В такие минуты всем было хорошо, все радовались – большая редкость в этой семье. Через некоторое время мальчик поступил в подготовительный класс детской музыкальной школы. Этим родители были очень довольны, постоянно дополнительно занимались с сыном, и постепенно сын в классе стал музыкальной звездой. Разговоры дома все время вертелись вокруг диезов и бемолей. Проблема взаимоотношений родителей как бы снялась, они начали более положительно оценивать свой брак и друг друга.

Что же произошло в этой семье? Может, улучшение отношений мужа и жены естественно – они непостоянны, как и все в этом изменчивом мире, и не надо искать какой-то более глубокой причины? И все же хочется обратить ваше внимание – на роль первого ребенка в происходящем. Она и впрямь очень велика. Но давайте разберемся по порядку.

Тот факт, что Анна и Томас не поступили в консерваторию, конечно, был для них большим ударом, серьезным препятствием к осуществлению жизненных планов. Однако их любовь друг к другу смягчила эту неудачу – ведь не это главное, ведь все можно поправить в будущем, если мы только этого захотим. Друг за другом родившиеся дети весьма осложнили возможность реализовать их планы и создали условия, в которых оба они могли почувствовать себя несостоявшимися, неудачниками.

Недовольство собой нагнетает напряжение и в супружеских отношениях: неосознанно супруг рассматривается как причина происшедшего: Ведь если бы не он (она), то могло бы быть иначе... Если не семья, то... Вместо того, чтобы искать пути, как наверстать упущенное, или найти новые цели и ценности в

жизни, силы тратят на поиски виноватого, на фантазирование, как могло бы быть. Все это в конце концов вызывает неудовлетворенность браком, напряжение во взаимоотношениях супругов.

Очень возможно, что именно так происходило в семье Анна и Томаса. Кризис вызвал второй ребенок, в восприятии матери полностью зачеркнувший ее возможность реализовать себя в социальном плане. В такой ситуации неожиданную услугу семье предоставил первый ребенок. Его рано проявившиеся музыкальные способности стали средством, при помощи которого родители как бы опять приблизились к своим юношеским целям, но не непосредственно, а через сына.

Слова матери это подтверждают: Когда хвалили сына за удачное выступление, я чувствовала, как будто это хвалят меня. Как когда-то, в годы моего музицирования. Понятно, что родители стали ощущать свою жизнь как более осмысленную, больше чувствовать свою близость к сыну да и друг к другу тоже - ведь теперь они компаньоны, вместе с ним идут по тому пути, по которому когда-то шли. В результате отношения между супругами улучшилось, более теплой стала и вся атмосфера в семье.

С точки зрения ребенка, дело происходит несколько иначе. Мальчик рано почувствовал, что его музицирование привлекло внимание родителей, вызвало их восхищение, а также, что часы совместных занятий с родителями приносят ему успокоение - несравнимо более приятное чувство, чем то напряжение, которое он испытывал, когда родители, внутренне бурлящие, но внешне спокойные, обменивались ничем не значащими фразами между собой и с ним, когда атмосфера в семье была подобна затишью перед грозой. Этого оказалось достаточно, чтобы ребенок начал усиленно заниматься музыкой.

Как оценивать этот эпизод жизни с психологической точки зрения? Однозначно ответить тут нельзя. С одной стороны, очевидно, что психологический климат семьи вследствие терапевтического вмешательства старшего сына улучшился, с другой - нельзя не обратить внимания на подводные камни, которые могут сильно осложнить жизнь семьи и старшего сына. А их несколько.

Во-первых, это повышенная ответственность возложенная на ребенка. Когда ребенок занимается каким-то делом: учебой в школе, музицированием, он испытывает интерес, соответствующий его потребностям, ценностям и ситуации, и в зависимости от обстоятельств или достигает успеха, либо переживает неудачу. В случае неудачи он пытается организовать свою деятельность так, чтобы она была более успешной.

Если же ребенок чувствует, что его неуспех несет большое огорчение родителям (что справедливо для вышеописанного случая), то он, как правило, прилагает максимум усилий, чтобы этого не произошло. Образно говоря, такой ребенок и старается за двоих, и напрягается за двоих, и боится неудачи за двоих. Поэтому первое следствие повышенной ответственности - перенапряжение.

Во-вторых, имеется повышенная вероятность застревания на препятствиях, так как чувствительность к неудаче у такого ребенка повышена. Представьте себе, что упомянутый мальчик имеет довольно средние музыкальные способности и при дальнейшем обучении музыке сталкивается со значительными трудностями. В обычном случае встреча с препятствием увеличивает усилия для его преодоления и человек вконец с ним справляется. Когда желание достигнуть успеха очень велико, то оно вызывает психическое напряжение, которое уже само по себе дополнительное препятствие. Иначе говоря, чрезмерное желание, повышенная ответственность с высокой вероятностью ведут к неуспеху, особенно при выполнении сложных задач. Более того, когда это случается в подобной семейной обстановке, родители, сильно озабоченные успехами ребенка, прилагают максимум усилий, чтобы ребенок не расслабился, чтобы собрался с силами, чтобы еще больше постарался. Иногда и прямым текстом говоря, что он - последняя надежда, что он не должен огорчать своих родителей. Таким образом, ответственность, возложенная на хрупкие плечи ребенка, растет, а с ней вместе возрастает психическое напряжение, а это, в свою очередь, больше увеличивает вероятность вторичной неудачи.

Так образуется замкнутый круг: повышенная ответственность - чрезмерное психическое напряжение - неудача - увеличение ответственности и требований - увеличение психического напряжения - повторная неудача. В этом порочном круге ребенок, особенно при выполнении сложных задач, застревает на возникших трудностях, попадая в тяжелую психологическую ситуацию. Он, с

одной стороны, испытывает страх, и ему уже совсем не хочется делать то, к чему он ранее стремился. С другой – чувствует нажим окружающих, обязательства перед родителями: ведь это так важно для них! Часто малыш не может осознать и выразить свой страх, скажем, перед изнурительными занятиями музыкой, так как ему не хочется лишаться уважения к себе и к тому же терять недостающее внимание и заботу обоих родителей.

Ребенок, не сумевший преодолеть препятствий и не имеющий возможности официально и без потери в самоуважении выйти из ситуации, ищет косвенные пути. Безвыходная ситуация иногда решается посредством болезни. У некоторых детей перед занятиями начинает болеть голова, живот, их тошнит, они испытывают другие болезненные симптомы. В остальное время они как бы сглаживаются и вовсе исчезают во летних каникулах. Примерно так же выглядит и так называемый школьный невроз, часто сопровождающий детей, с семьях которых возлагаются повышенные требования к ребенку, не соответствующие его реальным возможностям.

Бедные те дети, которым вдолбили в голову что они самые, самые, самые... Вторая отрицательная сторона выполнения их нереализованных желаний кроется в нестабильности подобной семейной структуры. Достаточно ребенку провалиться, идя по пути, предусмотренному родителями, и отношения между супругами опять резко ухудшаются. И дело тут не только в том, что исчезло связывающее их звено. Если раньше другой супруг подсознательно обвинялся в том, что он стал препятствием в достижении личных жизненных планов, то теперь к этому и, присоединиться сознательные и бессознательные упреки за неуспех ребенка.

Если вспомнить семейную ситуацию Томаса и Анны то она кончилась именно так. Фатально с первого взгляда выглядит то, что старший сын повторил жизненный путь своих родителей: после окончания музыкальной школы он не сумел поступить в консерваторию, женился и отказался от дальнейшей музыкальной карьеры. Более того, он вдруг почувствовал, что ему вообще не нравится публично играть. Родители же вскоре после неудачи сына подали заявление на развод. Крушение их связи, основанной на реализации собственных устремлений посредством ребенка, в определенной мере было закономерным. За весь продолжительный период совместной жизни они все время бежали от более углубленного понимания своих супружеских проблем, закрывали глаза на личные, экзистенциальные вопросы: чего я сам хочу от жизни? Что я могу сделать, чтобы приблизиться к своим собственным жизненным целям?

Дети в семье – дополнение, обогащение жизни двух людей, связавших себя узами брака. Они приносят радость и заботу, которые расширяют любовь друг к другу, делают любовь между мужем и женой более осмысленно, человеческой. Несомненно, что ребенку нужны оба родителя – любящие отец и мать. Однако продолжающаяся десятилетиями жизнь двух эмоционально разьединенных людей ради ребенка часто является тщетной попыткой создать иллюзорный фасад семейного благополучия. Нерешенные проблемы, хотя и спрятанные под девятью замками, влияют на ребенка посредством психологических механизмов: козла отпущения, отвержения супруга через ребенка, ребенка – члена военного союза, ребенка, как объединяющего родителей звена и др. Иногда приходится констатировать, что скрытые супружеские проблемы столь пагубно действуют на ребенка, что выгоды от сохранения брака очень сомнительны.

Во многих семьях время от времени трения, возникающие между супругами, способствуют появлению психологических проблем у ребенка. Решить эти проблемы и, таким образом, помочь ребенку часто просто невозможно без коррекции супружеских отношений.

Семья – единый организм. Нарушение эмоционального состояния ребенка, его плохое поведение, как правило является симптомом других семейных болезней. Самая хорошая профилактика – оздоровление, улаживание супружеских отношений, решение собственных проблем! Они не изолированы, а прямо вплетены в ваши отношения с ребенком. Ваши супружеские и собственные проблемы – не только ваше личное дело, но важный фактор развития личности вашего ребенка.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО СЛОВА: ДИАЛОГ С ПРОЧИТАВШИМ ЭТУ КНИГУ

Читатель. Когда я закрыл последнюю страницу вашей книги. у меня возникло странное чувство, и я хочу поделиться с вами некоторыми мыслями по этому поводу. С одной стороны. это чувство вызвано тем, что – в семье, с чем

я имел дело, происходило как-то само собой, как бы не касаясь меня. Чтение книги наполнило мои семенные отношения новым содержанием, они стали более объемными сложными, разноцветными. С другой стороны, я ощущаю какую-то тревогу, даже пессимизм: Ну а как же изменить жизнь семьи? Как это сделать лучше? Я не нашел и не нахожу ответа на эти вопросы...

Автор. Кажется, что некоторые из описанных случаев вас затронули, вы увидели в них себя.

Читатель. Да. Ну а что же дальше? Теперь я яснее, ярче вижу недостатки в своих отношениях, замечаю то, на что раньше почти не обращал внимания. Тем прискорбнее, что я не знаю, как мне дальше действовать.

Автор: Вы считаете что лучше не знать о том, чего вы сейчас же не умеете исправить?

Читатель. Да, так было бы спокойнее... Хотя нет, вряд ли это идет на пользу. Я теперь, по крайней мере, лучше понимаю происходящее, и, наверное, многое можно изменить к лучшему в отношениях с детьми, да и с женой тоже. Конечно, это уже кое-что. Возможно, постепенно я найду новые конкретные способы, как действовать, чтобы я и мой ребенок лучше понимали друг друга.

Автор. В книге вам не хватало конкретных рекомендаций, как поступить в том или другом случае?

Читатель. Думаю, что нет. Вы ведь не знаете моей семьи! Как бы там ни было, за то, что происходит в ней, отвечаем мы - я, моя жена и сын. Это - наше дело, наша ответственность.

Автор. В начале разговора вы говорили о своем странном чувстве, в котором частично присутствует раздражение, неверие в будущее...

Читатель. Возможно, такое чувство естественно. Ведь когда видишь, что многое можно изменить лучшую сторону, думаешь о будущем: смогу ли я это сделать? Хватит ли у меня терпения, сил, доброжелательности, умения? Эти мысли вызывают и тревогу, и неуверенность... Конечно, мне бы хотелось, чтобы в книге было бы больше советов - делай, мол. так и так, и все хорошо. Но я также могу предвидеть и свою реакцию, если бы какие-то из ваших советов не сработали. Я просто отрекся бы от того, что, мне кажется, я начал нащупывать, когда читал вашу книгу и думал о нашей семье.

Автор. Я рад, что вы, кажется, справились со своей тревогой, поверили в свои силы.

Читатель. Если я только сохраню желание всмотреться, почувствовать в мир ребенка, если смогу, как вы говорите, посмотреть на семью его глазами. Я верю, что найду способ, как стать ближе ему, как помочь лучше разобраться в себе и в том, что происходит вокруг него.

Автор. Верю в ваш успех: думаю, что вы и ПУТИ. Конечно, на этом пути у вас возникнет много трудностей. В этой книге мы смогли рассказать лишь о некоторых. Но существуют и другие книги, которые мы рекомендуем прочесть.